

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

ISSN 2413-6182

eISSN 2658-4867

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**COMMUNICATION
STUDIES**

2021. Т. 8. № 4

2021, Vol. 8, no. 4

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
2021. Т. 8. № 4**

Основан в 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель –
ФГБОУ ВО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»

Издается в рамках научного сотрудниче-
ства с Институтом русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

Редактор Д.С. Нерозник
Технический редактор Н.В. Москвичёва
Переводчик А.Ю. Енарьева

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-72190 от 15 января 2018 г.
Выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных техноло-
гий и массовых коммуникаций

ISSN 2413-6182

eISSN 2658-4867

«Коммуникативные исследования» –
рецензируемый научный журнал,
в котором представлены исследования
в области коммуникативистики.

К публикации принимаются статьи
на русском и английском языках

Включен в перечень ВАК.

Включен в Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а, 2 корпус ОмГУ, каб. 221
Тел.: +7(3812)22-98-15
Сайт журнала: <http://com-studies.org/ru>

Дата выхода: 17.12.2021.
Ризографическая печать.
Формат 16,4×23,9.
Заказ 177. Тираж 60 экз.
Объединенный подписной каталог
«Пресса России». Индекс 94243.
Свободная цена

Отпечатано в типографии Омского
государственного университета
им. Ф.М. Достоевского

Адрес издателя и типографии
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а

**COMMUNICATION
STUDIES
2021, Vol. 8, no. 4**

Founded in 2014

Published four times a year

Founded and published by
Dostoevsky Omsk State University

The journal is published within the frame-
work of scientific cooperation with Vinogra-
dov Russian Language Institute of the Rus-
sian Academy of Science (RAS)

Editor D.S. Neroznik
Technical editor N.V. Moskvicheva
Interpreter A.Yu. Yenaryeva

Journal Registration Certificate
ПИ No. ФС77-72190 of January 15, 2018.
Given by The Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

ISSN 2413-6182

eISSN 2658-4867

"Communication Studies" is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
communication science.

The Journal publishes articles in Russian
and English

Included in VAC list.

Included in Russian Science Citation Index.

Address of editorial office
office 221, 2nd OmSU corpus, 55a, Mira pr.,
Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia
Phone: +7(3812)22-98-15
Site of Journal: <http://com-studies.org/ru>

Date of publication: December 17, 2021.
Risograph printing.
Format 16,4×23,9.
Order 177. Circulation of 60 copies
United subscription catalog "The Russian
Press". Index 94243.
Free price

Published by Dostoevsky Omsk State
University

Address of publisher and printing house
55a, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077,
Russia

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
2021. Т. 8. № 4**

Редакционная коллегия

Главный редактор

д-р филол. наук, проф.
О.С. Иссерс (Омск, Россия)

д-р философии, проф.
Р. Андерсон (Лос-Анджелес, США)

д-р филол. наук, проф.
А.Н. Баранов (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Н.В. Богданова-Бегларян
(Санкт-Петербург, Россия)

д-р философии, проф.
Д. Вайс (Цюрих, Швейцария)

д-р филол. наук, проф.
М.А. Кронгауз (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.П. Крысин (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.А. Кудрявцева (Киев, Украина)

д-р филол. наук, проф.
Э. Лассан (Вильнюс, Литва)

д-р филол. наук, проф.
Б.Ю. Норман (Минск, Беларусь)

д-р филологии, проф.
Р. Ратмайр (Вена, Австрия)

д-р филологии, проф.
Л. Рязанова (Эдинбург, Великобри-
тания)

д-р филол. наук, проф.
И.А. Стернин (Воронеж, Россия)

д-р филол. наук, проф.
В.Е. Чернявская (Санкт-Петербург,
Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.Д. Шмелев (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук, доц.
М.В. Терских (Омск, Россия)

**COMMUNICATION
STUDIES
2021, Vol. 8, no. 4**

Editorial Staff

Editor-in-Chief

Prof. O.S. Issers
(Omsk, Russia)

Ph.D. R. Anderson
(Los Angeles, USA)

Prof. A.N. Baranov
(Moscow, Russia),

Prof. N.V. Bogdanova-Beglaryan
(St. Petersburg, Russia)

Prof. V.E. Chernyavskaya
(St. Petersburg, Russia)

Prof. A.P. Chudinov
(Yekaterinburg, Russia)

Prof. M.A. Krongauz
(Moscow, Russia)

Prof. L.P. Krysin
(Moscow, Russia)

Prof. L.A. Kudryavtseva
(Kyiv, Ukraine)

Prof. E. Lissan
(Vilnius, Lithuania)

Prof. B.Yu. Norman
(Minsk, Belarus)

Ph.D. R. Rathmayr
(Vienna, Austria)

Ph.D. L. Ryazanova
(Edinburgh, UK)

Prof. I.A. Sternin
(Voronezh, Russia)

Prof. A.D. Shmelev
(Moscow, Russia)

Ph.D. D. Weiss
(Zurich, Switzerland)

Executive secretary of the journal

PhD M.V. Terskikh
(Omsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел I. ТВОРЧЕСТВО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
В ФОКУСЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Part I. DOSTOEVSKY'S WORK IN THE FOCUS OF COMMUNICATION STUDIES

<i>Северская О.И.</i> «Достоевщина» как ключ к ассоциативно-вербальному представлению идиостиля Ф.М. Достоевского..... 643	<i>Severskaya O.I.</i> "Dostoevshchina" as a key to the associative-verbal presentation of Dostoevsky's individual style.....643
<i>Хазазеров Г.Г., Бондарева А.А.</i> Ф.М. Достоевский и судебное красноречие 659	<i>Khazagerov G.G., Bondareva A.A.</i> Fyodor Dostoevsky and forensic oratory659
<i>Чжао Хун, Дубкова О.В.</i> Перевод и исследование творчества Ф.М. Достоевского в Китае в XXI в. 671	<i>Zhao Hong, Dubkova O.V.</i> Translation and research of F.M. Dostoevsky in China in the 21st century.....671

Раздел II. ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part II. THEORY OF COMMUNICATION

<i>Горшкова Н.Э., Черныавская В.Е.</i> Визуальная интертекстуальность как способ смыслопорождения 689	<i>Gorshkova N.E., Chernyavskaya V.E.</i> Visual intertextuality as a method for meaning generation689
<i>Лю Гаочэнь, Маркасова Е.В.</i> Я есть я (идентичность и коммуникация)..... 701	<i>Liu Gaochen, Markasova E.V.</i> I am who I am: communication and identity701

Раздел III. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Part III. MODERN DISCOURSE PRACTICES

<i>Абрамова А.С.</i> Актуальное членение письменного диалогического высказывания и адресатоцентрическая модель коммуникации 719	<i>Abramova A.S.</i> Relevant division into parts of written dialogic utterance and addressee-centric communication model.....719
<i>Волошина С.В.</i> Концепт «Образование» в речевом жанре автобиографии..... 734	<i>Voloshina S.V.</i> The concept of "Education" in the speech genre of autobiography..... 734
<i>Дахалаева Е.Ч.</i> Автореферентные компоненты в дискурсе владельца жилья (на примере жанра «рум тур») 751	<i>Dakhalaeva E.Ch.</i> The self-reference components in the house owner discourse (on the example of the room tour genre)751
<i>Деметьев В.В.</i> Ковид-анекдоты в Рунете: тематические и структурные типы 766	<i>Dementyev V.V.</i> Covid anecdotes in the Runet: thematic and structural types.....766
<i>Климова М.А., Муфазалова И.В.</i> (Потенциально) прецедентные феномены в рэп-баттлах..... 790	<i>Klimova M.A., Mufazalova I.V.</i> (Potentially) precedent phenomena in rap battles790
<i>Ромашова И.П.</i> «Клиентоориентированность» как ценность корпоративного дискурса..... 810	<i>Romashova I.P.</i> "Customer-oriented approach" as a value of corporate discourse.....810

**Раздел IV. КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
В ИССЛЕДОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Part IV. COMMUNICATION ASPECTS IN THE STUDY OF LITERARY TEXT

<i>Вознесенская М.М.</i> Муха под микроскопом русской литературы (Достоевский vs. Толстой, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Гончаров)825	<i>Voznesenskaya M.M.</i> A fly is under the microscope of Russian literature (Dostoevsky vs. Tolstoy, Saltykov-Shchedrin, Turgenev, Goncharov) 825
<i>Мисюров Н.Н.</i> Прецедентные феномены романа Э.Т.А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» (типология чтения и процесс «порождения» текста).....851	<i>Misyurov N.N.</i> Precedent phenomena in E.T.A. Hoffmann's novel "The Life and Opinions of the Tomcat Murr" (reading typology and process of texts production) 851

Раздел V. РЕЦЕНЗИИ

Part V. REVIEWS

<i>Кара-Мурза Е.С.</i> Смыслы в контекстах. Рецензия на монографию В.Е. Чернявской «Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения» (М.: URSS: ЛЕНАНД, 2021. 208 с.)871	<i>Kara-Murza E.S.</i> Meanings in contexts. Review of V.E. Chernyavskaya's monograph "Text and social context: sociolinguistic and discursive analysis of meaning generation" (Moscow, URSS publ., LENAND publ., 2021, 208 p.) 871
<i>Мальшева Е.Г.</i> Рецензия на коллективную монографию «Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное моделирование образа региона» (М.: Перо, 2020. 308 с.)882	<i>Malysheva E.G.</i> Review of the collective monograph "Kuzbass: complex cognitive-discursive modelling of the region's image" (Moscow, Pero publ., 2020, 308 p.) 882
<i>Информация для авторов</i>891	<i>Information for authors</i> 896

Раздел I

**ТВОРЧЕСТВО
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ФОКУСЕ
КОММУНИКАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Part I

**DOSTOEVSKY'S WORK
IN THE FOCUS
OF COMMUNICATIONS STUDIES**

«ДОСТОЕВЩИНА» КАК КЛЮЧ К АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОМУ ПРЕДСТАВЛЕНИЮ ИДИОСТИЛЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

О.И. Северская

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Аннотация: Предпринимается попытка уточнения смысловой структуры концепта «достоевщина» с опорой на предложенную Ю.Н. Карауловым ассоциативно-вербальную модель описания языка; анализируемая идеоглосса в данном случае становится словом-стимулом, которому сопоставляются различные словесные реакции, выступающие в роли его семантических предикатов. Рассматривается связь ассоциаций с сюжетно-фабульной структурой ключевых романов Достоевского, с их фразеологией; контекстные значения идеоглоссы *достоевщина* сопоставляются со словарными, с их денотативным, сигнификативным и оценочным компонентами, а также с семантизациями ее сленгового варианта *достаевщина*, говорящими о ее оценочной амбивалентности. Автор использует метод корпусного исследования полной выборки употреблений, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка, и следует при этом стратегии портретирования словесного объекта по множеству высказываний о нем. Ассоциативно-вербальная сеть идеоглоссы *достоевщина* представляет собой, по мнению автора, «портрет» идиостиля Достоевского. Вербализованные в ассоциациях представления о мрачности окружающего мира, его «гнили и смраде», об обреченности человека на страдания, душевной неуравновешенности и противоречивости чувств, о «страстях с криминалом» отражают культурно-языковые стереотипы, получившие словарную фиксацию. Полученные в ходе исследования данные говорят также о соответствии ключевых ассоциаций (таких как *убийство, преступление, покаяние, расплата, вина, жестокий роман, мучительный самоанализ, обнажение противоречий* и некоторые другие) доминантам, уже установленным другими учеными, «символическим парадигмам» в индивидуальном авторском тезаурусе, а также особо значимым для творчества Достоевского семантическим кластерам «Ценности (мораль, нравственность, совесть)», «Эмоциональные состояния», «Мышление, сознание». Делается вывод о почти полном соответствии рецепции романов Достоевского творческой интенции автора.

Ключевые слова: ассоциативно-вербальная сеть, модель идиостиля, корпусное исследование, «достоевщина», Достоевский.

Для цитирования:

Северская О.И. «Достоевщина» как ключ к ассоциативно-вербальному представлению идиостиля Ф.М. Достоевского // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 643–658. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).643-658.

Сведения об авторе:

Северская Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

ORCID: 0000-0002-6277-9756

Контактная информация:

Почтовый адрес: 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Дата поступления статьи: 09.09.2021

Дата рецензирования: 19.09.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

1. Введение

Достоевский всегда привлекает внимание исследователей – и не только в юбилейные годы. Дело в том, что, как точно заметил И.В. Ружицкий, «Достоевский – личность, безусловно, парадоксальная, неоднозначная, амбивалентная, до сих пор продолжающая своим творчеством воздействовать на умы читателей, причем не только русских, подчас заставляя не любить себя и даже ненавидеть, – и потому, что язык его сложен, и потому, что слишком уж всё мрачно, и, наконец, потому, что извлекается из дальних глубин подсознания то, что, казалось бы, спрятано навсегда – табуированные пороки, потаенные желания, страсти, вскрываются механизмы мотивации поведения человека, которые неизменны» [Ружицкий 2013: 74]. В последние десятилетия обсуждаются вопросы рецепции творчества и языка Достоевского как при жизни писателя [Frank, Petruszewicz 2012], так и в XX в. [Пуцаев 2020; Сараскина 2019], делаются попытки представить мир писателя через его язык [Williams 2008] и определяющую его философию [Sicovacki 2012]. Есть и примеры целостного осмысления и энциклопедического представления индивидуальной художественно-языковой системы Достоевского в социокультурном и биографическом контексте [Lantz 2004]; кроме того, уже много лет его языковая личность и идиостиль в системном аспекте находятся в фокусе внимания авторов «Словаря языка Достоевского» [Слово Достоевского... 2014; Осюкина 2012; Ружицкий 2013, 2015].

Исходя из понимания идиостиля как языкового феномена, проявляющегося как отчетливая тенденция в выборе определенных формальных средств выражения смысла по сравнению с альтернативными спосо-

бами передачи той же семантики [Баранов, Добровольский, Фатеева 2021: 376], индивидуальный стиль Достоевского можно представить в виде многомерной модели: лексической, синтаксической, нарративной, интертекстуальной [Баранов, Добровольский, Фатеева 2021: 377], – или же в виде «комплексного многопараметрового описания» [Ружицкий 2013: 74], определяющего на лексическом уровне состав идео- и идиоглосс (слов-концептов и частотных, нередко, но не обязательно контекстно синонимизирующихся с ними лексем) и систему их значений, с опорой на подчинительные и сочинительные синтаксические связи, которые позволяют объединить идео- и идиоглоссы в авторский тезаурус [Ружицкий 2013: 74–76], или, в терминах Ю.Н. Караулова, ассоциативно-вербальную сеть.

Вводя это понятие в научный оборот, Ю.Н. Караулов уточнял: «Любое слово в нашем сознании, в памяти, точно так же как в речевой цепи, не существует... в отдельности: оно десятками, сотнями “нитей” тянется к другим словам. Любое слово требует, так сказать, “продолжения”, ищет свою пару, хочет превратиться в “модель двух слов”. <...> При этом каждая пара стимул-реакция – это еще не законченное высказывание, но уже необходимая его составляющая – либо грамматически оформленная его часть, либо только ядро будущего высказывания, которому предстоит придать завершённую форму» [Караулов 1994: 191]. В более поздних работах Ю.Н. Караулова и Ю.Н. Филипповича ассоциативно-вербальная сеть определялась и как «окно» в языковое сознание, своего рода «когнайзер», специфический «объект динамического характера, функционирование которого результируется постоянным приращением смыслов, ростом количества входящих в него специфических единиц знания, т. е. процессами осознания и познания (курсив авторов. – О. С.)» [Караулов, Филиппович 2009: 4]. Особый интерес представляет взаимодействие в подобной сети идеоглосс с идиоглоссами, которые, в свою очередь, могут становиться словами-концептами, образуя центры всё новых полей за счет множасьихся реакций на идиоглоссу-стимул.

2. Цели, материал и методология исследования

Целью данного исследования было выстроить ассоциативно-вербальную сеть для слова-стимула *достоевщина*, обнаружив узуальные реакции на него во включающих это слово фрагментах текстов, определив по отраженным в микроконтекстах семантико-синтаксическим связям объем понятия «достоевщина» и уточнив семантическую структуру отражающего его слова.

Интересно было и сравнить отраженные в узусе представления с теми, которые уже зафиксированы в толковых словарях. Слово *достоевщина* присутствует в них довольно давно. Д.Н. Ушаков, в частности, дает ему два толкования: «1. Психологический анализ в манере Достоевского. 2. Душевная неуравновешенность, острые и противоречивые душевные

переживания, свойственные героям романов Достоевского» [Ушаков 1935–1940]. В словаре Т.Ф. Ефремовой этому слову также ставится в соответствие «противоречивость чувств, душевная неуравновешенность, страдание и обреченность» [Ефремова 2006]. «Русский семантический словарь» (под редакцией Н.Ю. Шведовой) *достоевщиной* называет «углубленность в мучительный самоанализ, сознательное обнажение всех сложностей и противоречий своих переживаний, поступков» [Шведова 1998]. Попала *достоевщина* (в том числе и в варианте *достоевщинка* – как следствие контаминации *доставать* и *Достоевский*) и в жаргонный «Словарь петербуржца» Н.А. Синдаловского, где определяется как «разговор по душам до потери пульса» и «навязывание собственных рефлексий» [Синдаловский 2003].

Еще одна задача состояла в сопоставлении полученной ассоциативно-вербальной сети с уже установленными таксонами [Баранов, Добровольский, Фатеева 2021], параметризирующими лексико-семантическую модель идиостиля Достоевского.

Исследование проводилось на материале Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new>), поскольку именно корпусный подход позволяет получить достаточно полную и статистически значимую выборку употреблений [Плунгян 2008; Шилихина 2014]: *достоевщина* встретилась 90 раз в основном корпусе и 21 раз в газетном (единичные употребления, в общей сложности 4, есть и в устном, мультимедийном и поэтическом корпусах); отмечено было и 7 употреблений в форме *достоевщинка*. Контент-анализ полученных пар «стимул – реакция» выявил частотные определения *достоевщины*, складывающиеся в культурно-языковой стереотип, или, по Т.В. Шмелевой [Шмелева 2010], ее «словесный портрет». Дальнейший анализ подтвердил первоначальную гипотезу: *достоевщину* можно определить как идеоглоссу, дающую ключ к ассоциативно-вербальному представлению идиостиля Достоевского.

3. Результаты исследования

Статистика употреблений лексемы *достоевщина* в распределении их по годам чрезвычайно показательна: пики приходятся на кризисные моменты, чаще всего о «достоевщине» говорили и размышляли между революциями 1905 и 1917 гг. и в годы гражданской войны, во время «оттепели» и «перестройки», последний всплеск частотности начался с разразившегося в 2008 г. мирового экономического кризиса. В такие периоды обостряются противоречия, переживания и чувства, соответствующие словарным значениям рассматриваемого слова.

Материал Национального корпуса русского языка показал, что семантический спектр ассоциаций, характеризующих *достоевщину*, шире семантизации слова в толковых словарях русского языка.

Однако при всем разнообразии ассоциаций, уточняющих объем стоящего за рассматриваемым словом понятия, есть и такие, которые го-

ворят об известной прономинализации, «стирании» этой лексической единицы. Так, встречаются примеры, в которых «достоевщина» никак не определена: *угробил полдня на возню с **достоевщиной*** (А. Измайлов. Трюкач); *«Давайте без **достоевщины**», – ввернул Певцов недавно услышанное от одной курсистки **модное словечко, значение которого Иван Дмитриевич не понял, но спрашивать не стал, дабы не показывать свою необразованность*** (Л. Юзефович. Костюм Арлекина).

Интернет-поиск позволил обнаружить и формально-семантические трансформации анализируемой идеоглоссы в сленговых употреблениях, указывающих (что будет показано дальше) на ее амбивалентность и многозначность.

3.1. «Достоевщина» у Достоевского и в его литературном наследии

Прежде всего, *достоевщина* может как отождествляться с человеческой и литературной личностью самого писателя – о чем говорит, например, написание слова с прописной буквы: *Но это уже «**Достоевщина**»* (Н.Н. Берберова. Курсив мой), или же совместное употребление анализируемой идеоглоссы и имени собственного в сочинительной конструкции: *разве на каждом шагу... не чувствуется **Достоевский, достоевщина?*** (Н.В. Устрялов. Patriotica), так и противопоставляться ей: *Тактика заставляет меня умахать **Достоевского** в борьбе с «**достоевщиной**»* (А. Белый. Между двух революций).

Кроме того, с этим понятием ассоциируется не только весь жизненный путь Достоевского и его творчество и литературно-философская доктрина в совокупности – творческий **метод, литература и философия**: *Нельзя **идти путем Достоевского, нельзя жить по Достоевскому***. <...> *«**Достоевщина**» таит в себе для русских людей не только великие духовные сокровища, но и большие духовные опасности* (Н.А. Бердяев. Мирозерцание Достоевского), но и отдельные произведения. Чаще всего возникают ассоциации с «Преступлением и наказанием», «Идиотом» и «Братьями Карамазовыми».

«Преступление и наказание» – самый популярный источник ассоциаций. С «достоевщиной» с отсылкой к этому роману соотносятся, прежде всего, *убийство, изучение природы убийств, сознание Раскольникова* (Комсомольская правда. 27.02.2002), традиционно выделяемые исследователями как ключевые мотивы.

При этом осмысливается и идеология *убийства*: *Это уже **достоевщина, которая растолковала, что русский человек... из-за денег не убьет, спасая себя – не убьет, рвась к власти – не убьет, а вот из-за теории – убьет*** (А. Слаповский. Висельник), и этические проблемы: *А потом еще и гоношишься: да ладно, кончайте **достоевщину**... Человек... научился **любоваться убийством, получать утонченные удовольствия там, где прежде были смрад и гниль*** (Известия. 26.07.2010), и главная

мысль романа, например, в утверждении о том, что в сериале «Бригада» присутствует «атмосфера *достоевщины*»: *Вспомните, ведь у Достоевского, человек, который преступил, рано или поздно за все платит* (Известия. 23.10.2002).

Ассоциации вызывает и основная сюжетная коллизия романа – *убийство старухи*, которое расценивается как прецедентный факт по отношению к сходным ситуациям: *Господа и товарищи... сегодня я тоже имел честь перешагнуть через свою старуху, но вы не задушите меня ее выдуманной ладонью. О, черт бы взял эту вечную достоевщину, преследующую русского человека!* (В. Пелевин. Чапаев и пустота); *От патологической ненависти к старухе и омерзения... начали подниматься руки и потянулись к ее жалкой глотке. Это был настоящий припадок, это была настоящая, без примесей, достоевщина* (В. Коенский. Вчерашние заботы). При этом на прецедентную ситуацию могут указывать узнаваемые детали: *Опеку над жилищкой... оформили юридически или вот-вот оформят... далее без проблем. Даже гробить никого не надо, без достоевщины обойдется: ни топора, ни "куклы" – портсигара. Просто обкормить старушку... да той же салями!* (А. Измайлов. Трюкач).

Впрочем, *убийство*, ассоциируемое с *достоевщиной*, не обязательно отсылает именно к этому роману. Так, не вполне ясно, какое именно преступление – Раскольников или Рогожина – имеется в виду в следующем микроконтексте: *Но тут было другое, тут была какая-то темная достоевщина – пустая квартира, труп, накрытый английским пальто, и дверь во враждебный мир, к которой уже шли, быть может, досужные люди... Усилием воли я прогнал эти мысли – вся достоевщина, разумеется, была <...> в моем сознании, пораженном метастазами чужого покаяния* (В. Пелевин. Чапаев и пустота). В другом же случае отождествляемая с «достоевщиной» *страсть-мордасть с криминалом* (Лебедь (Бостон). Блог. 26.05.2003) появляется в контексте рассуждения о романе «Идиот».

Название его, в свою очередь, вызывает ассоциации с образом главного героя, воплощающего суть «достоевщины»: *Если человек идиот, то он умнее всех* (Л.Я. Гинзбург. Записные книжки). Косвенно с этим романом связаны такие ассоциативно-вербальные определения «достоевщины», как нечто *идиотское, безумное, безмозглое*, встречающиеся в корпусе неоднократно. На связь с «Идиотом» указывают и контексты, в которых либо «достоевщину» олицетворяет *Мышкин как Христос* (Лебедь. Блог. 26.05.2003), либо, напротив, *Христос, Человекобог, Богочеловек по имени Иешуа Га-Ноцири, Иисус из Назарета* ей противопоставляется (М. Козаков. Актерская книга. 1978–1995), что согласуется с существующими исследованиями как этого романа [Young 2004], так и творчества Достоевского в целом [Van den Bercken 2011].

Вместе с тем большинство ассоциаций в этом поле опосредовано другими образами и другими сюжетными линиями, а именно, образами Рогожина и Настасьи Филипповны и их романскими отношениями.

Так, с Настасьей Филипповной ассоциируются *девушки – всегда с перчинкой, с дымком... с Достоевщиной* (Известия. 30.09.2001), с ее отношениями с Рогожиным – соотносимое с понятием «достоевщины» представление о мучительной любовной связи: *живая женщина... пришла к живому мужчине, и не просто пришла от того, что полюбила, а как раз наоборот, оттого, что не любит*» (В. Корнилов. Демобилизация). В качестве реакции на слово-стимул появляются и «символьные» словосочетания *жестокый роман, горькая участь и сущий ад, зато нескудно* в контексте: *после удручающей стерильности западной жизни страстно хотелось достоевщины* (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания). Представление о «жестоком романе» может оставаться и в подтексте: *Он объявит, что без тебя ему не жить... потом пойдет сплошная достоевщина, и он не отвяжется от тебя уже никогда. Один к одному! Задушевные беседы плавно перешли в ухаживания, ухаживания – в приставания, приставания – в преследования* (В. Белоусова. По субботам не стреляю). В целом с «Идиотом» чаще всего связывается представление о роковых страстях, виновницей которых становится именно женщина, а это также осознается как проявление «достоевщины»: *Достоевщина какая-то: захлестнули бабу поздние желания, прорвались, долго сдерживаемые, – и душа вон, к быку на рога не страшно* (В. Личутин. Любостай). А вот представление о «достоевщине» как *гулах, разгулах, надрыве* неожиданно ассоциируется не с Настасьей Филипповной, а с Грушенькой, героиней «Братьев Карамазовых».

Этот роман включается в ассоциативно-вербальную сеть «достоевщины» не через сюжетно-фабульные построения и не через образы героев, хотя они иногда и упоминаются, как, например, в этом портрете Есенина: *Как Алеша, он был розов, застенчив, малоречив, но в нем не было ни тени «достоевщины»* (М.В. Бабенчиков. Сергей Есенин). Большинство в наборе реакций составляют вариации на тему «слезы ребенка» из ставшего крылатым выражения Ивана Карамазова о том, что «весь мир познания не стоит... слезок ребеночка к “боженьке”». Вот некоторые из них: *Галина Хованская, депутат Госдумы, говорит, что новый Жилищный кодекс поднял всю муть со дна человеческой души. Прямо достоевщина. Только слеза ребенка уже не в счет* (Труд-7. 26.06.2007); *Братцы, ребенок плачет. Вы что – будете строить свое счастье на слезах одного ребенка? – К черту достоевщину!* (Н. Горланова. Филологический амур). Представление о «детских слезах» может трансформироваться в картину оплакивания ребенка, даже тогда, когда смерть или слезы остаются в подтексте: *У вас будет еще много мальчиков. – Не хочу, не хочу другого мальчика! – Ну, дружочек. – Доктор похлопал его по рыдающему плечу. –*

Бросайте эту достоевщину разводить. А то выйдет у нас не больница, а литературный кружок (М. Елизаров. Pasternak). Встречаются и совсем тонкие аллюзии, как, например, в контексте, где возникает по ассоциации цепочка **от какого-то мальчика Вани... до вице-преьера... не нашедшего иного способа повернуть деньги на себя, кроме как убить стоящих у него на пути** (Известия. 18.04.2006), связывающая с «достоевщиной» философию «Братьев Карамазовых» и «Преступления и наказания» одновременно.

3.2. «Достоевщина» и жизнь, смерть, внутренний и внешний мир

Смерть, гроб, отпевание, морг, тлен, гниль, смрад, упоение гибелью ассоциируются с «достоевщиной» довольно часто, она характеризуется и как нечто *мрачное, жуткое, разрушительное, жестокое, несправедливое, трагическое, маниакальное*. Кроме того, в роли контекстных синонимов выступают и *трагический миф, тоска по трагедии, кровь, боль, тревога, ранимость, незащищенность, вина, желание восстановить попорченную истину, муть со дна души, страдания человека в большом городе, безвыходность* (ср.: *Все улицы были перекрыты. Куда бы мы ни направлялись, везде кордоны. Свернув с главных улиц, мы кружили по переулкам, искали выход к нужным местам. Какая-то достоевщина!* (Л. Вертинская. Синяя птица любви)), *растерянность, уподочнические настроения, мучительность, обреченность, бедность, беды, счастье – как со знаком «минус»: «нет» безмозглу счастью и «да здравствуют» глубокие размышления в дерьме... и я начинаю думать, что достоевщина сидит в каждом русском* (Комсомольская правда. 28.04.2001), – так и со знаком «плюс», когда синонимом «достоевщины» становится возможность *поговорить о душе, о счастье в высоком смысле... и, взявшись за руки, вместе отправиться на поиски этого счастья* (Комсомольская правда. 15.04.2005).

«Достоевщине» в ассоциативно-вербальном поле сопоставляются и чисто внешние атрибуты – например, внешним проявлением внутренней «достоевщины» оказывается, например, *кривой передерг губ*, а в окружающем человека мире – стереотипные *мрачные дворы-колодцы, жуткие лестницы домов*. Но даже без упоминания этих типичных реалий «Петербурга Достоевского» его образ проступает в тексте: *Сразу повеяло чем-то сырым, подвальным; какая-то дурная достоевщина, вызревшая в самой сердцевине реальной жизни. И обнаружившая давнюю гниль, скрытую ныне под масштабным евроремонтом, которым охвачена вся страна* (Известия. 26.04.2004).

У «достоевщины» обнаруживаются и *антураж, и атмосфера*, которые имеют особые видимые признаки: *темные, тусклые краски, приглушенный свет* (Труд-7. 28.11.2006); *полутона, четкие линии размываются, пятна красок, мешанина настроений* (В. Аксенов. Праздник, который хотели украсть), – состояние «непроявленности» как раз и является источником стереотипно отмечаемой в «достоевщине» противоречивости.

3.3. «Достоевщина» в узусе и в словарях

Что касается словарных значений, представленных в зафиксированных в корпусе ассоциативных парах, то они соответствуют трем аспектам понятия «достоевщина».

Прежде всего, реакции отражают представление об «углубленности в мучительный самоанализ»: «достоевщина» ассоциируется с *мучительными пассивными переживаниями* (Петербургская газета. 09.05.1911), *интеллигентским самобичеванием* (А. Львов. Двор). Встречаются и более развернутые определения: **И сладко, что заставили заглянуть в себя, и мерзко, и куклой чувствуешь себя в руках манипулятора** (Известия. 26.07.2010); **Разве ты не видишь, он изломан, изъезжен... какими-то своими философиями, писаниями, вообще достоевщина за пять копеек** (Р.Б. Гуль. Азеф).

«Противоречивость чувств, душевная неуравновешенность» (ср.: *до рассвета не дожить, но при этом сердце горит, кровь бурлит* (Комсомольская правда. 04.05.2011)) является прямым продолжением «самокопания» и «самосожжения»: **«Достоевщина»... всегда замыкается в пределы одного сознания, копается в нем, создает культ раздвоенности изолированной личности** (М.М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского); **Дело в том, что «про себя» – я не совсем то, даже совсем не то, каким «реализуюсь» в своих поступках. Но это уже «достоевщина»** (Н.Н. Берберова. Курсив мой); **И вот началась музыка, достоевщина: «С одной стороны, признаю, но, с другой стороны, подчеркиваю...»** (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок). Противоречивой оказывается и структура ассоциирующихся с «достоевщиной» образов: *проститутка-святая, убийца-герой* (Л.Я. Гинзбург. Записные книжки).

Эти стереотипные ассоциации коррелируют и со сложившимся в литературоведении [Santayana 2017] представлением о «психоанализме» Достоевского.

3.4. «Достоевщина», доставляющая и доставляющая

Наряду с *достоевщиной* в исследованном материале встретились и две сленговые трансформации: *достаёвщина* и *достаевичина*.

Если первый вариант мотивирован только глаголом *доставать* в значениях, приведенных в интернет-энциклопедии сленга «Вокабула.рф» (*доставать* – надоедать кому-либо, приставать, придирается к кому-либо, раздражать кого-либо, нудить в смысле быть нудным, примеры текста: *Один чел решил меня доставать, звонит ночью как телефонный хулиган, с разных билайновских номеров; Перестаньте доставать людей своими услугами ненужными! Достали ваши письма!*), то второй кроме мотивировки «доставанием», т. е. «навязыванием собственных рефлексий», «разговором о душе до потери пульса» и «терроризированием классикой», косвенно связанными с *достоевщиной*, мотивирован и глаголом *доставлять* в его сленговой непереходной форме (*доставлять* – доставлять

удовольствие, пример текста: *Доставило, что даже забрав документы, он продолжал регулировать движение, параллельно о чём-то (ггг) перебирая с провинившимся водителем*). Игру между общеязыковым значением глагола *доставлять* «привозить, приносить что-л. к месту назначения» и сленговым использует, в частности, компания по доставке еды Dostaeвский, которая обещает клиенту доставить удовольствие на первой же странице сайта: *Еда, приготовленная с душой, всегда только свежие продукты, увлечённые своим делом повара, интересное и разнообразное меню для гурманов и ценителей классики – Dostaeвский предлагает москвичам... оценить преимущества нашего сервиса* (<https://msk.dostaevsky.ru>), т. е. гарантируя *доставку* во всех смыслах слова.

Интересно, что и *достоевщина*, напрямую связанная с именем Достоевского, может (о чем свидетельствует, например, обсуждение на читательском форуме «Грамоты.ру» от 04.06.2008: <http://gramota.ru/forum/litugolok/23692/>) как *доставлять*: (la Inconnue) *Зачитываюсь книгами Достоевского!*; (ББ) *Я очень люблю «Бедные люди». За что – не знаю, на то она и любовь*; (Kuchka) *читая Достоевского, я чувствую легкое безумие, это и есть, наверно, «психическая нездоровость», но приятная, «сладоэротическая» (привет Ф. М.!), – так и доставать: (Р. Г.) Имхо, очень многие не любят эту священную корову, но стесняются в этом признаться. Лично я считаю, что _любить_ Достоевского психически здоровый человек НЕ МОЖЕТ. Именно любить: знать его (в умеренных дозах) не вредно, профессионалам (тем же психиатрам) копать в _таком_ приходится – но любить... Одно дело – изучать болезни, включая анализ кала, другое дело – получать от копания в дерьме удовольствие... Хотя бы эстетическое :)*

Примеры такой оценочной амбивалентности *достоевщины* есть и в других употреблениях, в некоторых микроконтекстах (ср.: Октябрь. 2003. № 3) встречается и констатация превращения *достоевщины* из *ругательства* в синоним *загадочности жизни*. В свете ассоциаций меняется и общеязыковая оценочность, связываемая с *достоевщиной*: с отраженной в словарных толкованиях неодобрительно-отрицательной на практически нейтральную, свойственную простой констатации факта.

Особый оценочный колорит имеет разговорный вариант *достоевщина*, в котором семантика суффикса *-щин-*, в норме придающего значению образованного с его помощью слова оттенок неодобрительности [Русская грамматика 1980: 180], смягчается значением уменьшительности, привносимым суффиксом *-к-* [Русская грамматика 1980: 180]. Так, в одном из примеров суффикс *-щин-* сравнивается с *ведьминой метлой*: *когда «щинили» культуру... вылезало что-то дьявольское* (Знамя. 2000. № 6). Суффикс *-к-* же, не отменяя пейоратива, оценку смягчает: *Нет, брат, не простой ты человек! – <...> Во-первых... – начал опять я в злобе, но ровно ничего из этого не вышло. – Ничего не во-первых! – кричал пожилой, – а сидит в тебе достоевщина!* (М.А. Булгаков. Театральный роман); Тол-

стой... отличался от Достоевского тем, что умел восхищаться обыденным. <...> Хотя и он не избежал **«достоевщинки»** – интимный дневник, показанный невинной девушке, поступок, впоследствии названный ею «излишней добросовестностью», «страх, недоверие и желание бегства» перед свадьбой, мучительные допросы, достаточно ли она его любит... (А. Мелихов, А. Столяров. Небесное и земное). В подобных примерах *достоевщинка* так же соотносится с *достоевщиной*, как и *червоточинка* ‘небольшой изъян, недостаток’ с *червоточиной* ‘изъяном, несовершенством, грозящим в дальнейшем какими-либо неблагоприятными последствиями’. Но есть и случаи, когда *достоевщинка* сочетает в своей семантике пейоратив и мелиоратив, находящиеся в зыбком амбивалентном равновесии: *Другими могли бы стать девочки-то, с достоевщиной, две Неточки Незвановы, представь себе такое, – а они умницы, жизнерадостные, все по хозяйству умеют, Маруся у нас художница, Танечка в любительском театре, и без пяти минут невесты, дай Бог им счастья* (Н. Галкина. Вилла Рено). Если *достоевщина* синонимизируется с *чертовщиной* ‘чем-то, связанным с нечистой силой / чем-то непонятным или несуразным, нелепым’, то *достоевщинка* – с *чертовщиной* ‘чем-то необычным, оригинальным, озорным’: *Ни одной пьяной слезы не вышибали из глаз, никакой «достоевщиной» не щекотали расхлябанной интеллигентской чувствительности ни копролалия Крученных, ни размалеванная щека Бурлюка, ни полосатая кофта Маяковского, ни мое жабо прокаженного Пьеро* (Б.К. Лившиц. Полутораглазый стрелец).

Набор реакций, отмеченных в корпусе, показывает, что «достоевщина» может также оцениваться по степени своего проявления как *настоящая; рафинированная, без примесей; с допустимым процентом примесей; с большой долей; высшей точки напряжения; встречается даже ее народный вариант.*

4. Выводы

Анализ материала показывает, что *достоевщине* соответствует достаточно широкое и разветвленное ассоциативно-вербальное поле, которое на лексико-семантическом уровне структурируется словарными значениями идеоглоссы. Вместе с тем некоторые из значений уточняются и переосмысливаются за счет усиления денотативных либо сигнификативных компонентов.

Некоторые признаки «достоевщины» рассматриваются как эталонные, позволяющие предсказать их субъектам, объектам и ситуациям, сопоставимым с теми, что описаны в «Преступлении и наказании», «Идиоте» и «Братьях Карамазовых»: в этом плане ключевыми оказываются ассоциации *убийство, преступление, покаяние, расплата, вина, жестокий роман, мучительный самоанализ, обнажение противоречий* и некоторые другие, соответствующие выделяемым в тезаурусе Достоевского «сим-

волическим парадигмам» [Ружицкий 2013: 77] и доминантам лексико-семантической модели его идиостиля [Баранов, Добровольский, Фатеева 2021: 377–379].

Фразеология самого Достоевского задействована в рассмотренном ассоциативно-вербальном поле минимально, исключение составляет фразеологизированное выражение *слеза ребенка*, которое относится к наиболее значимым для идиоматики Достоевского семантическим кластерам «Эмоциональные состояния» и «Ценности», «Нравственность, мораль, совесть» [Баранов, Добровольский 2020: 21] и при этом трактуется весьма широко.

Совпадения словесных реакций на *достоевщину* с выявленными в текстах Достоевского доминантами идиостиля, как представляется, говорят об адекватности рецепции романов творческой интенции их автора.

Тем самым идеоглосса *достоевщина* действительно оказывается своего рода символом квинтэссенции идиостиля писателя, моделируемого соответствующей ей сетью ассоциативно-вербальных представлений.

Список литературы

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматика Достоевского глазами современного носителя языка // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 11–27. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-45-3-11-27.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Фатеева Н.А. Идиостиль Ф.М. Достоевского: направления изучения // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 374–389. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-374-389.
- Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ: Астрель: Харвест, 2006. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova> (дата обращения: 08.09.2021).
- Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: Помовский и партнеры, 1994. Кн. 1. С. 191–218.
- Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования: моногр. М.: Азбуковник, 2009. 334 с.
- Осокина Е.А. Словарь языка Достоевского. За пределами авторской поэтики: классификационное «древо» // Достоевский и современность: материалы XXVI Междунар. Старорус. чт. (Великий Новгород, 21–24 мая 2011 г.). Великий Новгород, 2012. С. 291–299.
- Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.
- Пуцаев Ю.В. Советский Достоевский: Достоевский в советской культуре, идеологии и философии // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 4. С. 102–118. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-4-102-118.

- Ружицкий И.В.* Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 57 с.
- Ружицкий И.В.* О языке Достоевского // Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 9. С. 73–80.
- Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.
- Сараскина Л.И.* Образ Достоевского в эпоху политических реабилитаций. Критика, экран, сцена // Художественная культура. 2019. № 4 (31). С. 426–459. DOI: 10.24411/2226-0072-2019-00090.
- Синдаловский Н.А.* Словарь петербуржца. СПб.: Норинт, 2003. 320 с. URL: http://peterburger_lexikon.academic.ru/801 (дата обращения: 08.09.2021).
- Слово Достоевского. Идиостиль и картина мира: моногр. / под общ. ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПУС, 2014. 528 с.
- Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Сов. энциклопедия – ОГИЗ, 1935–1940. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/794818> (дата обращения: 08.09.2021).
- Шведова Н.Ю.* Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М.: Азбуковник, 1998. XXV, 807 с. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?p=235> (дата обращения: 08.09.2021).
- Шилихина К.М.* Использование корпусов в исследованиях дискурса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 21–26.
- Шмелева Т.В.* Портретирование как стратегия лингвистического исследования // Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. Великий Новгород, 2010. С. 193–197. (Записки Филиала РГГУ в г. Великий Новгород. Вып. 8).
- Cicovacki P.* Dostoevsky and the Affirmation of Life. New Brunswick, New Jersey, 2012. 366 p. DOI: 10.4324/9780203792919.
- Frank J., Petruszewicz M.* Dostoevsky. A Writer in His Time. Princeton: Princeton University Press, 2012. 984 p.
- Lantz K.A.* The Dostoevsky encyclopedia. Westport, Connecticut; London, 2004. 499 p.
- Santayana G.* Dostoevsky. The Author as Psychoanalyst. New York: Routledge: Taylor & Francis, 2017. 315 p. DOI: 10.4324/9780203792933.
- Van den Bercken W.* Christian Fiction and Religious Realism in the Novels of Dostoevsky. London: Anthem Press, 2011. 164 p. DOI: 10.7135/UPO9780857289452.
- Williams R.* Dostoevsky. Language, Faith, and Fiction. London: Continuum Press, 2008. 290 p. DOI: 10.2307/25593821.
- Young S.* Dostoevsky's the Idiot and the Ethical Foundations of Narrative. London: Anthem Press, 2004. 229 p. DOI: 10.7135/UPO9781843313748.

References

- Baranov, A.N., Dobrovolskiy, D.O. (2020), Idioms of Dostoevsky from the perspective of the present-day speaker of Russian. *Journal of Psycholinguistics*, No. 3 (45), pp. 11-27. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-45-3-11-27. (in Russian).

- Baranov, A.N., Dobrovol'skij, D.O., Fateeva, N.A. (2021), Individual Style of Dostoevsky: Dimensions of Investigation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, Vol. 12, no. 2, pp. 374-389. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-374-389. (in Russian).
- Cicovacki, P. (2012), *Dostoevsky and the Affirmation of Life*, New Brunswick, New Jersey, 366 p. DOI: 10.4324/9780203792919.
- Efremova, T.F. (2006). *Modern explanatory dictionary of the Russian language*, in 3 volumes, Moscow, AST publ., Astrel' publ., Kharvest publ. (in Russian).
- Frank, J., Petruszewicz, M. (2012), *Dostoevsky. A Writer in His Time*, Princeton, Princeton University Press, 984 p.
- Karaulov, Yu.N. (1994), Russkii assotsiativnyi slovar' kak novyi lingvisticheskii istochnik i instrument analiza yazykovoï sposobnosti [Russian associative dictionary as a new linguistic source and a tool for analyzing language ability]. *Russian associative dictionary*, Bk. 1, Moscow, Pomovskii i partnery publ., pp. 191-218 (in Russian).
- Karaulov, Yu.N., Filippovich, Yu.N. (2009), *Lingvokul'turnoe soznanie russkoi yazykovoi lichnosti. Modelirovanie sostoyaniya i funkcionirovaniya* [Linguocultural consciousness of the Russian language personality. Modelling of the state and functioning], Moscow, Azbukovnik publ., 334 p. (in Russian).
- Lantz, K.A. (2004), *The Dostoevsky encyclopedia*, Westport, Connecticut, London, 499 p.
- Osokina, E.A. (ed.) (2014), *Slovo Dostoevskogo 2014. Idiostil' i kartina mira* [The word of Dostoevsky 2014. Idiostyle and the picture of the world], Moscow, LEKSRUS publ., 528 p. (in Russian).
- Osokina, E.A. (2012), Slovar' yazyka Dostoevskogo. Za predelami avtorskoi poetiki: klassifikatsionnoe "drevo" [Dostoevsky's language Dictionary. Beyond the author's poetics: a classification "tree"]. *Dostoevskii i sovremennost'* [Dostoevsky and modernity], Materials of the 26th International Old Russian Readings, Veliky Novgorod, pp. 291-299. (in Russian).
- Plungyan, V.A. (2008), Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoi korpusnoi lingvistiki [Corpus as a tool and as an ideology: on some lessons of modern corpus linguistics]. *Russian Language and Linguistic Theory*, No. 2 (16), pp. 7-20 (in Russian).
- Puschaev, Yu.V. (2020), Soviet Dostoevsky: Dostoevsky in Soviet culture, ideology, and philosophy. *Philosophy Journal*, Vol. 13, no. 4, pp. 102-118. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-4-102-118. (in Russian).
- Ruzhitskii, I.V. (2015), *Yazykovaya lichnost' F.M. Dostoevskogo: leksikograficheskoe predstavlenie* [Dostoevsky's linguistic personality: lexicographic presentation], Author's abstract, Yekaterinburg, 57 p. (in Russian).
- Ruzhitskiy, I.V. (2013), On Dostoyevsky's language. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, No. 9, pp. 73-80. (in Russian).
- Santayana, G. (2017), *Dostoevsky. The Author as Psychoanalyst*, New York, Routledge publ., Taylor & Francis publ., 315 p. DOI: 10.4324/9780203792933.
- Saraskina, L. (2019), Dostoevsky's Image in the Time of Political Rehabilitations. Criticism, Cinema, Theatre. *Art & Culture Studies*, No. 4 (31), pp. 426-459. DOI: 10.24411/2226-0072-2019-00090. (in Russian).

- Shilikhina, K.M. (2014), The use of language corpora in discourse studies. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, No. 3, pp. 21-26 (in Russian).
- Shmeleva, T.V. (2010), Portretirovanie kak strategiya lingvisticheskogo issledovaniya [Portraits as a strategy of linguistic research]. *Istoriko-kul'turnyi i ekonomicheskii potentsial Rossii: nasledie i sovremennost'* [Historical, cultural and economic potential of Russia: Heritage and Modernity], Materials of International Scientific and Practical Conference, Notes of the Russian State Humanitarian University Branch in Veliky Novgorod, Vol. 8, Veliky Novgorod, pp. 193-197. (in Russian).
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998), *Russian semantic dictionary*, Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings, Moscow, Azbukovnik publ., XXV + 807 p. (in Russian).
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980), *Russian Grammar*, Vol. 1. Phonetics. Derivation. Morphology, Moscow, Nauka publ., 783 p. (in Russian).
- Sindalovskii, N.A. (2003), *Slovar' peterburzhitsa* [Dictionary of Petersburgers], St. Petersburg, Norint publ., 320 p. (in Russian).
- Ushakov, D.N. (1935-1940), *Explanatory dictionary of the Russian language*, in 4 volumes, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya publ., OGIZ publ. (in Russian).
- Van den Bercken, W. (2011), *Christian Fiction and Religious Realism in the Novels of Dostoevsky*, London, Anthem Press, 164 p. DOI: 10.7135/UPO9780857289452.
- Williams, R. (2008), *Dostoevsky. Language, Faith, and Fiction*, London, Continuum Press, 290 p. DOI: 10.2307/25593821.
- Young, S. (2004), *Dostoevsky's "the Idiot" and the Ethical Foundations of Narrative*, London, Anthem Press, 2004, 229 p. DOI: 10.7135/UPO9781843313748.

“DOSTOEVSHCHINA” AS A KEY TO THE ASSOCIATIVE-VERBAL PRESENTATION OF DOSTOEVSKY’S INDIVIDUAL STYLE

O.I. Severskaya

Vinogradov Russian Language Institute of the RAS (Moscow, Russia)

Abstract: The article attempts to clarify the semantic structure of the concept “*Dostoevshchina*” [Dostoevsky’s spirits] using the associative-verbal model of language description proposed by Yu.N. Karaulov; in this case, the analyzed ideogloss becomes a stimulus word, which is compared with various verbal reactions that act as its semantic predicates. The connection of associations with the story-fable structure of Dostoevsky’s novels, with their phraseology is considered in this article; the contextual meanings of the ideogloss *dostoevshchina* are compared with the dictionary ones, with their denotative, signficative and evaluative components, as well as with the semantisations of its slang variant *dostaevshchina*, which indicate its evaluative ambivalence. The author uses the method of corpus research of a complete sample of uses recorded in the Russian National Corpus, and at the same time follows the strategy of portraying a verbal object by a set of statements about it. The associative-verbal network of the ideogloss *dostoevshchina* is, in the author’s opinion, a “portrait” of Dostoevsky’s idiostyle. The ideas verbalized in associations about the gloom of the surrounding world, its “rot and stench”, about a person’s doom to suffering, mental instability and contradictory

feelings, about “criminal passions” reflect cultural and linguistic stereotypes that have received a dictionary fixation. The data obtained in the course of the study also indicate the correspondence of key associations (such as *murder, crime, repentance, retribution, guilt, violent romance, painful introspection, exposure of contradictions*, and some others) to the dominants of the “symbolic paradigms” already established by other scientists in the individual author’s thesaurus, as well as semantic clusters “Values (morality, virtue, conscience)”, “Emotional states”, “Thinking, Consciousness” that are particularly significant for Dostoevsky’s work. The author comes to the conclusion that the reception of Dostoevsky’s novels almost completely corresponds to the creative intention of the author.

Key words: associative-verbal network, idiostyle model, corpus research, “dostoevshchina”, Dostoevsky.

For citation:

Severskaya, O.I. (2021), “Dostoevshchina” as a key to the associative-verbal presentation of Dostoevsky’s individual style. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 643-658. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).643-658. (in Russian).

About the author:

Severskaya, Olga Igorevna, PhD, Leading Researcher of the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics

ORCID: 0000-0002-6277-9756

Corresponding author:

Postal address: 18/2, Volkhonka ul., 119019, Moscow, Russia

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Received: September 9, 2021

Revised: September 19, 2021

Accepted: November 8, 2021

FYODOR DOSTOEVSKY AND FORENSIC ORATORY

G.G. Khazagerov¹, A.A. Bondareva²

^{1,2} Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Abstract: The Judicial Reform of 1864 was a turning point in the life of Russian society. It introduced the system of jury courts and established the profession of an attorney. First forensic orators were heavily influenced by Russian literary realism with its psychologism, representation of personality in its development, and description of *milieu* (environment). In this article, we analyse F. Dostoevsky's views on forensic oratory and system of jury courts. Mikhail Bakhtin in his work *Problems of Dostoevsky's Poetics* introduced the idea of polyphony, which he perceived as the highest expression of dialogism. But, as our analysis shows, dialogue in Dostoevsky's novels turns to be the duality: voices of his characters are the product of author's monological idea, and they respond to author's inner speech. Social dialogue in Dostoevsky's novels is substituted by inner speech, which leaves no place for an independent interlocutor, who has free will and his own psychological experience. In the context of Soviet culture, Dostoevsky's texts were, undoubtedly, dialogical. But in the context of Russia of the second half of the 19th century, his views on the judicial system, his negative attitude to social dialogue and judicial polemics were destructive to the Russian democratic institutions.

Key words: Bakhtin, Dostoevsky, dialogue, polyphony, communication, duality, forensic rhetoric.

For citation:

Khazagerov, G.G., Bondareva, A.A. (2021), Fyodor Dostoevsky and forensic oratory. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 659-670. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).659-670.

About the authors:

¹ **Khazagerov, Georgii Georgiyevich**, Prof., Professor of the Department of Russian Language, Member of The British Association for Slavonic and East European Studies (BASEES)

² **Bondareva, Anna Aleksandrovna**, PhD student of the Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication

Corresponding authors:

^{1,2} Postal address: 93, Universitetskii per., Rostov-on-Don, 344006, Russia

¹ E-mail: khazagerov@gmail.com

² E-mail: bondareva-anna@yandex.ru

Received: July 14, 2021

Revised: July 29, 2021

Accepted: November 8, 2021

The late and slow development of the polemical forms of rhetoric has always been the Achilles heel of the Russian culture, which more than once displayed a tendency towards authoritarianism and totalitarianism and experienced the longest period of propaganda in contemporary history. In this regard, it is of particular interest to investigate the attitude of Fyodor Dostoevsky, an authoritative Russian writer, to judicial polemics and social dialogue. This attitude we consider to be counterproductive to the development of Russian democratic institutions.

1. Russian Forensic Eloquence and Russian Literature: The Story of Unrequited Love

It is generally agreed that epideictic eloquence appeared earlier than judicial and deliberative [Rosenfiled 1980]. In archaic societies, epideictic discourse formed a ritualized and formalized communicative environment, where forms of “civic oratory”, not yet completely developed, were subordinate [Walker 2000: 13-16]. Much later, with the development of democratic institutions such as court and city councils, polemical forms of dialogue became necessary and significant.

Russian forensic oratory started to develop rapidly after the Judicial Reform of 1864. According to Anatoly Koni, a prominent lawyer and contemporary of the reform, the changes that started in 1861 with the abolition of serfdom could not but affect the court system – “a sorrowful monument of injustice and lawlessness” [Koni 1914: 2]. In 1864 emerged the so-called “judicial republic” [Kazantsev 1991] – the system of jury courts and the profession of an attorney (attorneys were supposed to make pleadings in court adversarial) [Vas'kovskii 1893: 216]. These events became the turning point in the life of Russian society. The judicial orators immediately became significant public figures, and their position remained the same up to the moment the Bolsheviks came to power.

Finding themselves in the position of pioneers, first forensic orators relied on the experience of Western rhetoric, mainly French. In the second half of the 19th c., especially in the 1860-1870s, speeches of French attorneys were published in newspapers, journals, and anthologies [Chalkhush'yan 1891: 5]. But even the greater impact on orators was made by Russian literary realism. By that time, literature and literary criticism had become the main, if not the only, arena of public dialogue. As for Russian culture in general, that time is traditionally characterized as a period of literature-centrism. The 19th c. also witnessed

a great boom in journal literary criticism [Kondakov 2008], which had supposedly become one of the stimuli for the reflection, necessary for the development of polemical forms of rhetoric. Many forensic orators published their works in literary journals and, as acknowledged by contemporaries, managed to “take an honourable place in the cultural life of society” [Vas'kovskii 1893: 336].

When portraying defendants and victims, forensic orators used the favourite devices of Russian writers: psychologism, representation of personality in its development, detailed description of *milieu* (environment). Some court speeches contained references to the works by Alexander Pushkin, Nikolai Gogol, Ivan Goncharov, and Fyodor Dostoevsky.

But the love of Russian forensic orators for literature was an unrequited one. Such writers as Leo Tolstoy and Fyodor Dostoevsky met the new civil institution with considerable mistrust, as they viewed it as a vicious phenomenon able to damage morality and lead to the oblivion of human.

L. Tolstoy was very negative about jury courts and the judiciary system in general. He perceived them as a form of “resistance to evil” and violation of the Commandment “Do not judge, and you will not be judges” [Tolstoi 1957]. It is a known fact that in 1866 L. Tolstoy delivered a speech in the defence of common soldier Vasily Shabunin. The speech had no success, and the defendant was sentenced to be shot. At the end of life, in his correspondence with Pavel Biryukov, Tolstoy expressed his deep regret about citing “some stupid words written by somebody else called laws” [Biryukov 1921: 111].

The theme of court and trial is a central theme of Tolstoy's novel *Resurrection*. The way Tolstoy arranges the narration reveals that the hearings are held *en passant*. The description of the trial is frequently interrupted by the passages about the thoughts and feelings of the trial participants. The officials are focused on their problems: the judge wants the hearing to end as soon as possible, so he could have a smoke and dine. The jury judge superficially. They feel their mission to be a burden, though, as Tolstoy writes, “their faces all had a certain look of satisfaction at the prospect of fulfilling a public duty” [Tolstoi 1900: 30]. The decision on human's destiny turns into a tiresome duty, one desperately wants to fulfil as quickly as possible. In the description of the hearings, Tolstoy uses his favourite technique of defamiliarization (*ostranenie*) to repudiate the institution. The term *ostranenie* was first introduced by Victor Shklovsky [Shklovskii 1929]. For Shklovsky, it was a literary technique: taken out of familiar context, a word unleashes its aesthetic potential. But for Tolstoy, it was a rhetorical technique that allowed to appeal to common sense and make a naïve reader perceive an event with elements of the convention (e.g. a court trial, a church service, a theatrical performance or an attack with a banner) as something strange.

F. Dostoevsky closely followed the progress of the Judicial Reform of 1864. Even though he was sometimes satisfied with sentences [Dostoevskaya 2015: 168], his attitude to jury courts was negative. From the viewpoint of Dosto-

evsky, acquittals and speeches of attorneys poured the “disbelief in the people’s truth, in God’s truth” into peoples’ souls and deprived the defendants of the opportunity to expiate the crime with suffering [Dostoevskii 1980: 19]. In fact, both Tolstoy and Dostoevsky viewed courts the same way as Russian folklore did. The folklore stored the memory of times when common people could not influence the outcome of the court hearings. Compare it with the following: “Both the motives and the form of Dostoevsky’s reproaches are at the same level as critical statements traditionally made against attorneys” [Gol’denveizer 2016: 61].

Russian proverbs represent a negative image of courts. They say: “Where there is court, there is falsehood” or “A law is like a cart shaft: it goes where you turn it” [Mokienko 2010]. At the beginning of the 2000s, this issue was investigated by the Institute of National Models of Economy. It was discovered that there was a significant difference in the ways Russian and Western European folklore viewed courts and trials [Khazagerov 1999b]. In *Constants. Dictionary of Russian Culture* by academician Yuri Stepanov, we find the following description of the concept of “law” in Russian culture: “...‘law’ is conceived, first of all, as a ‘limit’, beyond which lies another sphere of life and spirit. Thus, the ‘law’ is not the highest ‘category’ that dominates everything in the sphere, but just some sort of a border inside a larger sphere. View ‘from the outside’ of this limit, desire to ‘look from that side’, noncompliance with the limit (not necessarily ‘criminal’) – these are the main features of this Russian cultural concept” [Stepanov 1997: 428]. And further: “...written law can be confronted by the ‘law of conscience’, ‘charismatic individual’ or pity on ‘the poor’” [Stepanov 1997: 428].

Furthermore, the above-mentioned Christian truth “Do not judge, and you will not be judged” warned against the civil court. In Russian Orthodoxy, as noted by academician Sergey Averintsev, the world is bipolar, and the earthly is opposed to celestial. The middle zone of interpersonal relations was not elaborated, neither was the domain of laws and contracts. This peculiarity, continues S. Averintsev, was tangible even in the 20th c. The contract has always provoked suspicion and looked like a collusion. The covenant was made only with God, but not with litigators: “When Russian people read old Catholic books on moral theology, they soon become astonished by the highly detailed description of the limits of individual rights for personal secrets, which can’t be revealed on pain of sin, and by other enclosures around the territory of the existence of an individual, along with the frequent mentioning of one of the most important and common (but not for the sacred texts) word ‘agreement’” [Averintsev 1996: 326].

Of course, not all writers shared these views. Infinitely far from the folklore approach was Mikhail Saltykov-Shchedrin and Anton Chekhov. Depicting contemporary court in a satirical manner, they didn’t criticize the institution. On the contrary, they disapproved of the folklore thinking, which they believed to be retrograde and inconsistent, but not wise.

2. Dostoevsky's Attitude to Court

As we've already mentioned, Dostoevsky didn't recognize the importance of the court as a social institution. He believed it to be deficient and thoroughly different from the divine trial. With characteristic maximalism, he hotly denied the court as such. Dostoevsky approved only the inner trial, the repentance.

Very illustrative in this sense is an episode from *A Raw Youth* novel, where Makar Dolgoruky tells a story about the soldier, who robbed a man and confessed to the crime. Through the efforts of the attorney, the soldier was declared not guilty by the jury. But after release from prison, the soldier hanged himself. Finishing the story, Dolgoruky says: "That's what it is to live with sin on the soul" [Dostoevskii 1975: 310].

The idea that inner trial is superior to "mechanical" trial is also manifested in the novel *The Karamazov Brothers*. The Elder Zosima, whom Eleazar Meletinsky characterized as "the highest expression of ecclesiasticism" and "centre of fair justice" [Meletinskii 2001: 174], views the "recognition of sin by conscience" as the only true punishment [Dostoevskii 1976: 59]. From the viewpoint of Dostoevsky, the release from the burden of the deed can be achieved only after the imposition of punishment, and it is exactly what the judicial system, too concentrated on the milieu theory, could not provide.

In *A Writer's Diary* (1873), the issues of *milieu* (environment) were discussed in a separate article [Dostoevskii 1980]. Dostoevsky strongly criticized the widely spread practice of jury courts to approach a crime as an effect of the negative influence of the adverse milieu on a defendant. Dostoevsky believed this view to be profoundly humiliating and inconsistent with Christianity, which "places a moral duty on the individual to struggle with the environment" [Dostoevskii 1980: 16].

Attorneys were unfavourably depicted by Dostoevsky in prose, letters and *A Writer's Diary*. He persistently called them the "conscience for hire" (e.g. [Dostoevskii 1975]). His statements about specific cases, for example, the Case of Sarra Modebadze, were remarkably prejudiced as Dostoevsky regarded neither arguments nor facts [Dostoevskii 1988: 58-59]. Forensic speeches and eloquence, in general, are associated in his texts with idle, senseless talks. A court turns into a place where one can "make a scandal" and "make a speech" [Dostoevskii 1974: 250, 512] but not ascertain the truth.

Dostoevsky caricatured forensic eloquence in *The Karamazov Brothers*. Fetyukovich, who had real-life models (Vladimir Spasovich and Petr Alexandrov) [Grossman 2015: 39], is ridiculous because he tries to appeal to morality and Christian truth. The defence attorney tries to behave like a writer, an unselfish defender of moral principles and an *advocatus Dei*. "Conscience for hire" appeals to the real one, and that is absurd.

It should be noted that Fetyukovich's speech may be viewed as Dostoevsky's self-parody. Instead of dodgy logic, which Dostoevsky tries to ridicule, the attorney reveals double personality. With an incredible speed, unusual for

forensic eloquence, his thoughts rush between *pro et contra*. It creates an impression of a fast exchange of utterances between a mentally ill person and their double. It has very little in common with sermocination as “a form of prosopeia in which speaker answers the remarks or questions of a pretended interlocutor” [Lanham 1968: 92].

In forensic speeches of Dostoyevsky’s contemporaries, such rhetorical devices as sermocination and hypophora (“raising questions and answering them” [Lanham 1968: 57]) functioned mainly as elements, which organized the structure of speech. They were used to introduce the new aspect of a topic, provide a detailed answer and anticipate objections and counterarguments. They were used this way, for example, by A. Koni in his speech delivered in 1872 during the hearings of the case of the peasant woman Emelyanova, drowned by her spouse [Koni 2000]. Sermocinations and hypophoras in Fetyulovich’s speech are haphazardly arranged, and, as a result, the whole speech seems to be a little chaotic. Some of its fragments are just accumulations of questions that remain unanswered. It creates the effect of double personality, which has nothing in common with a dialogue.

3. The Secret of Polyphony

How does Dostoevsky’s rigidity agree with polyphony, which Bakhtin believed to be the highest expression of dialogism? According to Mikhail Bakhtin [Bakhtin 2017] (and it has nearly become a commonplace)¹, Dostoevsky was so unbiased that he hid his opinion behind the multiplicity of voices. He “speaks not about a character, but with him” [Bakhtin 2017: 66]; he represents someone else’s idea but doesn’t unite it with the idea of his own; he preserves a distance that lets his characters not become “the mouth-piece for his voice” and not to “color the work with the personal ideological tone of the author” [Bakhtin 2017: 77, 57, 84].

Here we would like to point up Bakhtin’s observation on the language of Dostoevsky – the frequent usage of the word “suddenly” in his novels [Bakhtin 2017: 281–282]. Plots in Dostoevsky’s works are subordinate to the logic of the dialogues. These dialogues are obviously prior to the natural flow of life. In *Problems of Dostoevsky’s Poetics*, Bakhtin writes that even though the idea of the author has no tangible expression, it guides the choice and arrangement of the voices [Bakhtin 2017: 85]. To confront the opinion, the author reorganizes life, turns to its most marginalized sides and makes his characters speak on the topics he needs. If we are in the tavern where Rodion Raskolnikov “suddenly” finds himself, we don’t hear the noise and hustle of the tavern. Instead, we are immersed deeper into the context of intellectual debate, around which the

¹ There are numerous works in the field of literary theory and discourse studies devoted to the analysis of Bakhtin’s concept of polyphony. See: [Farmer 1998; Zappen 2004; Jones 1990; Holquist 1990]. There are also works with a critical approach: for instance, N. Reed expressed the idea that a polyphonic novel, described by Bakhtin, is a dialogue with oneself, a talk that takes place in author’s mind. See: [Reed 1994].

whole novel is built. We immediately encounter Semyon Marmeladov, who has already been waiting for us with a monologue within the context of Raskolnikov's thoughts and dreams. Dostoevsky admitted that his novels started from the arguing voices he heard in his head.

What are these voices? They all were born within the monological idea of the author, and they do not extend beyond its limits. These voices are not the voices of life as in the works by Guy de Maupassant or Anton Chekhov. They are responses to the inner thought of the author. It's very similar to the external representation of inner speech. It is duality – the well-known recurrent theme of Dostoevsky's works [Chizhevskii 2007].

Do Dostoevsky's characters hear each other? As Bakhtin showed, they do work with the "word of the Other", reiterate it and repeat in various ways. It is somewhat similar to the so-called children's egocentric speech as described by Lev Vygotsky: children stay not with each other but near each other [Vygotskii 1996]. This is exactly the way Ivan the Terrible behaved in correspondence with Andrey Kurbsky, but it's hardly possible to suspect him of using polyphony [Likhachev 1979]. For the tsar, Kurbsky didn't exist as an independent individual, and the tsar would have brutally executed him if he had an occasion. Reviling Kurbsky and showing no willingness for direct dialogue, Ivan the Terrible answered his own thoughts, just building on Kurbsky's words (no dialogue was intended).

According to Bakhtin, the highest degree of dialogical tension is achieved by constant consideration of "alien discourse" [Bakhtin 2017: 127]. But in most cases described by Bakhtin, the "alien discourse" turns out to be a mere construct: characters, whether Makar Devushkin or Yakov Golyadkin or delirious Ivan Karamazov, who speaks with the devil, answer to their thoughts. Dialogue with an "alien" turns out to be a reflection of deep inner conflict and confrontation of two sides of personality, but not polemics of two characters.

Dostoevsky's characters build on the words of each other. These words revert to inner speech, which stimulated the initial interest. Polyphony turns to be monologism and extreme partiality. During a real court trial, participants have to deal with other people, independent of their will and fantasy. That is why forensic eloquence is adversarial and polemic and is infinitely far from the sermon (of course, if we don't take into account the show trials held during the Stalin era because they were orchestrated).

Sermon belongs to the epideictic eloquence. Thus, it doesn't imply objections and unexpected counter-remarks (nobody knows what exactly will draw the attention of the opponent). Sermon dissolves the opponent themselves. Bertold of Regensburg included in his sermons typical characters from his audience [Gurevich 1990]. By the beginning of the sermon, there are no potential participants of the dialogue: people's thoughts are processed and absorbed along with their free will partially by the situation of a sermon itself. In such circumstances, people become characters of a novel or orchestrated Plato's dialogues. In fact, they are not people – they are ghosts, who can't surprise the

author. When Alexander Pushkin jokingly complaint that Tatiana unexpectedly got married [Gusev 1970: 200], he was not really joking. Pushkin followed the logic of life, and he didn't have an *idée fixe*. Undoubtedly, all authors introduce the characters, who match their intentions, but at the same time, they overcome the resistance of the material. Presumption of life stands in the way of partiality. It's perfectly evident from L. Tolstoy's literary works. Tolstoy defended his ideas and sometimes directly expressed them, but there were no suddenlies in his novels, the life was logically going from cause to effect. It is no coincidence that, according to the plot typology, Tolstoy's plots are chronicalised, while Dostoevsky's plots are concentric [Pospelov 1988].

Bakhtin's polyphony is an illusion, but the comprehensible and fruitful one. Duality is a protodialogue, and there's no social component in it yet. Still, it's both psychological and dramatic. It contains the models of dialogues that are later implemented in real social life. In Ancient Russian literature, duality was the first step towards freedom from monologic sermons and teachings [Khazagerov 2017: 353]. In the 1970s Soviet literature, the new wave of duality (especially in the works by Vladimir Vysotsky) was a commencement of liberation from Soviet epideictism [Khazagerov 1999a].

It is well-known that Mikhail Bakhtin didn't like rhetoric. In his notes, he wrote that in rhetoric there are always absolutely right and wrong sides, sure winners and sure losers [Bakhtin 1986: 527], that it aims to provoke the feeling of fear or hope [Bakhtin 1996: 63]. Bakhtin noticed only sermon and teaching in rhetoric, i.e. just epideictism. It should be mentioned that, in the time of Bakhtin, Soviet rhetoric was truly a sermon as it consisted of propaganda of Soviet ideology. Bakhtin accepted only one type of rhetoric – a parody on rhetoric, i.e., carnival [Bakhtin 2015]. The real satire couldn't exist in Soviet times, but the "carnival" and travesty of ideology were acceptable to some extent. Thus, Bakhtin's aspire to find a way from monologue to dialogue is understandable.

In the context of Soviet culture, Dostoevsky is dialogical: in contrast with Soviet propaganda, his sermon is very sensitive to psychological experience. Moreover, the ideas he defended were rebellious. But in the second half of the 19th c., in Russia that had already started to build democratic institutions, Dostoevsky's anti-institutionalism called back to the past.

Conclusions

The emergence of the jury court system in Russian in the second half of the 19th c. ushered in a new era of Russian forensic eloquence, which later had a great impact on the development of Russian society and Russian parliamentarism in particular.

Among those who didn't accept the jury courts as a new democratic institution was F. Dostoevsky, one of the most famous Russian writers. He advocated old views on trial, and these views, in fact, were of folklore origin. Dostoevsky pinned all his hopes not on forensic competition but on a sermon, e.g., on a monological genre which in the 20th c. degenerated into political propaganda.

The analysis of the satirical image of forensic speech in *The Karamazov Brothers* shows that Dostoevsky saw in the figure of the judicial orator (the “conscience for hire”) only the ridiculous pretensions to being a preacher. According to his views, not the dialogue between two sides but an impartial preacher who asserts the truths he already knows can resolve an issue.

Dostoevsky’s attitude to dialogue is masked by Mikhail Bakhtin’s theory, which describes Dostoevsky’s literary works as the highest degree of dialogue – polyphony. But, according to Bakhtin, dialogism is connected not only with the social but also psychological sphere. Being a kind of duality, polyphony picks the “alien words” that match one of the sides of the double and uses them in inner speech. “I and the Other” is a double interaction, which corresponds with *pro et contra* in the soul of a double.

Dostoevsky’s dialogues are like mosaics. They form his sermon-like novels with the foregone conclusions and answers to the question that torment his characters. His works are truly unique and groundbreaking as the writer managed to create a whole new type of novel (and this is what drew Bakhtin’s attention). But the imperceptible substitution of social dialogue with the inner speech of mentally troubled characters is a trap for the analyst who studies social problems. The denial of judicial rhetoric ignores real interlocutors, who have their own will and relevant psychological experience.

References

- Averintsev, S.S. (1996), *Khristianskii aristotelizm kak vnutrennyaya forma zapadnoi kul'tury i problemy sovremennoi Rossii* [Christian Aristotelianism as a Form of Western Culture and Issues of Modern Russia]. *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [Rhetoric and the Sources of European Literary Tradition], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., pp. 319-328. (in Russian).
- Bakhtin, M.M. (2017), *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s Poetics], Moscow, E publ., 640 p. (in Russian).
- Bakhtin, M.M. (2015), *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Rabelais and His World], Moscow, Eksmo publ., 640 p. (in Russian).
- Bakhtin, M.M. (1996), “Ritorika v meru svoei lzivosti...” [Rhetoric, to the best of its mendacity...]. Bakhtin, M.M. *Complete Works*, Vol. 5, Moscow, Russkie slovari publ., pp. 63-70. (in Russian).
- Bakhtin, M.M. (1986), *Critical Essays*, Moscow, Khudozhestvennaya literatura publ., 535 p. (in Russian).
- Biryukov, P.I. (1921), *Leo Tolstoy*, Biography, Vol. 2, Berlin, I.P. Ladyzhnikov publ., 675 p. (in Russian).
- Chalkhush'yan, G.Kh. (1891), *Idealy francuzskoi advokatury* [The Ideals of French Advocacy], St. Petersburg, Berman & Rabinovich’s publ., 89 p. (in Russian).
- Chizhevskii, D.I. (2007), K probleme dvoinika [On the Double]. Bem, A.L. (ed.) *O Dostoevskom* [On Dostoevsky], Moscow, Russkii put' publ., 576 p. (in Russian).
- Dostoevskaya, A.G. (2015), *Memoires*, Moscow, Berlin, Direkt-Media publ., 462 p. (in Russian).
- Dostoevskii, F.M. (1988), Letters 1878-1881. Dostoevskii, F.M. *Complete Works*, in 30 volumes, Vol. 30 (I), Leningrad, Nauka publ., 454 p. (in Russian).

- Dostoevskii, F.M. (1980), Sreda [The Environment]. Dostoevskii, F.M. *Complete Works*, in 30 volumes, Vol. 21, Leningrad, Nauka publ., pp. 13-23. (in Russian).
- Dostoevskii, F.M. (1976), Brat'ya Karamazovy [The Karamazov Brothers], pt. 1-17. Dostoevskii, F.M. *Complete Works*, in 30 volumes, Vol. 14, Leningrad, Nauka publ., 510 p. (in Russian).
- Dostoevskii, F.M. (1975), Podrostok [The Young Youth]. Dostoevskii, F.M. *Complete Works*, in 30 volumes, Vol. 13, Leningrad, Nauka publ., 451 p. (in Russian).
- Dostoevskii, F.M. (1974), Besy [Daemons]. Dostoevskii, F.M. *Complete Works*, in 30 volumes, Vol. 10, Leningrad, Nauka publ., 518 p. (in Russian).
- Farmer, F. (1998), *Landmark Essays on Bakhtin, Rhetoric, and Writing*, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, 290 p. DOI: 10.4324/9781003059233.
- Gol'denveizer, A.A. (2016), *V zashchitu prava* [In Defence of Law], Essays and Speeches, Moscow, Berlin, Direkt-Media publ., 233 p. (in Russian).
- Grossman, L.P. (2015), *Dostoevskii - reaktsioner* [Dostoevsky - reactionary], Moscow, Common Place publ., 140 p. (in Russian).
- Gurevich, A.Ya. (1990), Lichnost', prizvanie, bogatstvo i spasenie v propovedi Bertol'da Regensburgskogo [Identity, Mission, Wealth, and Salvation in the Sermons of Bertold of Regensburg]. *Srednevekovyi mir: Kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva* [Medieval World: the Culture of the Silent Majority], Moscow, Iskusstvo, pp. 178-264. (in Russian).
- Gusev, N.N. (1970), *L. Tolstoy*, Biographical Materials 1881-1885, Moscow, Nauka publ., 559 p. (in Russian).
- Holquist, M. (1990), *Dialogism: Bakhtin and His World New Accents*, London, New York, Taylor & Francis publ., Routledge publ., 224 p.
- Jones, M.V. (1990), *Dostoyevsky after Bakhtin. Reading in Dostoyevsky's Fantastic Realism*, Cambridge, Cambridge University Press, 221 p. DOI: 10.1017/CBO9780511519604.
- Kazantsev, S.M. (1991), *Sud prisyazhnyh v Rossii: Gromkie ugolovnye processy 1864-1917* [Jury Courts in Russia: Famous Criminal Trials of 1864-1917], Leningrad, Lenizdat publ., 510 p. (in Russian).
- Khazagerov, G.G. (2017), Cultivation of Communicative Space: Polemical Eloquence vs. Epideictic Eloquence. *Russian Journal of Linguistics*, Vol. 21, no. 2, pp. 348-361. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-348-361. (in Russian).
- Khazagerov, G.G. (1999a), Poeticheskoe tvorchestvo Vladimira Vysockogo v kontekste Drevnei Rusi i Sovetskoi Rossii [Poetry of Vladimir Vysotsky in the Context of Ancient Russia and Soviet Russia]. *Rostovskaya elektronnyaya gazeta*, No. 29, available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1902&level1=main&level2=articles> (accessed: July 12, 2021). (in Russian).
- Khazagerov, G.G. (1999b), Vo dni somnenii (prislushivaemysya k svidetel'stvam russkogo yazyka) [In Times of Doubt: Listening for the Russian Language]. *Znamya*, No. 3, pp. 203-207. (in Russian).
- Kondakov, I.V. (2008), Po tu storonu slova. Krizis literaturotsentrizma v Rossii XX–XXI vv. [On the Other Side of the Word. The Crisis of Literary Centrism in the 20-21 c. Russia]. *Issues of Literature*, No. 5, pp. 5-44. (in Russian).
- Koni, A.F. (2000), *Selected Works and Speeches*, Tula, Avtograf publ., 640 p. (in Russian).
- Koni, A.F. (1914), *Ottsy i deti sudebnoi reformy* [Fathers & Sons of the Judicial Reform], Moscow, I.D. Sytin publ., II + 384 p. (in Russian).

- Lanham, R.A. (1968), *A Handlist of Rhetorical Terms*, Berkeley, Los Angeles, University of California Press publ., 148 p.
- Likhachev, D.S. (ed.) (1979), *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence of Tsar Ivan the Terrible with Prince Andrey Kurbsky], Leningrad, Nauka publ., 429 p. (in Russian).
- Meletinskii, E.M. (2001), *Zametki o tvorchestve Dostoevskogo* [Notes on Dostoevsky's Works], Moscow, RSUH publ., 190 p. (in Russian).
- Mokienko, V.M. (ed.) (2010), *Great Dictionary of Russian Proverbs*, Moscow, OLMA Media Grupp publ., 1026 p. (in Russian).
- Pospelov, G.N. (ed.) (1988), *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Studies], Moscow, Vysshaya shkola publ., 527 p. (in Russian).
- Reed, N. (1994), *Reading Lermontov's 'Geroy nashego vremeni': Problems of Poetics and Reception*, PhD Dissertation, Harvard University.
- Rosenfield, L.W. (1980), The Practical Celebration of Epideictic. White E.E. (ed.) *Rhetoric in Transition: Studies in the Nature and Uses of Rhetoric*, University Park, Pennsylvania State Press, pp. 131-155.
- Shklovskii, V.B. (1929), *Iskusstvo kak priem* [Art as Technique]. *O teorii prozy* [On Theory of Prose], Moscow, Federatsiya publ., pp. 7-24. (in Russian).
- Stepanov, Yu.S. (1997), *Konstanty* [Constants], Dictionary of Russian Culture, Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 825 p. (in Russian).
- Tolstoi, L.N. (1957), *V chem moya vera?* [What is my Faith?]. Tolstoi, L.N. *Complete Works*, Vol. 23, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury publ., pp. 304-465. (in Russian).
- Tolstoi, L.N. (1900), *Voskresenie* [Resurrection], St. Petersburg, A.F. Marks publ., 581 p. (in Russian).
- Vas'kovskii, E.V. (1893), *Organizatsiya advokatury. Ocherk vseobshchei istorii advokatury* [The Structure of Bar Council. Essay on the History of Advocacy], pt. 1-2, St. Petersburg, N.K. Martynov publ., 396 p. (in Russian).
- Vygotskii, L.S. (1996) *Myshlenie i rech'* [Thought and Language], Moscow, Labirint publ., 414 p. (in Russian).
- Walker, J. (2000) *Rhetoric and Poetics in Antiquity*, Oxford, Oxford University Press, 396 p. (DOI: 10.1017/S0075435800032494).
- Zappen, J.P. (2004) *The Rebirth of Dialogue. Bakhtin, Socrates, and the Rhetorical Tradition*, New York, State University of New York Press, 229 p.

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И СУДЕБНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

Г.Г. Хазагеров¹, А.А. Бондарева²

^{1,2} Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Аннотация: Судебная реформа 1864 г., ставшая переломным моментом в жизни русского общества, положила начало институту суда присяжных и сословию адвокатов. Огромное влияние на первых судебных ораторов оказала русская реалистическая литература с ее психологизмом, описанием среды и изображением характеров в развитии. Однако такие влиятельные русские писатели, как Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский, отнеслись к новому обще-

ственному институту негативно и восприняли его как нечто в корне противное христианской морали. В статье анализируется взгляд на судебное красноречие и суд присяжных Ф.М. Достоевского. М.М. Бахтин в работе «Проблемы поэтики Достоевского» выдвинул идею полифонии, которую рассматривал как высшую степень проявления диалогизма. Однако диалог у Достоевского, как показывает проведенный анализ, оборачивается двойничеством: голоса героев оказываются порождением авторской моноидеи и откликаются на внутреннюю речь автора. Даже речь адвоката Фетюковича, героя романа «Братья Карамазовы», превращается в диалог оратора со своим «двойником». Полифония, таким образом, оборачивается монологизмом и сверхтенденциозностью. Общественный диалог в романном творчестве Достоевского подменяется внутренней речью, где не оказывается места для независимого собеседника, обладающего свободной волей и собственными психическими переживаниями. В контексте советской культуры с ее пропагандой Достоевский был диалогичен, однако в контексте второй половины XIX в. подобный взгляд на судебную систему, негативное отношение к судебной полемике и общественному диалогу оказывались по своей сути разрушительными для демократических институтов России.

Ключевые слова: Бахтин, Достоевский, диалогизм, полифония, коммуникация, двойничество, судебная риторика.

Для цитирования:

Хазазеров Г.Г., Бондарева А.А. Ф.М. Достоевский и судебное красноречие // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 659–670. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).659-670. (На англ. яз.)

Сведения об авторах:

¹ **Хазазеров Георгий Георгиевич**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, член Британской ассоциации славянских и восточно-европейских исследований (BASEES)

² **Бондарева Анна Александровна**, аспирант кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

Контактная информация:

^{1,2} Почтовый адрес: 344006, Россия, Ростов-на-Дону, Университетский пер., 93

¹ E-mail: khazagerov@gmail.com

² E-mail: bondareva-anna@yandex.ru

Дата поступления статьи: 14.07.2021

Дата рецензирования: 29.07.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

ПЕРЕВОД И ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В КИТАЕ В XXI в.

Чжао Хун¹, О.В. Дубкова²

^{1,2} Сианьский университет иностранных языков (Сиань, Китай)

Аннотация: В XXI в. в Китае наблюдаются новые тенденции перевода и исследования творчества зарубежных писателей. Авторами рассматривается опыт и традиции перевода на китайский язык творчества Ф.М. Достоевского с исторической и художественно-эстетической позиций, особое внимание уделяется последнему двадцатилетию. Цель настоящей работы – представить инновации и достижения в переводе и анализе произведений Ф.М. Достоевского в КНР на современном этапе. В рамках исторического подхода представляются традиции художественного перевода и анализа творчества великого русского писателя, определяются изменения литературно-художественной оценки, представляются результаты работы по переводу творчества Ф.М. Достоевского в новом тысячелетии. Для реализации поставленных задач используются как общенаучные методы, так и специфические методы сравнительно-исторического, библиографического, литературоведческого и статистического анализа, метод сплошной выборки и др. В качестве источников используются библиографические базы данных КНР, сайты издательств, Академии общественных наук Китая, университетов и академических сообществ. В результате исследования выявлены ключевые направления художественного перевода и актуальные темы исследований творчества Ф.М. Достоевского. В условиях открытости внешнему миру Китая и интеграции китайских научных исследований в мировую науку осуществляется перевод литературоведческих исследований на китайский язык, что значительно обогащает теорию и практику художественного перевода, создаются новые варианты перевода классических произведений, издаются собрания сочинений, сборники и одиночные произведения; на основе китайской литературоведческой традиции проводятся самостоятельные исследования творчества Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: художественный перевод, китайский язык, Ф.М. Достоевский, исследования творчества, Китай, XXI в.

Для цитирования:

Чжао Хун, Дубкова О.В. Перевод и исследование творчества Ф.М. Достоевского в Китае в XXI в. // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 671–686. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).671-686.

Сведения об авторах:

¹ **Чжао Хун**, доктор филологических наук, профессор Института русского языка

² **Дубкова Ольга Владимировна**, кандидат филологических наук, профессор, доцент

Контактная информация:

^{1,2} Почтовый адрес: 710063, Китай, пров. Шэньси, Сиань, р-н Чанъань, Зона развития образования, науки и промышленности «Году», ул. Вэньюаньнаньлу, 1

¹ E-mail: xwzhaohong@163.com

² E-mail: linuan12@mail.ru

Финансирование

Работа выполнена по гранту «Важные базы исследований социально-философских наук провинции Шэньси (Центр исследований американской и европейской литературы, Центр научных и практических исследований иностранных языков)», номер гранта: 11JZ021

Дата поступления статьи: 12.09.21

Дата рецензирования: 21.09.21

Дата принятия в печать: 08.11.2021

Введение

В современном переводоведении художественный перевод – это не единичное эстетическое преобразование художественных произведений с одного языка на другой. Данный процесс тесно связан с познанием культуры, взаимодействием китайской и зарубежной литературы и ее распространением, а также неотделим от признания писателей с различными идеологическими взглядами и идеями. В истории современного китайского художественного перевода перевод творчества Ф.М. Достоевского насчитывает более ста лет. В данном процессе отражаются как политические, идеологические и культурные изменения в Китае на протяжении последних ста лет, так и развитие теории и практики художественного перевода, поэтому заслуживает особого внимания в переводческой науке. По мнению Лю Лэя и других китайских авторов, XXI в. с интерактивной трансформацией мировой литературы и инновационными процессами в китайской культуре, активным взаимодействием китайской и русской культуры деятельность по переводу произведений Ф.М. Достоевского в Китае закладывает основу для «нового увлечения» [Лю Лэй 2002: 19]. В настоящее время на основе существующего опыта художественного перевода, глубокого познания русской культуры и использования зарубежных исследований творчества писателя наблюдается тенденция создания новых переводов произведений великого русского писателя, а также иссле-

дования его творчества в рамках развития глобального достоевковедения. Анализ переводов и исследований творчества Ф.М. Достоевского в Китае также является актуальной темой для китайских и российских исследователей. Считаем целесообразным отметить исследования на русском языке М.Е. Шнейдера [Шнейдер 1977], Чэнь Синьюй [Чэнь Синьюй 2013а, б], Сюй Чаожань [Сюй Чаожань 2015], П.В. Алексеева [Алексеев 2016], Р.Р. Хуснулиной [Хуснулина 2019], А. Хуэйжун [Хуэйжун 2020], Цэн Цзя [Цэн Цзя 2021] и др., на китайском – Тянь Цюаньцзин [Тянь Цюаньцзин 2005], Дин Шисиня [Дин Шисинь 2011, 2012, 2021], Чжан Бяньгэ [Чжан Бяньгэ 2012], Лю На [Лю На 2017а, б], Юй Хана [Юй Хан 2018], Сюй Цуцун [Сюй Цуцун 2019], Вань Хайсуна [Вань Хайсун 2020], Гэн Хайина [Гэн Хайин 2020] и др. Целью настоящего исследования – представить инновации и достижения в переводе и анализе произведений Ф.М. Достоевского в Китае на современном этапе.

1. Материалы и методы исследования

Материалом для исследования являются изданные переводы произведений Ф.М. Достоевского, а также переводы на китайский язык зарубежных исследований творчества писателя и научные работы китайских авторов, опубликованные ведущими издательствами Китая на протяжении ста лет. Источниками являются сайты ведущих китайских издательств «Народная литература», «Зарубежная литература», «Писатель», «Жэньминь», провинциальные (провинций Чжэцзян, Хэнань, Хубэй) и университетские (Пекинского, Пекинского педагогического, Фуданьского, Сычуаньского и др. университетов) издательства, в результате сплошной выборки в общей сложности выделено более тысячи переводов и исследований указанного автора. На основе статистического, сравнительно-исторического, литературоведческого и библиографического анализов выделяются различные этапы перевода и интерпретации творчества Ф.М. Достоевского, определяются изменения литературно-художественной оценки и связи с развитием теории и практики художественного перевода в Китае в XXI в.

2. Этапы перевода и исследования творчества Ф.М. Достоевского в Китае

2.1. Формирование общих представлений о творчестве Ф.М. Достоевского

Согласно текстологическим исследованиям, в 1907 г. имя русского писателя Ф.М. Достоевского впервые входит в поле зрения китайских читателей. В январе 1907 г. в 11 номере официальной газеты Объединенной лиги Китая «Миньбяо», вышедшей в Токио, опубликована статья Таро Томояма «История нигилизма» в переводе Юаньши, в которой указывается, что Ф.М. Достоевский участвовал в группе М.В. Петрашевского и подвергался преследованиям, а затем прославился в литературе, в дан-

ном случае переводчиком используется латинизированный вариант имени писателя. Профессор Восточно-Китайского педагогического университета Тянь Цюаньцзинь в статье «Политика перевода литературы» впервые переводит имя Ф.М. Достоевского на китайский язык.

После «Движения 4 мая» (1919 г.) под влиянием идей Октябрьской революции русская литература начинает активно проникать в Китай. С 1920 г. в китайских отечественных периодических изданиях публикуются переводы коротких рассказов Ф.М. Достоевского, первым из которых в приложении «Просвещение» от 26–29 мая Шанхайской газеты «Миньго жибао» опубликован рассказ «Вор» («Честный вор») в переводе Цяо Синьина [Дин Шисинь, Шэнь Лужу 2011: 48]. В 1930–1940-х гг. активно переводятся произведения Ф.М. Достоевского, данный период можно назвать «первой волной» повального увлечения. Внимание китайских читателей привлекают произведения с очевидно «негативной» тематикой: «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Записки из мертвого дома», «Преступление и наказание» и т. д. По сути, Достоевский пропагандируется как прогрессивный писатель, симпатизирующий трудолюбивым людям. В 1940-х гг. перевод и понимание Достоевского входят в стадию глубокого и зрелого развития, знаковыми является перевод Гэн Цзичжи «Братьев Карамазовых» и «Идиота», перевод Шао Цюаньлина «Униженных и оскорбленных» и сборника избранных произведений, изданных книжным издательством «Вэньгуан». По мнению Дин Шисиня, в данный период «в основном завершено создание системы координат современного перевода Достоевского на китайский язык и представление о писателе в Китае» [Дин Шисинь 2012: 120]. В течение этого периода принимается социальная оценка и теория классов Ф.М. Достоевского и обращается внимание на социальную реальность творчества. Писатель считается выразителем трудящихся, реалистичным и прогрессивным писателем.

2.2. Активизация художественного перевода и исследование творчества Ф.М. Достоевского в Новом Китае

Во второй половине XX в. с появлением диверсификации мировых культур продолжают развиваться сравнительные лингвистические и литературоведческие исследования. Как отмечает Ван Сяочао, местная китайская культура также вовлекается в данный процесс и вступает в перспективный период модернизации и трансформации [Ван Сяочао 1999: 103]. Академические круги первыми берут на себя основную ответственность и продолжают проводить инновации познания и исследования культурных явлений. В начале 1950-х гг. выходит первый том Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского, в который помимо «Двойника» и «Бесов» входят новые переводы и других произведений.

Обращение к литературе приводит тому, что культурная трансформация способствует ее признанию и принятию, начинают диверсифицироваться идеи и методы литературной критики. На китайский язык пе-

реводится ряд литературных произведений выдающихся писателей из разных стран, в различных форматах переиздаются классические переводы, постоянно переводятся биографии писателей и влиятельные достижения исследований писательского творчества. В Новом Китае начинают признавать Ф.М. Достоевского, перевод и исследования его творчества постепенно переходят в «правильное» направление, продолжается расширение и углубление художественного перевода, как отмечает Чэнь Цзяньхуа, «...общий объем переводов и вводных текстов значительно превосходит любой период в истории» [Чэнь Цзяньхуа 2010: 132]. В 1980–1990-х гг. Ф.М. Достоевский и его творчество как нераскрытый культурный феномен становятся одним из самых привлекательных переводческих объектов в области китайской зарубежной литературы. В Китае начинают исследовать богатство творчества Достоевского и глубину его идей с точки зрения литературоведения, эстетики, религии, философии и истории. Одно за другим переводятся на китайский язык литературные произведения, биографии автора и результаты влиятельных зарубежных исследований; постоянно сравниваются и изучаются параллельные переводы. В данный период в Китае переводы произведений Ф.М. Достоевского, как отмечает Лю На, переходят от традиционного и единого исследовательского метода «обращать внимание на поэтические характеристики текстов и творчество писателя, обращать внимание на художественно-эстетические особенности автора и его религиозно-философские взгляды» к «подтверждению высочайшего положения в мировой литературе» [Лю На 2017б: 145–146]. Культурная трансформация способствует литературному познанию, что, в свою очередь, способствует постоянному обогащению и расширению переводов творчества Достоевского, предоставляя богатейшие ресурсы для китайских ученых, позволяя исследовать с использованием различных исследовательских методов богатство творчества великого писателя. Всё это создает основу для развития художественного перевода и достоевсковедения в Китае в новом тысячелетии.

3. Перевод на китайский язык произведений Ф.М. Достоевского в XXI в.

В XXI в. в Китае бурно развивается перевод произведений Достоевского, осуществлен ряд крупных проектов по переводу творчества писателя. С точки зрения переводоведения, появление многих вариантов перевода отражает непрерывную актуализацию во времени и пространстве творчества Достоевского; с точки зрения читателя, это полностью иллюстрирует популярность великого писателя среди китайских читателей.

В анализируемый период первым важным событием можно назвать выход в свет Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского (2010 г., издательство «Просвещение» провинции Хубэй). Перевод и издание начато в 1998 г., колоссальный объем текста и титанический труд переводчиков

и издателей на протяжении более 10 лет можно обозначить известным китайским изречением: «Десять лет затачиваю меч, но лезвие еще только предстоит попробовать». Полное собрание сочинений насчитывает 22 тома, около 8,4 млн иероглифов. Первые 16 томов – рассказы, повести и романы Ф.М. Достоевского, в том числе первые 12 томов включают семь романов, четыре тома (с 13-го по 16-й) – повести и рассказы, 17-й и 18-й тома – теорию литературы, 19-й и 20-й тома – дневники писателя, 21-й и 22-й тома – письма Достоевского. Полное собрание сочинений признано ключевым проектом Плана народно-хозяйственного развития на XI пятилетку, также является первым полным собранием произведений Ф.М. Достоевского на китайском языке, достойным такого звания. Считаю целесообразным выделить три особенности данного собрания сочинений. Во-первых, это полностью завершённая работа. Помимо всех литературных и художественных произведений Ф.М. Достоевского собрание также включает работы по теории литературы, «Дневник писателя» и значительную часть эпистолярного наследия. Во-вторых, тщательный подход к процессу перевода. Можно сказать, что всё собрание сочинений представлено «главными силами» Китая. Например, главный редактор – научный сотрудник Института иностранной литературы Академии общественных наук Китая Чэнь Шэнь, заместители редактора – председатель Китайской ассоциации изучения русской литературы, профессор Столичного (Пекинского) педагогического университета Лю Вэньфэй, профессор Пекинского университета иностранных языков, главный переводчик Полного собрания сочинений М.М. Бахтина Бай Чунжэнь, объединивший десятки людей с богатым опытом перевода, в том числе Цзан Чжунлуня, Лю Фэнци, Лю Цзунцы, Ли Гана, Чжан Цзе, Лу Чжаомина и др. Все тексты сопровождаются подробными академическими объяснениями и комментариями, например комментарии к тексту «Братьев Карамазовых» превышают 30 000 иероглифов, что примерно соответствует 160 тыс. знаков на русском языке, романа «Идиот» – более чем 10 тыс. иероглифов. Данные комментарии представляют концепцию романов, процесс их создания и отклики в России и за рубежом. В-третьих, полные и адекватные комментарии и объяснения. Переводчиками добавлены множество подробных заметок, подробная хронология жизни автора и др., что отсутствует в предыдущих изданиях на китайском языке. На наш взгляд, наличие историко-лингвистических комментариев необходимо и незаменимо для всестороннего понимания читателями и исследователями самого произведения, жизненного пути, творчества и литературного замысла великого писателя. Можно сказать, что данное собрание сочинений – первое в Китае полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского с подробнейшими аннотациями и наибольшим объемом, которое «стремится всесторонне и объективно показать читателям полную картину идеологии и творчества Ф.М. Достоевского, создать полный портрет писателя» [Чэн Чжэнминь 2011: 135].

Помимо этого, в 2011 г. издательством «Народная литература» перепечатано десяти томное издание избранных произведений, в 2015 и 2016 гг. Шанхайским издательством переводной литературы перепечатано Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского в 9 томах, также опубликованы антологии; в 2006 г. в издательстве «Писатель» («Цзоцзя чубаньшэ») выходят избранные романы Ф.М. Достоевского (перевод – Чэнь Линь), в 2008 г. в издательстве «Хуачэн чубаньшэ» – Собрание произведений Ф.М. Достоевского в 2 томах (перевод – Сюй Чжэнъя); в 2012 г. издательским домом «Лицзян» опубликованы избранные повести и рассказы Ф.М. Достоевского (перевод – Цзан Чжунлуня), в 2013 г. издательством «Народная литература» в серии «Сборники повестей и рассказов зарубежных писателей» выходит том Ф.М. Достоевского (перевод – Чэн Ши и др.); в 2016 г. издательством «Просвещение» провинции Цзянси («Цзянси цзяюй чубаньшэ») – сборник повестей Ф.М. Достоевского (перевод – Цзан Чжунлуня).

В 2018 г. издательством «Народная литература» («Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ») выпущено Собрание сочинений Ф.М. Достоевского – масштабное 20-томное издание, в котором представлено большое количество произведений автора: романы (т. 1, 5–14), повести и рассказы (т. 1, 2–4), работы по теории литературы (т. 15–16), «Дневник писателя» (т. 17–18) и письма (т. 19–20). Считаю целесообразным выделить следующие особенности настоящего издания: во-первых, его удобно и легко читать. Оно отличается масштабностью содержания, представленностью произведений и колоссальным объемом. Каждый том сопровождается пояснительными текстами, в которых представлены теория литературы, объективное представление писательского статуса автора, подробная интерпретация процесса работы от концепции произведения до его завершения, анализ социальных откликов, связанные комментарии и т. д. Во-вторых, удобно исследовать и ссылаться. Текст отличается лапидарным стилем, перевод на китайский язык верен оригиналу, смысл ясен, слог обладает определенным изяществом. Однако с точки зрения редактирования и корректуры данное издание несколько уступает Полному собранию сочинений, вышедшему в 2010 г., что также отражает проблему «догоняющего» перевода и введения Ф.М. Достоевского в XXI в.

Как показывает библиографический анализ, в Китае также распространено издание отдельных романов Ф.М. Достоевского, бесконечно появляются всё новые переводы. Согласно статистическим данным, если считать с первого перевода в 1946 г., то по состоянию на 2021 г. опубликовано 42 варианта перевода романа «Преступление и наказание», из которых 22 переведены и изданы после 2000 г. После вступления в XXI в. большинство переводов, опубликованных ранее, неоднократно переиздается, количество некоторых изданий достигает 7–8. Также большая часть переводов на китайский язык романов «Братья Карамазовы» и «Уни-

женные и оскорбленные», которых насчитывается более десяти, создано после 2000 г.

Появление новых переводов и переиздание произведений Ф.М. Достоевского за последние два десятилетия свидетельствует о том, что великолепное творческое искусство и глубокая философская концепция писателя находят полное признание академических кругов и китайских читателей. С одной стороны, повторный перевод поддерживает традиционное стремление к устранению ошибок в переводе, делая перевод более «правдоподобным» и прагматичным, отражая наследственность и современность перевода; с другой, на рубеже XXI в. в больших масштабах проникают в Китай исследования М.М. Бахтина о поэтике Достоевского, комментарии и исследования российских и зарубежных ученых творчества Ф.М. Достоевского и т. д., что приводит к переосмыслению творческого искусства писателя. Переводчики получают более полное и глубокое понимание художественного стиля писателя, стремятся подчеркнуть индивидуальный стиль исходного языка и повысить эстетическое качество языка перевода. Например, среди переводов XXI в. романа «Униженные и оскорбленные» читатели приветствуют те, в которых больше внимания уделяется передаче диалогичности, вероятно, потому что это позволяет читателям отличить драматический язык Достоевского от монологического языка Л.Н. Толстого, повышая эстетическое чувство читателей, а новый перевод Цзан Чжунлуна, основанный на усовершенствовании языка, подчеркивает экзистенциалистский стиль «Записок из подполья» [Дай Чжомэн 2014: 71]. Кроме того, переведено и опубликовано большое количество произведений Ф.М. Достоевского, что также дает достаточный материал для изучения зарубежной литературы в Китае и изучения художественного перевода.

4. Исследование творчества Ф.М. Достоевского в Китае в XXI в.

В XXI в. в условиях глобализации и интеграции Китая возникают новые процессы развития китайской национальной культуры. Открытость Китая внешнему миру и привлечение лучших зарубежных достижений приводит к активизации переводов зарубежных исследований и их «укоренения» на почве китайской культуры, являясь важной движущей силой развития культуры в целом. В культурной трансформации Китая в XXI в. перевод произведений Ф.М. Достоевского полностью раскрывают особенности культурного обмена, столкновения и интеграции, являясь отображением открытия и энергичного развития китайской культуры.

В современном Китае Ф.М. Достоевский олицетворяет всю глубину русской литературы, а его творчество отражает высочайший уровень русской литературной философии и идейности. После 2000 г. данное понимание становится важным стимулом для исследования и включения в китайскую культуру творчества писателя. Помимо перевода и публикации вышеупомянутых собраний сочинений и одиночных произведений на ки-

тайский язык постоянно переводятся исследовательские работы, биографии, письма, эссе и т. д., связанные с творчеством автора; продолжается развитие основных «идей» писателя; проводятся текстологические, сравнительно-исторические, литературоведческие и другие исследования с использованием лучших достижений китайской и зарубежной науки. Особое внимание уделяется идеологическим взглядам писателя, устраняется непонимание роли Ф.М. Достоевского в истории, восстанавливается «истинное лицо» писателя и открывается новая эра перевода и исследования в Китае.

На наш взгляд, для более полного понимания «интеграции» китайского достоевковедения необходимо также представить основные произведения, переведенные с русского языка на китайский в хронологическом порядке на основе списка, составленного в 2017 г. Лю На: «"Правосудие" Достоевского», «Биография Достоевского», «Легенда о Великом инквизиторе», «Мировоззрение Достоевского», «Духовный лидер: русский мыслитель Достоевский», «О художественном творчестве Достоевского», «Достоевский: Я исследую тайны жизни», «Чтение и грамотность: заметки Достоевского», «Автобиография Достоевского», «Не хлебом единым жив человек: Избранные письма Ф.М. Достоевского», «Откровение Достоевского», «Прошлое семьи Ф.М. Достоевского», «Достоевский в воспоминаниях современников», «Толстой и Достоевский», «Ницше и Достоевский» (философия трагедии)» и др. [Лю На 2017б: 146–147].

Интеграции китайского достоевковедения также способствуют переводы европейских и американских ученых. Отметим следующие: Ирина Паперно «Самоубийство как культурный институт в России Достоевского» (пер. на кит. Ду Вэньцзюань, Пэн Вэйхун, Цзилиньское Народное издательство, 2003), Сусан Ли Андерсон «Достоевский» (пер. на кит. Ма Иньмао, изд-во «Чжунхуа шуцзю», 2004), Анре Жид «Достоевский» (пер. на кит. Шэнь Чжимин, изд-во «Яньшань чубаньшэ», 2006), Джоунс Малкольм «Достоевский после Бахтина: Исследование фантастического реализма Достоевского» (пер. на кит. Чжао Яли, Чэнь Хунвэй, Вэй Юйцзе, Цзилиньское Народное издательство, 2011), С. Цвейг «Три мастера: Бальзак – Диккенс – Достоевский» (пер. на кит. Чжан Юйшу, изд-во «Центральная редакционная и переводческая пресса», 2015); Дж. Франк «Dostoevsky: The Stir of Liberation, 1860-1865» (пер. на кит. Дай Дахун, Издательство Гуаньсийского педагогического университета, 2019), Д.С. Мирский «История русской литературы» (пер. на кит. Лю Фэньфэй, Китайское Народное издательство, последнее издание – 2020 г.) и др. Большое количество переводов и публикаций произведений Достоевского и связанных с ними произведений также обеспечивает достаточные ресурсы для изучения зарубежной литературы и художественного перевода в Китае.

Как показывает анализ источников, в 2000–2021 гг. в китайской академической среде среди всех русских писателей наибольшее внимание

уделяется творчеству Достоевского. По нашим подсчетам, в данный период опубликовано 14 монографий (см. табл.).

Монографии китайских авторов о Ф.М. Достоевском 2000–2021 гг.

Автор	Монография	Издательство	Год издания
Чжао Гуйлянь	Блуждающая душа: Достоевский и русская традиционная культура	Изд-во Пекинского ун-та	2002
Ван Чжигэн	Поэтика Достоевского в контексте религиозной культуры	Изд-во Пекинского педагогического ун-та	2003
Пэн Кэсюнь	Исследования искусства романов Достоевского	Изд-во Пекинского ун-та	2006
Лэн Маньбин	«Братья Карамазовы» в контексте религии и революции	Изд-во Сычуаньского ун-та	2007
Ян Фан	Взгляд на Небеса: историческое мировоззрение Достоевского	Изд-во Университета им. Сунь Ятсена	2007
Чэнь Цзяньхуа	Гений, выходящий за рамки традиционных памятников: биография Достоевского	Чунцинское изд-во	2007
Тянь Цюаньцзинь	Превосходство слов и мыслей: сравнительное исследование Достоевского	Изд-во Фуданьского ун-та	2010
Хэ Хуайхун	Нравственность, Бог и человек: проблема Достоевского	Изд-во Пекинского ун-та	2010
Го Сяоли	Идея Достоевского об искуплении (в сравнении с идеями китайской культуры)	Изд-во Хэйлунцзянского ун-та	2012
Чжан Бяньгэ	Современные китайские ученые о Достоевском	Изд-во Пекинского университета	2012
Тянь Цюаньцзинь	Достоевский и русская культура Серебряного века	Изд-во Восточно-Китайского педуниверситета	2014
Хоу Чаоян	О грехе и искуплении в романах Достоевского	Изд-во «Культура Хуа Мулань»	2014
Хэ Юньбо	Достоевский и дух русской культуры	Изд-во «Просвещение» пров. Хунань	1997
		Изд-во Восточно-Китайского педуниверситета	2019
Хэ Юньбо	Междисциплинарные исследования романов Достоевского	Изд-во Пекинского ун-та	В печати

Академическое содержание серии китайских монографий о Ф.М. Достоевском выходит на новый уровень. Чжао Гуйлянь, Ван Чжигэн и Хэ Юньбо обсуждают взаимосвязь Ф.М. Достоевского и русской культуры, христианской культуры и духа русской культуры, соответственно, методы исследования выходят за рамки литературоведения и становятся междисциплинарными. Монография Пэн Кэсюня – результат многолетних исследований автора, в которых на огромном фактическом материале исследуется творчество русского писателя. На текстовом материале Лэн Мань-

бином анализируются приемы формообразования главного героя в романе и раскрывается связь между произведением, эпохой и русской философской мыслью. Первая монография Тянь Цюаньцзиня начинается с исследований по переводу, тематике и религиозной философии, особое внимание уделяется сравнительному изучению творчества русского писателя и китайской литературы. Во второй монографии впервые в Китае с новой точки зрения исследуются отношения между семьей Ф.М. Достоевского, его духовным кризисом и духовным возрождением Серебряного века в политической, религиозной и художественной философии. Как следует из названия, работа Чжан Бяньгэ представляет анализ фундаментальных исследований и основных достижений современных китайских ученых жизни и творчества Достоевского, данная монография до настоящего времени считается самой детализированной и полной работой, в которой описывается исследовательский статус Ф.М. Достоевского в Китае. Помимо монографий, по статистике, в первое десятилетие нового тысячелетия опубликовано и защищено более 200 кандидатских и докторских диссертаций; с 2011 г. до настоящего времени, по нашим подсчетам, опубликовано около 500 статей в научных периодических изданиях. Всё это в целом показывает, что область исследований довольно обширна, имеются международные перспективы, обладает новыми идеями и концепциями и исследовательским потенциалом для молодых ученых.

Данная статья ограничивается краткой историко-библиографической справкой за последние два десятилетия. Есть надежда, что российское академическое сообщество сможет понять важность Ф.М. Достоевского в Китае и «увидеть осень, посмотрев на желтый лист».

Заключение

После начала политики реформ и открытости в КНР в 1989 г. для всего мира открывается китайское общество и культура в целом, что создает предпосылки для новых переводов произведений Ф.М. Достоевского на китайский язык, переосмысления творчества писателя в рамках мирового достоевсковедения, оказывает значительное влияние на теорию и практику художественного перевода в Китае и развитие китайского литературоведения. Всё это создает фундамент для активного изучения творчества Достоевского в условиях глобализации и интеграции китайской культуры в мировое сообщество в XXI в. Активная переводческая, издательская и исследовательская деятельность в Китае, связанная с именем Достоевского, становится импульсом для развития современной китайской академической науки, что приводит к усилению переводческой и научной деятельности, став знаком новой эпохи и нового времени в Китае. По мнению ряда китайских ученых, «XXI в. всё равно будет веком Достоевского». Это также показывает атмосферу открытости и взаимодействия китайской литературы и культуры с мировой, потому что вели-

кий писатель и мыслитель Ф.М. Достоевский принадлежит каждой нации и всему миру.

Список литературы

- Алексеев П.В.* Достоевский и Китай: к постановке имагологической проблемы // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 т. Горно-Алтайск, 2016. Т. 1. С. 38–52.
- Ван Сяочао.* Теория культурного взаимодействия и трансформации: перспектива культурных исследований в новом тысячелетии // Социальные науки провинции Чжэцзян. 1999. № 5. С. 103–108. (На кит. яз.).
- Вань Хайсун.* «Литературная археология» писем Ф.М. Достоевского // Социальные науки Китая: Вестник социальных наук Китая. 2020.12.10. URL: https://m.thepaper.cn/baijiaohao_10345207. (На кит. яз.).
- Гэн Хайин.* Ф.М. Достоевский: Как свободное существо человек несет ответственность за зло // Синьцзинбао. 2020.06.12. URL: https://www.sohu.com/a/401481811_114988. (На кит. яз.).
- Дай Чжюмэн.* Об экзистенциалистской мысли Достоевского (на примере «Записок из подполья») // Академический журнал российских исследований. 2014. № 5. С. 71–78. (На кит. яз.).
- Дин Шисинь.* Исследования Ф.М. Достоевского в 90-е гг. XX в. в Китае // Вестник Чжэцзянского технического университета. 2021. № 46. С. 35–41. (На кит. яз.).
- Дин Шисинь.* Обзор перевода произведений Ф.М. Достоевского в современном Китае // Вестник Педагогического института «Цзилу». 2012. № 1. С. 120–124. (На кит. яз.).
- Дин Шисинь.* Ф.М. Достоевский и Китай в 20-е гг. XX в. // Вестник Чанъаньского университета (Социальные науки). 2011. № 6. С. 82–86. (На кит. яз.).
- Дин Шисинь, Шэнь Лужу.* Введение и комментарий к Ф.М. Достоевскому в современном Китае и Движение 4 мая // Вестник Университета «Цзяин» (Философско-социальные науки). 2011. № 1. С. 47–51. (На кит. яз.).
- Лю Лэй.* О направлении культурного взаимодействия и трансформации // Научный вестник провинции Чжэцзян. 2002. № 6. С. 19–21. (На кит. яз.).
- Лю На.* «XXI век по-прежнему век Ф.М. Достоевского». Обзор новых тенденций в изучении Ф.М. Достоевского в 2016 г. // Исследования динамики развития иностранной литературы. 2017а. № 1. С. 68–75. (На кит. яз.).
- Лю На.* Перевод Ф.М. Достоевского на китайский язык и исследования культурной трансформации в новом тысячелетии // Русская литература и искусство. 2017б. № 1. С. 145–151. (На кит. яз.).
- Сюй Цунцун.* Анализ «страдальческого» сознания Достоевского // Молодые писатели. 2019. № 15. С. 110–111. (На кит. яз.).
- Сюй Чаожань.* Изучение творчества Ф. М. Достоевского в Китае с начала 90-х по 2013 г. // Русская литература и современные проблемы образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2015. С. 97–103.
- Тянь Цюаньзинь.* Политика художественного перевода: О переводе и представлении Ф.М. Достоевского в Китае // Обзор и исследования китайской литературы. 2005. № 1. С. 55–57. (На кит. яз.).

- Хуснулина Р.Р. Трансформации при переводе «Кроткой» Ф.М. Достоевского в китайских версиях Ван Вэйгао и Цзан Чжунлуня // *Казанская наука*. 2019. № 5. С. 8–14.
- Хуэйжун А. Рецепция творчества Достоевского в китайских переводах, художественных произведениях и научных исследованиях // *Научный диалог*. 2020. № 11. С. 154–176. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176.
- Цэн Цзя. Современное прочтение романов Ф.М. Достоевского в Китае: Развитие идеи «жизнь есть рай» // *Успехи гуманитарных наук*. 2021. № 6. С. 255–259.
- Чжан Бяньгэ. Современные китайские ученые о Достоевском. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2012. 306 с. (На кит. яз.).
- Чэн Чжэньминь. Объективно и полно показать Ф.М. Достоевского. О «Полном собрании сочинений» Ф.М. Достоевского под ред. Чэнь Шэня // *Русская литература и искусство*. 2011. № 3. С. 135–139. (На кит. яз.).
- Чэнь Синьюй. Достоевский в Китае. Материалы к библиографии. 1921–2012 гг. // *Достоевский: материалы и исследования*. СПб.: Нестор-История, 2013а. Т. 20. С. 561–565.
- Чэнь Синьюй. О роли и влиянии Достоевского в Китае // *Достоевский: материалы и исследования*. СПб.: Нестор-История, 2013б. Т. 20. С. 293–304.
- Чэнь Цзяньхуа. Академический проект потомков первых переводчиков: К выходу «Полного собрания сочинений» Ф. Достоевского // *Исследования России*. 2010. № 6. С. 128–133. (На кит. яз.).
- Шнейдер М.Е. Русская классика в Китае: Переводы. Оценки. Творческое освоение. М.: Наука, 1977. 272 с.
- Юй Хан. Обзор научных достижений в изучении Ф.М. Достоевского в англо-американских славянских академических кругах в новом тысячелетии // *Новые взгляды на мировую литературу*. 2018. № 2. С. 36–45. (На кит. яз.).

References

- Alekseev, P.V. (2016), *Dostoevskii i Kitai: k postanovke imagologicheskoi problemy [Dostoevsky and China: on the formulation of the imagological problem]*. *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta [The Dialogue of cultures: the poetics of a local text]*, Materials of the 5th International Scientific Conference, in 2 volumes, Gorno-Altaysk, 2016, Vol. 1, pp. 38-52. (in Russian).
- Chen, Jianhua (2010), *Yi xiang ze beihouren de xueshu gongcheng – xie zai “F. Tuosituoyefusiji quanji” chuban zhiji [An academic project for future generations – Written on the occasion of the publication of the complete works of F. Dostoevsky]*. *Russian Studies*, No. 6, pp. 128-133. (in Chinese).
- Chen, Xinyu (2013a), *Dostoevskii v Kitae. Materialy k bibliografii. 1921-2012 gg. [Dostoevsky in China. Materials for the bibliography. 1921-2012]*. *Dostoevsky, materials and research*, Vol. 20, St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., pp. 561-565. (in Russian).
- Chen, Xinyu (2013b), *O roli i vliyanii Dostoevskogo v Kitae [About the role and influence of Dostoevsky in China]*. *Dostoevsky, materials and research*, Vol. 20, St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., pp. 239-304. (in Russian).
- Cheng, Zhengmin (2011), *Keguan zhanxian yi ge wanzheng de Tuosituoyefusiji – Tan Chen Shen zhubian de “Tuosituoyefusiji quanji” [Objectively showing a com-*

- plete Dostoevsky – on the complete works of Dostoevsky edited by Chen Shen]. *Russian literature*, No. 3, pp. 135-139. (in Chinese).
- Dai, Zhuomeng (2014), Lun Tuosituoyefusiji de cunzai zhuyi sixiang – yi “Dixiashi shouji” wei li [On Dostoevsky's Existentialist thought: Taking “Notes from Underground” as an example]. *Academic Journal of Russian Studies*, No. 5, pp. 71-78. (in Chinese).
- Ding, Shixin, Shen, Luru (2011), Tuosituoyefusiji zai Zhongguo jindai ji wusi shiqi de yinjie shuping [A review of Dostoevsky's introduction in modern China and the May 4th period]. *Journal of Jiaying University (Philosophy and Social Sciences)*, No. 1, pp. 47-51. (in Chinese).
- Ding, Shixin (2021), 20 shiji 90 niandai Zhongguo de Tuosituoyefusiji yanjiu zongshu [A summary of Dostoevsky's research in China in the 1990s]. *Journal of Zhejiang Sci-Tech University*, No. 26, pp. 35-41. (in Chinese).
- Ding, Shixin (2012), Tuosituoyefusiji zuopin zai xiandai Zhongguo de hanyi shuping [On the Chinese translation of Dostoevsky's works in modern China]. *Journal of Shandong Education Institute*, No. 1, pp. 120-124. (in Chinese).
- Ding, Shixin (2011), Tuosituoyefusiji yu 20 shiji 20 niandai de Zhongguo [Dostoevsky and China in the 1920s]. *Journal of Chang'an University (Social Science Edition)*, No. 6. pp. 82-86. (in Chinese).
- Geng Haiying (2020), Tuosituoyefusiji: Ren zuowei ziyou de cunzai, wei e fuze [Dostoevsky: as a free existence, man is responsible for evil]. *The Beijing News*, 06.12, available at: https://www.sohu.com/a/401481811_114988. (in Chinese).
- Huirong, Ai (2020), Reception of Dostoevsky's Creativity in Chinese Translations, Works of Art and Scientific Research. *Nauchnyi dialog*, No. 11, pp. 154-176. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176. (in Russian).
- Khusnulina, R.R. (2019), Transformations in the translation of "Meek" by F. Dostoevsky in the Chinese versions of Van Weigao and Tsang Junlun. *Kazan Science*, No. 5, pp. 8-14. (in Russian).
- Li, Lei (2002), Lun wenhua hudong zhuanxing de fangxiang [On the direction of cultural interaction transformation]. *Zhejiang academic journal*, No. 6, pp. 19-21. (in Chinese).
- Liu, Na (2017a), “21 shiji rengjiu shi Tuosituoyefusiji de shiji” – 2016 nian Tuoxue xindong xiang gaiping [“The 21st century is still Dostoevsky's century”. A summary of the new trends of tuoxue in 2016]. *New Perspectives on World Literature*, No. 1, pp. 68-75. (in Chinese).
- Liu, Na (2017b), Xin shiji wenhua zhuanxing zhong de Zhongguo Tuosituoyefusiji yijie yu yanjiu [Translation and research of Chinese Dostoevsky in the cultural transformation in the new century]. *Russian literature and art*, No. 1, pp. 145-151. (in Chinese).
- Shneider, M.E. (1977), *Russkaya klassika v Kitae: Perevody. Otsenki. Tvorcheskoe osvoenie* [Russian classics in China: Transfers. Evaluations. Creative development], Moscow, Nauka publ., 272 p. (in Russian).
- Tian, Quanjin (2005), Wenxue fanyi de zhengzhi – Lun Tuosituoyefusiji zai Zhongguo de yijie [The politics of Literary Translation – on Dostoevsky's translation and introduction in China]. *Reviews and Research on Chinese Literature*, No. 1, pp. 55-57. (in Chinese).

- Tsen, Tszya (2021), Modern reading of the novels by F.M. Dostoevsky in China: development of the idea "Life is Paradise". *Modern Humanities Success*, No. 6, pp. 255-259. (in Russian).
- Wan Haisong (2020), Tuosituoyefusiji shu xin de "wenxue kaoguxue" ["Literary archaeology" of Dostoevsky's letters]. *China Social Science Network – China Social Sciences Today*, 12.10, available at: https://m.thepaper.cn/baijiahao_10345207. (in Chinese).
- Wang, Xiaochao (1999), Wenhua hudong zhuanxing lun – Xin shiji wenhua yanjiu qianzhan [On the transformation of cultural interaction: A prospect of cultural research in the new century]. *Zhejiang Social Sciences*, No. 5, pp. 103-108. (in Chinese).
- Xu, Chaogang (2015), The study of creativity of F.M. Dostoyevsky in China since the early 90's to 2013. *Russkaya literatura i sovremennye problemy obrazovaniya* [Russian literature and modern problems of education], Materials of the International Scientific and Practical Conference, Perm, 2015, pp. 97-103. (in Russian).
- Xu, Congcong (2019), Xianxi Tuosituoyefusiji de kunan yishi [On Dostoevsky's suffering consciousness]. *Young writer*, No. 15, pp. 110-111. (in Chinese).
- Yu, Hang (2018), Xin shiji ying-mei-silafuxue jie Tuosituoyefusiji yanjiu chengguo shuping [A review of Dostoevsky's research achievements in Anglo American Slavic academic circles in the new century]. *New Perspectives on World Literature*, No. 2, pp. 36-45. (in Chinese).
- Zhang, Biange (2012), *Dangdai Zhongguo xuezhe lun Tuosituoyefusiji* [Contemporary Chinese scholars on Dostoevsky], Beijing, Beijing University Press, 306 p. (in Chinese).

TRANSLATION AND RESEARCH OF F.M. DOSTOEVSKY IN CHINA IN THE 21st CENTURY

Zhao Hong¹, O.V. Dubkova²

^{1,2} *Xi'an International Studies University (Xi'an, China)*

Abstract: In the 21st century, China is witnessing new trends in translation and research into the work of foreign writers. In this article, the authors examine the experience and traditions of translating Dostoevsky's works from a historical, artistic and aesthetic standpoint, special attention is paid to the last 20 years. The purpose of this work is to present innovations and achievements in the translation and analysis of the works of F.M. Dostoevsky in the PRC at the present stage. Within the framework of the historical approach, the traditions of literary translation and analysis of the work of the great Russian writer are presented, changes in the literary and artistic assessment are determined, the results of work on the translation of F.M. Dostoevsky in the new millennium. To implement the set tasks, both general scientific methods and specific methods of comparative historical, bibliographic, literary and statistical analysis, the method of continuous sampling, etc. are used. The bibliographic databases of the PRC, sites of publishing houses and other scientific sites of the Academy of Social Sciences of China, universities and academic communities are used as the basis. As a result of the

research, the key directions of literary translation and topical research topics of F.M. Dostoevsky are revealed. In the conditions of China's openness to the outside world and the integration of Chinese scientific research into world science, literary studies are being translated into Chinese, which significantly enriches the theory and practice of literary translation, new versions of translation of classical works are created, collected works, collections and single works are published; independent studies of F.M. Dostoevsky are carried out on the basis of the Chinese literary tradition.

Key words: literary translation, Chinese, F.M. Dostoevsky, studies of creativity, China, 21st century.

For citation:

Zhao, Hong, Dubkova, O.V. (2021), Translation and research of F.M. Dostoevsky in China in the 21st century. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 671-686. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).671-686. (in Russian).

About the authors:

¹ **Zhao, Hong**, Doctor of Sciences (in Philology), Professor of the Institute of the Russian Language

² **Dubkova, Olga Vladimirovna**, PhD, Professor

Corresponding authors:

^{1,2} Postal address: 1, South Wenyuan Road, Guodu Education and Sci-Tech Industrial Development Zone, Xi'an, 710063, China

¹ E-mail: xwzhaohong@163.com

² E-mail: linuan12@mail.ru

Acknowledgements:

Important research bases of social and philosophical sciences of Shaanxi province (Center for the Study of American and European Literature, Center for Scientific and Practical Research of Foreign Languages) No. 11JZ021

Received: September 12, 2021

Revised: September 21, 2021

Accepted: November 8, 2021

Раздел II

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part II

THEORY OF COMMUNICATION

ВИЗУАЛЬНАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ

Н.Э. Горшкова¹, В.Е. Чернявская²

¹ *Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)*

² *Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Рассматривается способ создания смысла высказывания через трансформацию и интерпретацию визуальных изображений. Это анализируется с опорой на понятие визуальной интертекстуальности, что создает особый ракурс в изучении интерсемиотического перевода, в термине Якобсона, и интериконичности. Теоретические основы анализа заданы социальной семиотикой, культурной семиотикой, разработками в сфере мультимодального текста и дискурса. Анализ показывает, как визуальный образ вместе с языковыми знаками конструирует и выражает человеческий опыт, знания и социально значимые смыслы. Визуальные изображения могут становиться прецедентными, устойчивыми и повторяющимися в социокультурной практике. Визуальная интертекстуальность показывается на примере ставшего прецедентным в интернациональном пространстве текста – американского плаката времен Второй мировой войны «We can do it!» – и его трансформаций в современной социокультурной практике. Показывается, что именно вербальный компонент плаката поддерживает прецедентный характер текста, его воспроизводимость и узнаваемость. Одновременно визуальный образ является динамичной составляющей и несет центральную нагрузку в смыслопорождении, будучи включенным в интертекстуальный диалог. Картинка, меняясь от контекста к контексту, показывает стоящие за ней социальные смыслы.

Ключевые слова: визуальная интертекстуальность, интериконичность, мультимодальность, социальная практика.

Для цитирования:

Горшкова Н.Э., Чернявская В.Е. Визуальная интертекстуальность как способ смыслопорождения // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 689–700. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).689-700.

Сведения об авторах:

¹ **Горшкова Наталья Эдуардовна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германистики и лингводидактики

² **Чернявская Валерия Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор Высшей школы лингводидактики и перевода

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 105064, Россия, Москва, Малый Казенный пер., 5Б

² Почтовый адрес: 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 19

¹ E-mail: natgorshkova@mail.ru

² E-mail: chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Дата поступления статьи: 17.06.2021

Дата рецензирования: 24.06.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

1. Постановка проблемы

Объектом предлагаемого анализа является визуальная интертекстуальность. Понятие «интертекстуальность» отражает формальное и содержательное взаимодействие разных знаков, структур и текстов, в результате которого порождаются новые смыслы. Смыслообразующий потенциал интертекстуальности, ее способность становиться средством построения смысла выходит на первый план в предлагаемом анализе. Визуальная интертекстуальность описывает такие коммуникативные ситуации, когда в основе создания нового текста лежит существующий текст не вербального, но визуального характера или поликодовый текст, вербально-визуальный. В этих случаях речь идет о том, как через интерпретацию визуальных изображений – картин, фотографий, плакатов создается новое содержательно-смысловое единство.

Это понятие находится в точке пересечения как минимум трех исследовательских перспектив и междисциплинарных разработок. Во-первых, это особая форма выражения интертекстуальности, с опорой на которую описывается диалогическое взаимодействие различных смыслов и культурных кодов, а также текстовая гетерогенность, порождаемая разного рода факторами и механизмами. Визуальная интертекстуальность интересна, так как показывает, как визуальный ресурс участвует в формировании и интерпретации новых смыслов.

Во-вторых, визуальная интертекстуальность создает свою особую точку наблюдения за мультимодальным, или, в иной терминологии, поликодовым, характером коммуникации. Именно мультимодальность и поликодовость выдвинулись в разработках с 2000-х гг. в объяснении процессов порождения смыслов [Чернявская 2003, 2014, 2021; Iedema 2003; Kress 2010; Kress, van Leeuwen 2006; Liu, O'Halloran 2009; Norris 2012]. Мультимодальность показывает основополагающий принцип коммуникации, это «особая коммуникативная техника, которая создает достижимость взаимопонимания участников коммуникации» («multimodality is a cultural technique, a competence which guarantees communication and mutual intelligibility») [Stöckl 2009: 206]. Принципиальная мультимодальная при-

рода коммуникации и интеракционного взаимодействия рассматривается сегодня как один из ключевых объяснительных подходов в социальной семиотике, лингвистике, лингвистической антропологии, дискурсивном анализе.

В-третьих, визуальная интертекстуальность находится в проекции интериконичности. Интериконичность означает взаимодействие различных семиотических систем. Это разновидность интерсемиозиса, или, как предложил называть Р. Якобсон, интерсемиотического перевода, т. е. перевода значений и смыслов из одной знаковой системы в другую, ср.: «интерсемиотический перевод – это интерпретация вербальных знаков посредством знаков невербальной системы» («intersemiotic translation is an interpretation of verbal signs by means of signs of nonverbal sign systems») [Jakobson 2004: 139]. В качестве примеров интерсемиозиса Якобсон, как известно, рассматривал перевод вербального языка (вербальных текстов) в музыкальное произведение, язык танца, кино или изобразительного искусства. Для Якобсона во всех этих случаях язык был первичным, приоритетным семиотическим кодом, и интерсемиотический перевод не рассматривался без опоры на языковые ресурсы. Иная позиция и иной исследовательский объект заданы в семиотике культуры Ю.М. Лотманом: интерсемиозис между неязыковыми знаковыми системами и интериконичный перевод, не опосредованный языком [Лотман 1992].

В предлагаемых рассуждениях интериконичность рассматривается как способ создания смысла высказывания через трансформацию и интерпретацию визуальных изображений. Это использование существующего визуального образа и его трансформация внутри другого текста. При этом возможно буквальное воспроизведение фрагмента одного текста в другом – цитирование, пародирование визуального предтекста, смысловой контраст с ним. Прослеживается сегодня в рекламных сообщениях, комиксах, карикатурах и других типах текстов. В этом ракурсе термины *интериконичность* и *визуальная интертекстуальность* используются взаимозаменяемо.

2. Методология и теоретические основания анализа

Анализируются вербально-визуальные тексты, которые состоят из семиотически разнородных частей и могут быть определены как мультимодальные тексты. Цель анализа состоит в том, чтобы показать, как визуальный образ конструирует и выражает человеческий опыт, знания и социально значимые смыслы. Визуальная интертекстуальность показывается на примере одного их прецедентных в интернациональном пространстве текстов, а именно американского плаката Второй мировой войны «We can do it!» и его трансформаций в современной социокультурной практике. Материал для исследования отбирался с помощью технологии «Интернет как корпус», формировался поисковый запрос в новостных агрегаторах «Яндекс», Google, Rambler по ключевому слову «We can do it!», запрос

хронологически ограничивался периодом с 1990 по 2021 г. По заданным параметрам получено около 180 000 результатов – упоминаний вербального компонента плаката, а также более 200 изображений, так или повторяющих иначе визуальную составляющую текста. Извлеченные контексты с ключевым словом анализировались прагма-семантическими методами.

Теоретико-методологические основания анализа заданы социальной семиотикой, культурной семиотикой, разработками 2000–2020 гг. в лингвистике текста и дискурсивном анализе. Визуальный поворот (*visual, pictorial turn*) в гуманитарных и социально ориентированных исследованиях выдвинул значимость изображения в выражении и интерпретации смыслов [Rose 2001; Pauwels 2010]. При этом визуальный образ не следует рассматривать как изолированную составляющую коммуникации. Следует исходить из того, что изображение – часть социокультурной практики. В социальном контексте визуальный ресурс участвует в порождении смысла наряду с другими составляющими дискурса, наряду с языковым знаком. В лингвистике визуальный поворот обусловил трансформацию основополагающих представлений о тексте и стандартах текстовости. Дискуссии конца прошлого века привели исследователей и теоретиков лингвистики текста к осознанию того, что структура текста – его текстура – создается как языковыми, так и неязыковыми ресурсами, его когерентная смысловая целостность обеспечивается сложным дизайном многих семиотических ресурсов.

Визуальные изображения могут становиться прецедентными, т. е. узнаваемыми и общеизвестными в определенной социокультурной практике. Прецедентными могут быть как отдельное имя, высказывание / текст, так и ситуация в целом. Как и иные прецедентные тексты, они имеют надындивидуальный характер, востребованы и значимы для людей, объединенных одной коммуникативной практикой и культурой. Они постоянно воспроизводятся в социокультурной практике, при этом следует говорить о целостном восприятии и воспроизводстве, устойчивости передаваемого смысла. Прецедентные тексты создают то, что можно назвать «презумпцией интертекстуальности», а именно готовность и способность человека взаимодействовать с другими в общем семиотическом пространстве. Прецедентные визуальные изображения и визуальная интертекстуальность становилась предметом анализа с позиции семиотики и интерсемиозиса, в связи с разработками разных форм интертекстуальности, внутри отдельных ситуаций и кейсов в медиaprостранстве в социальной практике [Кузьмина 2011; Gearhart et al. 2020; Iedema 2003; Liu, O'Halloran 2009].

3. Интерпретация результатов

Визуальная интертекстуальность рассмотрена на примере американского плаката Второй мировой войны «We can do it!» / «Мы можем это сделать!», созданного в 1943 г. Д.Г. Миллером. Плакат был создан как

призыв к американским женщинам – работницам компании «Вестингауз Электрик» трудиться наравне с мужчинами и стал также известен под названием «Клепальщица Роза» (рис. 1).

Рис. 1. Плакат «We can do it!» 1943 г.

Этот плакат закрепил в массовом сознании собирательный образ женщин, работавших на предприятиях во время войны. Он обрел новую популярность позднее и стал широко использоваться в американском и западноевропейском обществе с 1980-х гг. в феминизме – социальном и политическом движении за расширение экономических и личных прав женщины, против дискриминации по гендерному признаку. Включенность в практику феминизма закрепила этот текст для выражения определенной социальной идентичности женщины, сильной, самостоятельной, способной играть социально значимые роли и заслужившей признания наравне с мужчинами. Вербально-визуальный текст многократно тиражировался и воспроизводился на утилитарных предметах – футболках, предметах посуды, магнитах, наклейках.

Плакат неоднократно воспроизводился в меняющейся социальной практике, использовался как семиотический инструмент выражения идентичности и самопрезентации. Визуальный образ с плаката, утверждающий идею женской независимости и самостоятельности, изменялся, фиксируя динамику социальных смыслов и новые составляющие в движении феминизма, его транснациональный характер. Так, образ белокожей женщины расширялся за счет мультикультурной декларации женских прав в обществе и цитировался как изображение темнокожей женщины, женщины в арабском мире, заявляющей то же: «Мы это можем!» Об интерпретации плаката «We can do it!» в мультикультурном контексте см.: [Aguerre 2018].

В 2014 г. популярная американская певица Бейонсе опубликовала в социальной сети свое изображение, цитирующее известный плакат (рис. 2).

Бейонсе позиционирует себя как успешную женщину, прошедшую путь к своей цели, и в таком образе – женщины, на которую хочется равняться и подражать, – она воспринимается в массовой культуре.

Рис. 2. Бейонсе и «We can do it»
(<https://www.madmoizelle.com/we-can-do-it-beyonce-273706>)

На женскую версию плаката появился также «мужской ответ» – «We can do it, too!» / «И мы тоже можем!» – как реакция мужчин на вызов женщин, претендующих на лидерство в обществе и как напоминание о традиционном мужском лидерстве (рис. 3). При этом очевидно, что мужская версия текста может быть адекватно понята только в интертекстуальном осмыслении с опорой на знание о существовании прецедентного текста и, если рассматривать шире, с опорой на знание о дискурсе феминизма, порождаемых этим явлением социально значимых смыслов, пресуппозиций и оценок.

Рис. 3. «We can do it, too»

Прецедентность, т. е. устойчивость и воспроизводимость этого вербально-визуального текста, отчетливо наблюдается, когда он получил новое содержательное наполнение во время коронавирусного кризиса и пандемии, заставившей пересмотреть многие социально значимые ценности и нормы. Международная деловая газета «Financial Times» в апреле 2020 г. опубликовала аналитическую статью «Coronavirus and the threat to US supremacy» («Коронавирус и угроза превосходству США»), в которой обсуждается, как в условиях пандемии обострилась геополитическая конкуренция и глобальное противостояние супердержав. Заголовок статьи поддержан вербальной и визуальной цитатой: образ сильной женщины трансформировался в изображение человека в защитном халате и маске периода пандемии (рис. 4). Утверждение: «Мы сможем!» – спроецировано на противостояние США и Китая, на обнаружившиеся слабые позиции в обеспечении мер защиты от новой инфекции.

Рис. 4. *We can do it: Coronavirus and the threat to US supremacy*
(<https://www.ft.com/content/2e8c8f76-7cbd-11ea-8fdb-7ec06edeef84>)

Аналогичный эффект обращенности на «здесь и сейчас» ситуацию создан контекстуализацией плаката в городском пространстве. Вообще, семиотический ландшафт города чрезвычайно динамичен и формирует то культурно-семиотическое пространство языка / урбанолекта [Горшкова 2012] и символических образов, в котором отчетливо проявляется интертекстуальная память человека, происходит его идентификация с разными категориями, коммуникативными ролями. Так, по данным ирландского издания «The Irish Times», в апреле – мае 2020 г. это изображение стало многократно транслироваться в период пандемии. Вербальный компонент текста «Мы сможем!» получил новое осмысление и стал резонировать с темой коллективной солидарности и поддержки в обществе. По данным газеты, в новой ситуации плакат, цитирующий предтекст 1943 г., вызывает внимание граждан и точно передает современную актуальную атмосферу и солидарный, мобилирующий настрой (см. рис. 5).

Рис. 5. «We can do it». Рисунок на стене городского здания в Дублине, выражающий благодарность работникам здравоохранения в период пандемии (<https://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/people-expect-lifting-of-social-distancing-restrictions-to-be-slow-and-gradual-1.4254191>)

4. Выводы

Вербальный компонент поликодового текста является его динамичной составляющей и несет центральную функциональную нагрузку в смыслопорождении. Именно визуальная картинка, так или иначе трансформированная, будучи включенной в интертекстуальный диалог, позволяет выразить новые смыслы. Пронаблюдав на примере одного прецедентного вербально-визуального текста его трансформации в социокультурном контексте, можно сделать несколько обобщающих заключений. Прецедентность картинки, т. е. ее востребованность, воспроизводимость и узнаваемость, не объясняется только травестированием или иным эстетическим прилаживанием ранее созданного текста к новому контексту. Визуальная интертекстуальность дает важную точку доступа к наблюдению за интертекстуальной компетенцией участников коммуникации, их знанием о культурной, исторической обусловленности и предыстории мультимодального высказывания. С опорой на визуальный ресурс становится очевидным, как соединяются вместе индивидуальный и коллективный, социальный опыт человека. Изучение визуальности значимо в теоретическое осмысление и объяснении того, как возникает и существует, используется в социальной интеракции общее знание, разделяемое с другими участниками культурного сообщества. В проекции визуальной интертекстуальности становится видимым релевантный контекст и социальная перспектива для адекватной интерпретации содержания, выраженного в визуальной форме. Картинка, меняясь от контекста к контексту, показывает стоящие за ней социальные смыслы. Вербальный и визуальный семиотический ресурсы создают глубинную связность в структуре текста, не сводимую к механическому сложению языковых и визуальных знаков (к двойному кодированию).

Список литературы

- Горшкова Н.Э. Язык города как объект лингвистического исследования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2012. № 2 (10). С. 49–54.
- Кузьмина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп. 2011. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/755> (дата обращения: 14.06.2021).
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Прогресс: Гнозис, 1992. 270 с.
- Чернявская В.Е. Визуальность в социокультурной проекции // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. Вып. 2. С. 96–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109.
- Чернявская В.Е. Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2003. С. 123–135.
- Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2014. 184 с.
- Чернявская В.Е., Горшкова Н.Э. Лингвистика научной речи: «знаю-что» и «знаю-как» в научной коммуникации // Текст: дискурсивное проявление и коммуникативная практика: сб. науч. ст. М.: МГПУ, 2017. С. 149–157.
- Aguierre R. The Evolution of the “We Can Do It” Poster and American Feminist Movements // McNair Research Journal SJSU. 2018. Vol. 14. Art. 3. P. 1–22. URL: <https://scholarworks.sjsu.edu/mcnair/vol14/iss1/3> (дата обращения: 10.06.2021).
- Gearhart Sh., Zhang B., Perlmutter D.D., Lazić G. Visual Intertextuality Theory: Exploring Political Communication and Visual Intertextuality through Meme Wars // Handbook of Visual Communication. Theory, Methods, and Media. New York; London: Routledge, 2020. P. 367–379. DOI: 10.4324/9780429491115-34.
- Jedema R. Multimodality, resemiotization: extending the analysis of discourse as multi-semiotic practice // Visual Communication. 2003. Vol. 2, no. 1. P. 29–57. DOI: 10.1177/1470357203002001751.
- Jakobson R. On linguistic aspects of translation // The Translation Studies Reader / ed. L. Venuti. New York; London: Routledge, 2004. P. 138–143.
- Kress G. Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication. Abingdon, UK: Routledge, 2010. 212 p.
- Kress G., van Leeuwen T. Reading images. The grammar of visual design. London: Routledge, 2006. 312 p.
- Liu Y., O'Halloran K. Intersemiotic texture: Analyzing cohesive devices between language and images // Social Semiotics. 2009. Vol. 19, no. 4. P. 367–388. DOI: 10.1080/10350330903361059.
- Norris 2012 – Multimodality in Practice: Investigating Theory-in-Practice-through-Methodology / ed. S. Norris. New York; Abingdon: Routledge, 2012. 256 p.
- Pauwels L. Visual Sociology Reframed: An Analytical Synthesis and Discussion of Visual Methods in Social and Cultural Research // Sociological Methods and Research. 2010. Vol. 38, iss. 4. P. 545–581. DOI: 10.1177/0049124110366233.
- Rose G. Visual Methodologies: An Introduction to the Interpretation of Visual Materials. London: Sage, 2001. 229 p.

Stöckl H. The language-image-text – Theoretical and analytical inroads into semiotic complexity // *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*. 2009. Vol. 34, iss. 2. P. 203–226.

References

- Aguierre, R. (2018), The Evolution of the “We Can Do It” Poster and American Feminist Movements. *McNair Research Journal SJSU*, Vol. 14, art. 3, pp. 1-22, available at: <https://scholarworks.sjsu.edu/mcnair/vol14/iss1/3> (accessed: June 10, 2021).
- Chernyavskaya, V.E. (2021), Image and Visuality in Sociocultural Dimension. *Praxema. Journal of Visual Semiotics*, Vol. 2, pp. 96-109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109.
- Chernyavskaya, V.E. (2014), *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeistviya* [Discourse of Power and Power of Discourse. Problems of speech influence], Moscow, Flinta publ., 184 p. (in Russian).
- Chernyavskaya, V.E. (2003), Discurs i discursivnyi analiz: traditsii, tseli, napravleniya [Discourse and Discourse Analysis: traditions, purpose, directions]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and creativity in the text], Interuniversity collection of scientific papers, Perm, Perm State National Research University publ., pp. 123-135. (in Russian).
- Chernyavskaya, V.E., Gorshkova, N.E. (2017), Lingvistika nauchnoi rechi: «znayuchto» i «znayu-kak» v nauchnoi kommunikatsii [Linguistic of the research paper: “know-what” and “know-how”]. *Tekst: diskursivnoe proyavlenie i kommunikativnaya praktika* [Text: discursive manifestation and communicative practice], Collection of scientific articles, Moscow, MSPU publ., pp. 149-157. (in Russian).
- Gearhart, Sh., Zhang, B., Perlmutter, D.D., Lazić, G. (2020), Visual Intertextuality Theory: Exploring Political Communication and Visual Intertextuality through Meme Wars. *Handbook of Visual Communication. Theory, Methods, and Media*, New York, London, Routledge publ., pp. 367-379. DOI: 10.4324/9780429491115-34.
- Gorshkova, N.E. (2012), The city language as an object of linguistic investigation. *Vestnik Moscow city university. Series: Philology. Theory of linguistics. Linguistic education*, No. 2 (10), pp. 49-54. (in Russian).
- Iedema, R. (2003), Multimodality, resemiotization: extending the analysis of discourse as multi-semiotic practice. *Visual Communication*, Vol. 2, no. 1, pp. 29-57. DOI: 10.1177/1470357203002001751.
- Jakobson, R. (2004), On linguistic aspects of translation. Venuti, L. (ed.) *The Translation Studies Reader*, New York, London, Routledge publ., pp. 138-143.
- Kress, G. (2010), *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*, Abingdon, UK, Routledge publ., 212 p.
- Kress, G., van Leeuwen, T. (2006), *Reading images. The grammar of visual design*, London, Routledge publ., 312 p.
- Kuzmina, N.A. (2011), Intertextuality and Precedent as a basic cognitive categories of media discourse. *Mediascope*, 2011, Vol. 1, available at: <http://www.mediascope.ru/node/755> (accessed: June 14, 2021). (in Russian).

- Liu, Y., O'Halloran, K. (2009), Intersemiotic texture: Analyzing cohesive devices between language and images. *Social Semiotics*, Vol. 19, no. 4, pp. 367-388. DOI: 10.1080/10350330903361059.
- Lotman, Yu.M. (1992), *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion], Moscow, Gnozis publ., 270 p. (in Russian).
- Norris, S. (ed.) (2012), *Multimodality in Practice: Investigating Theory-in-Practice-through-Methodology*, New York, Abingdon, Routledge publ., 2012, 256 p.
- Pauwels, L. (2010), Visual Sociology Reframed: An Analytical Synthesis and Discussion of Visual Methods in Social and Cultural Research. *Sociological Methods and Research*, Vol. 38, iss. 4, pp. 545-581. DOI: 10.1177/0049124110366233.
- Rose, G. (2001), *Visual Methodologies: An Introduction to the Interpretation of Visual Materials*, London, Sage publ., 2001. 229 p.
- Stöckl, H. (2009), The language-image-text – Theoretical and analytical inroads into semiotic complexity. *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*, Vol. 34, iss. 2, pp. 203-226.

VISUAL INTERTEXTUALITY AS A METHOD FOR MEANING GENERATION

N.E. Gorshkova¹, V.E. Chernyavskaya²

¹ *Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russia)*

² *Peter the Great St. Petersburg Politechnic University (St. Petersburg, Russia)*

Abstract: The present paper discusses a way to generate the meaning of an utterance through the transformation and interpretation of visual images. The framework of the analyses was found in the concept of visual intertextuality, which sets up a special perspective in the study of intersemiotic translation, in Jacobson's term, and intericonity. The analysis is in line with modern investigations in social semiotics, cultural semiotics, in the field of multimodal text and discourse. The analysis reveals how a visual image, together with linguistic signs, constructs and shapes human experience, knowledge and socially significant meanings. Visual images can become precedent, persistent and repetitive in socio-cultural practice. Visual intertextuality is discussed on the example of the American poster of the Second World War "We can do it!" and its transformations in modern sociocultural practice. This text has become a precedent in the international space. It is shown that it is the verbal component of the poster that maintains the precedent nature of the text and thus, its reproducibility and recognizability. Simultaneously, the visual image is a dynamic component and carries the central load in the generation of meaning, being included in the intertextual dialogue. The picture, changing from context to context, reveals the social contexts and social meanings behind it.

Key words: visual intertextuality, intericonicity, multimodality, social practice.

For citation:

Gorshkova, N.E., Chernyavskaya, V.E. (2021), Visual intertextuality as a method for meaning generation. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 689-700. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).689-700. (in Russian).

About the authors:

¹ **Gorshkova, Natalia Eduardovna**, PhD, Associate Professor of the Department of Germanistics and Linguodidactics

² **Chernyavskaya, Valeria Evgenievna**, Prof., Professor of the Higher School of Linguodidactics and Translation

Corresponding authors:

¹ Postal address: 5b, Malyi Kazennyi per., Moscow, 105064, Russia

² Postal address: 19, Politekhnicheskaya ul., St. Petersburg, 195251, Russia

¹ E-mail: gorshkova@mail.ru

² E-mail: chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Received: June 17, 2021

Revised: June 24, 2021

Accepted: November 8, 2021

Я ЕСТЬ Я (ИДЕНТИЧНОСТЬ И КОММУНИКАЦИЯ)

Лю Гаочэнь¹, Е.В. Маркасова²

¹ Пекинский университет (Пекин, Китай)

² Пекинский университет иностранных языков (Пекин, Китай)

Аннотация: Местоимение первого лица является организующим центром коммуникативного процесса. Статья посвящена анализу тавтологий с местоимением «я», поскольку именно тавтологии помогают увидеть специфику самопрезентации и автореференции говорящего. На основе их анализа можно выявить, как персональная идентичность отражается в коммуникативном акте. Конструкция *X есть X* является разновидностью тавтологий тождества (типа *работа есть (это) работа*). При *X*-местоимении я конструкции в основном выражают следующее: реакцию на опознание (выделение из множества, отождествление); самоидентификацию через противопоставления себя чужой оценке или социуму вообще; признание своих качеств, дающих право на некие действия. Конструкция *X не X* может выражать: отрицание своего участия в действии или отказ от ответственности; решимость в формулах обещания или божбы; идею утраты прежней идентичности, в том числе реальное или предполагаемое изменение своего я и его перехода в иное состояние. Выводы, полученные исследователями на материале конструкций того же типа, но с другими частями речи, не могут безоговорочно применяться к тавтологиям с личным местоимением. Для прагматически перегруженного *X-а*, выраженного местоимением 1-го лица, сомнительна включенность в сетку отношений «конкретное – абстрактное, положительное – отрицательное, частное – общее, родовое – видовое». Изучение тавтологий тождества с я следует связывать с историческим аспектом исследования персональной идентичности.

Ключевые слова: местоимение, идентичность, личная идентичность, коммуникация, тавтология, прагматика, самоидентификация, тавтология тождества.

Для цитирования:

Лю Гаочэнь, Маркасова Е.В. Я есть я (идентичность и коммуникация) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 701–716. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).701-716.

Сведения об авторах:

¹ Лю Гаочэнь, магистрант

ORCID: 0000-0002-2983-7563

² **Маркасова Елена Валерьевна**, доктор филологических наук, доцент Института русского языка

ORCID: 0000-0002-9231-1476

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 10087, China, Beijing, Haidian District, Yiheyuan Road, 5

² Почтовый адрес: 10087, China, Beijing, Haidian District, Xisanhuanbeilu, 19

¹ E-mail: 405ddbbs@pku.edu.cn

² E-mail: markasovaelena@yandex.ru

Финансирование:

Работа обсуждалась на 15-й встрече Славистического лингвистического общества (Блумингтон, 4–6 сентября 2020 г.), где был представлен доклад, подготовленный в рамках проекта Российского научного фонда № 19-78-10048

Благодарности:

Авторы благодарят за советы Е.Л. Вилинбахову и М.В. Копотева

Дата поступления статьи: 31.07.2021

Дата рецензирования: 12.08.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

1. Введение

1.1. Теоретическая база

Я – отправная точка коммуникативного процесса. Представления человека о своем я влияют на характер общения едва ли не больше, чем привычно перечисляемые факторы ситуации, интенции, социального статуса и пр. На протяжении XIX–XX вв. меняются представления о «нормальности» / «ненормальности» психологической устойчивости, множественной идентичности, внутреннего постоянства [Olson 2019; Olson, Witt 2019; Schechtman 1996; Shoemaker 1963; Парфит 2019]. Все эти изменения в психологии масс не могут не сказываться на характере коммуникации.

Поводом к размышлениям о том, как местоименные тавтологии тождества связаны с коммуникацией стал интересный факт несоответствия данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Генерального Интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ). Количество тавтологий с местоимением я в ГИКРЯ на порядок больше, чем в НКРЯ, причем всплеск относится к XXI в., что указывает на необходимость изучения причин этого явления в связи с проблемами самоидентификации в наше время. Мы предполагаем, что распространение тавтологических конструкций с местоимением я в XXI в. обусловлено процессами, связанными с отстаиванием личностью права на идентичность в социуме.

Местоимение *я* непосредственно связано с понятием идентичности [Glock, Hacker 1996]. Принято различать личную идентичность («самость», *self-identity*) и социальную идентичность. «Личная идентичность человека в этом смысле состоит из тех свойств, которые он принимает, чтобы “определить себя как личность” или “сделать ее такой, какая она есть”, и которые отличают ее от других. Иметь кризис идентичности значит не быть уверенным в своих наиболее характерных свойствах, в том, каким человеком, в каком-то глубинном и фундаментальном смысле, ты являешься. Эта личная идентичность контрастирует с этнической или национальной идентичностью»¹ [Olson 2019]. Специалисты отмечают целые периоды, для которых характерен кризис персональной (личной) идентичности [Erikson 1968; Кон 1978]. Речь может идти и о кризисе на разных этапах становления конкретной личности, и о массовом явлении в определенные исторические периоды в жизни общества. Пример такого массового кризиса идентичности наблюдался в России в 1990-е гг. [Павленко, Корж 1998].

За последние полвека подход к изучению тавтологий (изначально логический) обогатился деталями, актуальными для прагматики, семантики, стилистики, сформировался канон описания существующих подходов (радикально-прагматического, радикально-семантического, семантико-прагматического) [Ward, Hirschberg 1991; Bulhof, Gimbel 2001; Вилинбахова 2016; Janda, Kopotev, Nessel 2020], которым, однако, противостоит концепция Т. Sakai: лингвистическое значение тавтологий типа *X есть X* не соответствует никакому пропозициональному содержанию [Sakai 2012].

Исследователей в основном привлекают яркие примеры именных тавтологий, позволяющих увидеть своеобразие языковой картины мира [Wierzbicka 1987]. Традиционно анализируется семантика элементов этой конструкции и влияние контекста на распознавание адресатом коннотаций, заложенных адресантом в тавтологическое высказывание [Падучева 2004]; анализируются ассоциативные связи основного элемента тавтологии [Падучева 1985: 42], на основе «мысленного досье» [Булыгина, Шмелев 1997: 505]. Внимание ученых концентрируется на отличиях тавтологии от псевдотавтологии [Апресян 1995: 166–167]; на времени возникновения таких конструкций в русском языке [Вилинбахова, Копотев 2017]. «Способы осмысления русских биноминативных тавтологий зависят от целого ряда параметров: тип имени (имя собственное, дескрипция или местоимение), его референциальный статус, наличие связи, наклонение

¹ «Someone’s personal identity in this sense consists of those properties she takes to “define her as a person” or “make her the person she is”, and which distinguish her from others. (The precise meaning of these phrases is hard to pin down.) To have an “identity crisis” is to become unsure of what one’s most characteristic properties are – of what sort of person, in some deep and fundamental sense, one is. This “personal identity” contrasts with ethnic or national identity».

и время, порядок слов, наличие распространителей» [Булыгина, Шмелев 1997: 444].

1.2. Постановка проблемы и материал

Наполнение изучаемой тавтологии личным местоимением несомненно должно иметь референциальные особенности. Если личное местоимение *я* является организующим центром коммуникации, и можно предполагать, что его функция в составе тавтологической конструкции будет связано с возможностью *я* обозначать и говорящего [Шмелев 1961: 41; Бондарко 1991: 8], и не только говорящего (хотя этот вопрос пока не решен) [Dolcini 2016].

При анализе тавтологий типа *война есть война* можно опираться и на данные словарей, и на личную интуицию, и на ассоциации, связанные с *Х*. Однако *я* «не обозначает никакой лексической сущности» [Бенвенист 1974: 295], вносит семантические ограничения на контекст [Падучева 1985: 136–142], функционирует «как средство самоидентификации и самопрезентации говорящего», важное «в психологическом и в аксиологическом плане» [Норман 2017: 23; Ли 2019; Маркасова, Хэ 2020].

Если тавтология может выражать оценку повторяющегося элемента, можно ли представить ее как разницу оценок собственного *я*? Вопрос о степени применимости выводов, полученных исследователями на другом материале (например, *Х есть (это) Х*, в которых *Х* – имя существительное), к тавтологиям, в которых *Х* – местоимение *я*, пока не решен.

Лексико-грамматический поиск осуществлялся в основном корпусе НКРЯ в апреле 2020 г. Хронологический охват: середина XVIII – начало XXI в. По данным НКРЯ, самые ранние употребления конструкции с местоимением «я» относятся к концу 1840-х гг.

В НКРЯ представлены 77 примеров *я это я*, 16 примеров *я есть я*. Из 92 примеров отрицательной конструкции 47 – *я не я*, 10 – *я это не я*. Мы не исключили из материала *я не я* в составе паремии. Примеры *я не есть я* не найдены.

Кроме связки *быть* в форме настоящего времени возможна связка в прошедшем или будущем времени: *я был я* (6 примеров), *я была я* (1 пример) и *я буду я* (1 пример), а также их аналоги с отрицанием – *я был не я* (11 примеров), *я была не я* (5 примеров), *я буду не я* (10 примеров) и *я не я буду* (23 примера). Из личных местоимений наиболее часто в русском языке употребляется именно *я*, и оно же закономерно лидирует в составе изучаемой тавтологии. Аналогичные конструкции с другими местоимениями единичны.

При интерпретации прагматики тавтологий, представленных ниже, мы опирались на широкий контекст: в некоторых случаях для этого было необходимо знание полного содержания цитируемого произведения (например, текстов А. Грина, В. Брюсова, А. Приставкина, В. Распутина и др.) или биографии автора (А. Битова, Ю. Олеси, Н. Пунина, и др.).

2. Я это я / я есть я

2.1. Реакция на факт / процесс опознания

Данная конструкция используется, когда один собеседник пытается опознать другого. Адресат выделяет узнаваемого из множества и отождествляет его с известным ему конкретным лицом. *Простите, – сказал он с понимающей улыбкой, – вы – это вы? – Да, – говорю, – я – это я. – Я, – говорит он, всё так же понимающе улыбаясь, – вас сразу узнал по кольцу* (Ф. Искандер. Начало (1969)); *Он хотел убедиться, что я есть я и что я определенным образомотреагирую на какие-то его слова* (А. и Б. Стругацкие. Жук в муравейнике (1979)).

Убедиться, что я есть я значит установить тождество между внешними признаками X и его образом, существующим в сознании адресата (имя, социальный статус и пр.). В прямой речи эта конструкция является контактоустанавливающей и показывает готовность опознаваемого поддерживать опознающего. В тавтологиях с этой прагматикой используются обе связи. В этой группе примеров подразумеваются два параметра идентичности: внешние (физические) данные и непрерывность личного образа, дающая человеку возможность быть опознанным.

2.2. Самоидентификация + противопоставление себя чужой оценке

Когда прагматический центр конструкции – выдвижение своего Я, она превращается в средство определения границы между собой и «другим я» (обычно в отношении непроговариваемых и неопределяемых черт характера, нравственных качеств). Тавтология демонстрирует равенство я самому себе, противопоставление положительной самооценки общему мнению (реальному или гипотетическому), которое выражается с помощью *а не N*. Например: *Эта уверенность в том, что я – это я, а не какой-нибудь изменник и враг народа, не покидала меня еще и в машине...* (Я.Е. Харон. Злые песни Гийома дю Вентре (1965)); *Ощущение, что если бы где-то признали, что я есть я, а не инструктор, не учитель, не студент...* (Э. Герштейн. Мандельштам в Воронеже (1985–2002)).

Так конструкция может маркировать границы между личным и чужим представлением о своем я, личным и чужим пространством. В этом случае она включена в перечислительный ряд и противопоставлена как *я/он, она, они: Та, например, с которой я беседую? Вы это – Вы, я – это я. И нет других «не меня» во мне* (коллективный. Форум: О реинкарнации (2012); *Но они есть они, ты есть ты, я есть я* (Е. Завершнева. Высотка (2012)). Иногда это декларирование границы распространяется на ближайшее окружение или общество в целом: *Я, по их мнению, «изображаю» из себя рыцаря без страха и упрека. Только это неправда, я ничего не изображаю, я – это я, а вот они все плоские* (Н.А. Лухманова. Девочки (1894)).

Основа тавтологии в таких случаях – качества, которые говорящий считает имманентно присущими ему. Эта разновидность конструкции мо-

жет предвещать приближение конфликта: демонстрация «черты», через которую нельзя переступить собеседнику.

2.3. Отстаивание личных качеств, дающих право на последующие действия

Конструкция *я есть я* нередко используются во внутренней речи и в диалоге как напоминание самому себе о скрытых ресурсах, самоощущение, побуждение себя к тому, на что пока трудно решиться. Ситуации тесно связаны с идеей автономности *я* во внешнем мире: – **Я – есть я**, – произнесла Джесси, вставая, так как кончила думать, – *я – сама, сама собой есть, и буду, какая есть!* (А.С. Грин. Джесси и Моргиана (1928)); *Но не желаю, слышите ли, не желаю читать Карла Маркса, будь он хоть тысячу раз прав... Я есть я!*. (А.Н. Толстой. Хождение по мукам (1941)).

Отметим, что декларация равенства самому себе (как в приведенном выше примере) – распространенная практика в богословии [Сапронов 2008; Туровцев 2018], различных школах психологии [Мольц 1992] и эзотерики¹. Эти конструкции являются показателями самодостаточности своего *я*.

Если учитывать широкий контекст (включая сюжет), то различие между 2.2 и 2.3 ощутимо: в 2.2 это декларация права на цельность персональных качеств, а в 2.3 это основа для будущего действия, о чем говорит дальнейший ход событий.

2.4. Разграничение «нереальное – реальное», «сон – явь», «здесь – там»

Эти случаи употребления тавтологии связаны с введением параметров времени и пространства, причем речь также идет об оппозиции себя и своего другого *я* в сознании говорящего. Например: *Я не должна сомневаться, что я это – я. И всё же, когда я начинаю думать о той, заточенной в моем зеркале, меня начинает охватывать странное колебание: а что, если подлинная я – там?* (В.Я. Брюсов. В зеркале (Из архива психиатра) (1903)).

Этот пример можно интерпретировать как попытку утверждения личного *я* путем «выхода» из метафизических размышлений и переноса своего *я* в реальность, границы которой зыбки. Пример: *Я предчувствовал, что из этого получится: старательное перечисление мельчайших событий прошлого заслонит, поставит под сомнение то, что было исходной посылкой всей этой затеи: уверенность в том, что я – это я, нечто единое и в основе своей неизменное* (Б. Хазанов. Далекое зрелище левов (1998)).

Психологи в подобных случаях говорят о так называемом «постоянстве» ощущения своего *я* на основе непрерывности воспоминаний о своей жизни от первого лица [Olson 2019]. Например: *Эта бездомная вечная моя тягостность от себя самого, неискоренимая усталость от того,*

¹ См., напр.: *Сай Баба*. Я есть я: всегда пребывайте в осознании «Я есть Я». URL: <http://advaitaworld.com/blog/sai-baba/10490.html> (дата обращения: 01.09.2021).

что я такой несдвигимо есть, что я есть я, что я – это всецело, но и все-го-то навсего только я... (В. Володин. Повесть временных лет (2009)); *Это было необычайно странное, пьяное: я чувствовал себя над всеми, я был я, отдельное, мир, я перестал быть слагаемым, как всегда, и стал единицей* (Е.И. Замятин. Мы (1920)); *Я уже не захочу обманываться; я буду я...* (А.В. Амфитеатров. Отравленная совесть (1882–1893)).

Когда событие разрывает психологическую цельность я (*я в прошлом – я в настоящем*), человек фиксирует внимание на этом событии, сомневаясь в своей «непрерывности» и сохранении «самости». Примеры такого рода мы считаем признаком кризиса идентичности, связанного с представлением о ценности постоянства персональной идентичности. Ситуации, заставляющие адресанта прибегать к фиксации внимания на разрыве самости, обычно драматичны: *Когда в смертный час скрипну зубами – во мне исчезнет вселенная: плевать, будто бы она существует сама по себе, – не желаю верить, не докажешь. Я есть я, единственная материальная точка* (А.Н. Толстой. Рукопись, найденная под кроватью (1923–1924)).

В этих случаях местоимение я обозначает говорящего: *я есть я, я это я* выполняет эту функцию и в прямой речи, и во внутреннем монологе, и в нарративе от первого лица. Нам не встретились примеры, в которых эта тавтология служила бы для ироничного описания другого (присутствующего или отсутствующего в момент речи). Примеры, описывающие опознание говорящего другим лицом, также не лишены драматизма, поскольку для опознаваемого быть неузнанным – событие, ставящее под сомнение его идентичность. Например: *Тогда она вытянула вперед руки, как это делают слепые, прикоснулась ко мне холодными пальцами, стала меня ощупывать: щеки, лоб, шею. Она не верила, что я – это я* (А. Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)); *Баронесса: – Что значит «похожа»? Я есть я! Мюнхгаузен: – Это надо доказать!* (Г. Горин. Тот самый Мюнхгаузен (1986)).

Итак, примеры показывают, что прагматика тавтологии тождества с местоимением я выходит за рамки указания на индивидуальность и «выражения идеи автономности личности» (ср.: [Норман, Плотнокова 2016: 117]).

3. Я не я

3.1. Утрата прежней идентичности

Утрата персональной идентичности переживается говорящим тяжело, реальное или предполагаемое изменение своего я, его переход в новое (воспринимаемое как аномальное) состояние всегда трагично: *Стали сниться сны: как будто я не я, а какой-то старик, которого гонят пинками...* (Е. Съянова. Лей – обольститель немецкого рабочего класса (2005)); *...я не я, а собственный клон... который живет самостоятельной жизнью...* (Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)); *Я не я, а*

труп с квалифицированной сиделкой (А. Битов. *Мое сегодня*, 29 июля 1962 года (1963)).

Случаи такого рода могут сопровождаться указанием на факторы, при отсутствии которых говорящий теряет внутреннее равновесие и предчувствует возможную утрату идентичности. Возможны два основных варианта: упоминание бытового (обычно с иронией) (*И на кофе, без которого я не я!* (Мода на Волкова // «Домовой», 2002.04.04)) и духовного (*...моя работа, даже мое дарование – это все не от меня, все в той стихии, без которой я не я...* (Н.Н. Пунин. *Дневник*. 1923 год (1923))).

Сопутствующие тавтологической конструкции *уже / еще* придают остроту невозможности преодолеть время и вернуться в психофизиологическое состояние внутренней стабильности, к прежней самости (*Еще я писал, что хочу стать самим собой. Я еще не я. Не может быть, чтобы вот это было мной. Хотелось вырваться из календаря* (М. Шишкин. *Письмовник* (2009)); *Мне начинало казаться, что всё – не на месте; и «я» уже не я, а какое-то странное, полуживое «оно»...* (Андрей Белый. *Африканский дневник* (1922)). В следующем примере отказ от персональной идентичности завершается выходом в аграмматизм, в метафору распада личности: *Я нигде не родился. Я вообще не родился. Я не я. Я не не. Не я не. Не, не, не. Я не родился в таком-то году. Не в году. Году в не* (Ю. Олеша. *Книга прощания*. 1930–1959)).

3.2. Тавтологии в формулах обещания или божбы

Это значение характерно для тавтологий с глаголом *быть* в будущем времени *буду*, за которым следует придаточное предложение с союзом *если* (в отдельных случаях *что*) с указанием желаемого. Конструкция с *я* выражает интенцию говорящего сделать что-либо в будущем вне зависимости от обстоятельств и придает категоричность высказыванию, содержащему оценку чужих действий или общей ситуации. *Проверим завтра водосборник – и пора. Я не я буду, если через месяц на баржи всех не погрузим!* (А. Берсенева. *Возраст третьей любви* (2005)); *Я решила, что я не я буду, если его в себя не влюблю. Получилось...Только и сама при этом влюбилась!* (Женщина + мужчина: *Психология любви*: Форум. (2004)); – *Хорошо! Я не я буду, што не пожалуюсь на вас!* (Ф.М. Решетников. *Где лучше?* (1868)).

Употребление данной конструкции с придаточным предложением выглядит как минимум странно по отношению к событиям, которые не могут контролироваться говорящим. Например, речь идет о третьем лице: *Я не я буду, если никто не погиб!* (В. Громов. *Компромат для олигарха* (2000)) – или о коллективном действии: *Я не я буду, если не окажется, что мы вырвались после отчаянной борьбы против охраны...* (С.Д. Мстиславский. *Грач – птица весенняя* (1937)).

В подобных случаях конструкция *я не я* обозначает переход в аномальное (в сравнении с нейтральным повседневным или первоначальным) психологическое состояние гиперболизации своих чувств и возмож-

ностей: – **Я не я буду!** *Клянусь, к двухтысячному наши женщины вообще забудут, что такое честь и достоинство!* (А. Трушкин. 208 избранных страниц (1990–2002)).

К этой же группе относится конструкция *будь я не я*, в которой императив *будь* служит для обозначения контрфактивного условия: **Будь я не я, если я тебя не укараулю, да не выведу на свежую воду...** (А.К. Шеллер-Михайлов. Над обрывом (1883)).

В приведенных примерах имплицитруется следующее:

Я не я буду, если я (не)... = Я уверен в том, что я совершу / не совершу это (произойдет / не произойдет это), настолько, что заявляю: вероятность обратного так же ничтожна, как вероятность того, что я не являюсь собой.

Таким образом выражается не только уверенность в определенном ходе событий (когда в придаточной части другой субъект), но и решимость защищать я до конца (когда в придаточной части субъект тот же). Это показатель высшей степени защиты я вплоть до физического отказа от самого себя, по функции то же самое, что *умру, но сделаю*. Полное исчезновение я – небытие, как высшая степень защиты цельности идентичности.

3.3. Отрицание своего или чужого участия в чем-либо

Эта группа самая многочисленная, что обусловлено существованием паремии с вариативным наполнением второй части и факультативной третьей: *я не я + (и лошадь не моя / и кобыла не моя / и корова не моя / и котомка не моя / и хата не моя) + и я не извозчик*. Нет необходимости исключать фразеологизированные единицы из общего массива примеров, потому что их употребление в материале основано на рефлексии адресанта так же, как и употребление нефразеологизированных единиц. Например: – *И тебя там даже не было совсем!* – *подхватил, смеясь, Марат.* – *Одна клевета на бедного Андрея!* – **Я не я, и кобыла не моя, и я не извозчик...** *Так, что ли, Андрей Васильевич? – язвил под общий смех зоолог* (Г. Адамов. Тайна двух океанов (1939)).

В общем смысле конструкция служит маркером отстранения от некоей ситуации и (или) отказа от ответственности. Референтом я не является говорящий: это пародирование отказа от ответственности. В этих примерах использование паремии – демонстрация превосходства над собеседником: чужая логика иронично имитируется в речевом акте от первого лица (отрицание идентичности похоже в какой-то степени на детскую игру «я в домике»: меня как будто «нет», значит, я ни за что не отвечаю). При лексикализации утрачивается буквальное понимание составляющих конструкции: *я не я* здесь формально указывает на говорящего, но реально обозначает воображаемого или реального адресата. Таким образом может пародироваться чужое поведение: адресату приписывается наивное убеждение в том, что его безответственность (участие / неучастие) не будет замечена: *О нет, оно никогда не вздумает ничего подоб-*

ного, ибо оно твердо держится того приема, который можно назвать приемом «сказываться в нетях». **Я не я, лошадь не моя, я не извозчик.** Мы не «экономисты», «Раб. Мысль» не «экономизм», в России нет вообще «экономизма» (В.И. Ленин. Что делать? (1902)).

Редким является пример использования *я не я* в предсмертном внутреннем монологе: *А раз так, надо или полностью отказываться от него, петухом вскочив на забор: я не я и вина не моя, или идти вместе с ним до конца хоть на плаху* (В. Распутин. Живи и помни (1974)).

В паремии заключен парадокс «идентичности без ответственности»: говоря «я», человек заявляет об идентичности (это претензия на захват чужого я), но сразу отказывается от нее [Shoemaker, 2012]. Здесь применимо понятие «совладающий смех» [Warner-Gracia 2014]: говорящий проникает в чужое я и таким образом показывает, что другой разоблачен, его истинное лицо раскрыто. Паремия может быть и средством самообороны, способом охранять «я-сферу» от чужих оценок: *А впрочем, ежели и затеет процесс, так ведь у меня и на этот случай «sagesse des nations» в запасе есть. Скажу: я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик – поди, уличай! Кто больше выпил? кто больше съел?* (М.Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом (1880–1881)).

Итак, конструкция *я не я* обладает следующим свойством: в тех случаях, когда *я* обозначает не говорящего, а третье или второе лицо, основная функция конструкции – нападение на я адресата. В тех случаях, когда *я* – сам говорящий, она отражает драматичные переживания относительно самости.

4. Заключение

Тавтологические конструкции с *я* – языковое средство двойного назначения: это а) показатель фиксации внимания говорящего на собственной идентичности и б) показатель предъявления этой идентичности адресату. В ситуациях идентификации (опознания) иллокуция воспринимается однозначно и не может быть оценена по шкале «плохо – хорошо». Когда же мы имеем дело с обозначением «самости», смысл тавтологии скрыт от адресата и не верифицируем. Эта «закрытость» не предполагает альтернативной позиции адресата: заявление *я есть я* нельзя ни опровергнуть, ни поддержать, высказывание *я это я* можно опровергнуть лишь в рамках юридической процедуры идентификации личности. Функции отрицательной тавтологии *я не я* более разнообразны.

Сходство местоименной тавтологической конструкции с *я* и аналогов, в которых *X* – имя существительное, имеет формальный характер (наличие связок, возможность использования *быть* в разных временах, наличие отрицательных тавтологических пар). В отличие от стереотипизированной условной ясности именных тавтологий, тавтологии с *я* не проясняют сущности повторяемого элемента. С одной стороны, они де-

монстрируют тождество субъекта с самим собой (как тавтологии тождества), с другой – подчеркивают границу между *я* и *другим* в тех случаях, когда референтом *я* является говорящий.

Существенным является, на наш взгляд, уровень драматизма ситуаций, в которых возможны тавтологии *я есть я* или *я это я*. Этот драматизм обусловлен психологическими причинами: *я* связано с текучестью во времени и постоянством переживания персональной идентичности. Это сообщает тавтологии высокий уровень закрытости от адресата. Благодаря проговариванию очевидного говорящий обретает власть над реальностью, вынуждающей его заявить о своем *я* [Маркасова 2019].

Именные тавтологии могут быть контактоустанавливающими и нормализующими процесс общения, но тавтологии с личным местоимением имеют такую функцию лишь в ситуации отождествления (опознавания) личности. В прочих случаях это сигнал о нарушении границ приватности собеседником.

Исследователи считают, что тавтологические конструкции основаны на импликациях, которые предполагают противопоставление видового и родового [Wierzbicka 1987] (ср.: [Апресян 1995: 166]). Однако применить эти выводы к конструкциям, в которых *X* – личное местоимение *я*, невозможно: во-первых, у местоимения нет лексического значения, а во-вторых, трудно распознать, какие собственные типичные свойства имеет в виду говорящий, какую сторону своей идентичности он хочет продемонстрировать в момент произнесения тавтологии, известно только ему. При интерпретации тавтологий важно понятие стереотипа восприятия объекта или ситуации, но для примеров с местоимением *я* такой подход сомнителен.

С точки зрения Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, *X есть X* служит для выражения положительного или отрицательного отношения и идеи равноценности членов внутри категории [Булыгина, Шмелев 1997]. Однако наш материал не позволяет считать, что это работает для *X*, выраженного личным местоимением. Отрицательная коннотация по отношению к *я* в нашем материале не встречается.

Способность выступать как заменитель другого лица прежде отрицалась для местоимения *я* [Шмелев 1961: 41; Бондарко 1991: 6], однако в условиях признания в человеке множества идентичностей мы не можем не учитывать множества референтов *я* в целом ряде текстов.

Тавтологии тождества с местоимением *я* отражают обращение человека к своей самости на фоне сложных процессов в психологии индивидуума, а частеречная специфика местоимения более существенна для интерпретации конструкции, чем функции конструкции как таковой.

Список литературы

Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова // Апресян Ю.Д. Избр. тр.: в 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 156–178.

- Бенвенист Э.* Общая лингвистика / пер. с фр. Ю.Н. Караулова. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
- Бондарко 1991* – Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1991. 369 с.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики): моногр. М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
- Вилинбахова Е.Л.* Сопоставительные тавтологии в русском языке // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 61–74. DOI: 10.31857/s0373658x0000981-8.
- Вилинбахова Е.Л., Коптев М.В.* «X есть X» значит «X это X»? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 110–124. DOI: 10.31857/s0373658x0001003-2.
- Кон И. С.* Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.
- Ли К.* Оптика непрямого коммуникации: Я/Ты + по-твоему/по-моему // Социо- и психолингвистические исследования. 2019. № 7. С. 20–27.
- Маркасова Е.В.* Настоящее время и речевое доминирование // *Urban Voices: Studies in the Sociolinguistics, Grammar and Pragmatics of Spoken Russian* / eds. N. Thielemann, N. Richter. Frankfurt: Peter Lang, 2019. P. 121–143.
- Мольц М.* Я – это Я, или как стать счастливым / пер. с англ. Г.П. Бляблина. СПб.: Лениздат, 1992. 191 с.
- Норман Б.Ю.* Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2017. 463 с.
- Норман Б., Плотникова А.* Семантика конструкций со значением социальной самоидентификации и самопрезентации в русском языке // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4, № 4. С. 107–120. DOI: 10.15826/qr.2016.4.194.
- Павленко В.Н., Корж Н.Н.* Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 1. С. 75–89.
- Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 609 с.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985. 271 с.
- Парфум Д.* Тожество личности / пер. с англ. Р.Л. Кочнева // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 94–105. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-94-107.
- Сапронов П.А.* «Я»: онтология личного местоимения. СПб.: Церковь и культура, 2008. 325 с.
- Туровцев Т.А.* «Я есть я» как догматическое суждение // *Начало*. 2018. Вып. 35. С. 4–28.
- Шмелев Д.Н.* Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке // Вопросы культуры речи. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Вып. 3. С. 38–59.
- Bulhof J., Gimbel S.* Deep Tautologies // *Pragmatics & Cognition*. 2001. Vol. 9, iss. 2. P. 279–291. DOI: 10.1075/pc.9.2.06bul.
- Dolcini N.* The Phantasmatic “I”. On Imagination-based Uses of the First-person Pronoun across Fiction and Non-fiction // *Rivista internazionale di filosofia e psicologia*. 2016. Vol. 7, № 3. P. 321–337. DOI: 10.4453/rifp.2016.0034.
- Erikson E.* *Identity: Youth and Crisis*. New York, 1968. 336 p.

- Glock H., Hacker P. Reference and the first-person pronoun // *Language and Communication*. 1996. Vol. 16, iss. 2. P. 95–105. DOI: 10.1016/0271-5309(96)00001-8.
- Janda L., Kopotev M., Nessel T. Constructions, their families and their neighborhoods: the case of дурак дураком ‘a fool times two’ // *Russian Linguistics*. 2020. Vol. 44, iss. 2. P. 109–127. DOI: 10.1007/s11185-020-09225-y.
- Markasova E., He H. Конструкция Я/ты + ж (же) + имя существительное как средство манипулирования // *Scando-Slavica*. 2020. Vol. 66, iss. 1. P. 97–117. DOI: 10.1080/00806765.2020.1741027.
- Olson E.T. Personal Identity // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. N. Zalta. Fall 2019 Edition. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/identity-personal> (дата обращения: 09.07.2020).
- Olson E.T., Witt K. Narrative and Persistence // *Canadian Journal of Philosophy*. 2019. Vol. 49, iss. 3. P. 419–434. DOI: 10.1080/00455091.2018.1486674.
- Sakai T. Contextualizing tautologies: from radical pragmatics to meaning eliminativism // *English Linguistics*. 2012. Vol. 29, iss. 1. P. 38–68.
- Schechtman M. *The Constitution of Selves*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1996. 192 p.
- Shoemaker D. Responsibility Without Identity // *The Harvard Review of Philosophy*. 2012. Vol. 18, iss. 1. P. 109–132. DOI: 10.5840/harvardreview20121816.
- Shoemaker S. *Self-Knowledge and Self-Identity*. Ithaca: Cornell University Press, 1963. 276 p.
- Ward G.L., Hirschberg J.A. Pragmatic Analysis of Tautological Utterances // *Journal of Pragmatics*. 1991. Vol. 15. P. 507–520.
- Warner-Gracia S. Laughing when nothing funny: the pragmatic use of coping laughter in the negotiation of conversational disagreement // *Pragmatics*. 2014. Vol. 24/1. P. 157–180. DOI: 10.1075/prag.24.1.07war.
- Wierzbicka A. Boys will be boys: “Radical semantics” vs. “radical pragmatics” // *Language*. 1987. Vol. 63. P. 95–114.

References

- Apresyan, Yu.D. (1995), Konnotatsii kak chast' pragmatiki slova [Connotations as part of the pragmatics of the word]. Apresyan, Yu.D. *Selected works*, in 2 volumes, Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., Vol. 2. Integral description of the language and systemic lexicography, pp. 156-178. (in Russian).
- Benveniste, É. (1974), *General Linguistics*, Moscow, Progress publ., 446 p. (in Russian).
- Bondarko, A.V. (ed.) (1991), *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [Theory of Functional Grammar: Personality. Mood], St. Petersburg, Nauka publ., 369 p. (in Russian).
- Bulhof, J., Gimbel, S. (2001), Deep Tautologies. *Pragmatics & Cognition*, Vol. 9, iss. 2, pp. 279-291. DOI: 10.1075/pc.9.2.06bul.
- Bulygina, T.V., Shmelev, A.D. (1997), *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Language conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 576 p. (in Russian).
- Dolcini, N. (2016), The Phantasmatic “I”. On Imagination-based Uses of the First-person Pronoun across Fiction and Non-fiction. *Rivista internazionale di filosofia e psicologia*, Vol. 7, no. 3, pp. 321-337. DOI: 10.4453/rifp.2016.0034.

- Erikson, E. (1968), *Identity: Youth and Crisis*, New York, 336 p.
- Glock, H., Hacker, P. (1996), Reference and the first-person pronoun. *Language and Communication*, Vol. 16, iss. 2, pp. 95-105. DOI: 10.1016/0271-5309(96)00001-8.
- Janda, L., Kopotev, M., Nessel, T. (2020), Constructions, their families and their neighborhoods: the case of дурак дураком ‘stupid as they come. *Russian Linguistics*, Vol. 44, iss. 2, pp. 109-127. DOI: 10.1007/s11185-020-09225-y.
- Kon, I.S. (1978), *Otkrytie “Ya”* [The discovery of “I”], Moscow, Politizdat publ., 367 p. (in Russian).
- Li, Kunyi (2019), Optics of indirect communication: *ya* (I) + *po-tvoemu* (in your opinion) and *ty* (you) + *po-moemu* (in my opinion). *Socio- and psycholinguistic studies*, No. 7, pp. 20-27. (in Russian).
- Markasova, E. (2019), A Grammar of Verbal Domination: The Present Tense), Thielemann, N., Richter, N. (eds.) *Urban Voices: Studies in the Sociolinguistics, Grammar and Pragmatics of Spoken Russian*, Potsdam Linguistic Investigations, Vol. 25, Frankfurt, Peter Lang publ., pp. 121-143. (in Russian).
- Markasova, E., He, Huize (2020), Konstruktsiya *ya/ty* + *zh* (zhe) + *imya* sushchestvitel'noe kak sredstvo manipulirovaniya [Construction I/you” + zh (zhe) + noun as a tool of manipulation]. *Scando-Slavica*, Vol. 66, iss. 1, pp. 97-117. DOI: 10.1080/00806765.2020.1741027. (in Russian).
- Maltz, M. (1992), *Ya – eto Ya, ili Kak stat' shchastlivym* [I am who I am, or How to become happy], St. Petersburg, Lenizdat publ., 191 p. (in Russian).
- Norman, B., Plotnikova, A. (2016), Semantics of Social Self-Identification and Self-Presentation in Russian Language Structures. *Quaestio Rossica*, Vol. 4, no. 4, pp. 107-120. DOI: 10.15826/qr.2016.4.194. (in Russian).
- Norman, B.Yu. (2017), *Pragmaticheskii potentsial russkoi leksiki i grammatiki* [The pragmatic potential of Russian vocabulary and grammar], Yekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi publ., 463 p. (in Russian).
- Olson, E.T. (2019), Personal Identity. Zalta, N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Fall 2019 Edition, available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/identity-personal> (accessed: June 2, 2019).
- Olson, E.T., Witt, K. (2019), Narrative and Persistence. *Canadian Journal of Philosophy*, Vol. 49, iss. 3, pp. 419-434. DOI: 10.1080/00455091.2018.1486674.
- Paducheva, E.V. (1985), *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii* [Utterance and its correlation with reality: Referential aspects of the semantics of pronouns], Moscow, Nauka publ., 271 p. (in Russian).
- Paducheva, E.V. (2004), *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary], Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury publ., 609 p. (in Russian).
- Parfit, D. (2019), Personal Identity. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, Vol. 4, no. 2, pp. 94-105. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-94-107. (in Russian).
- Pavlenko, V.N., Korzh, N.N. (1998), Transformatsiya sotsial'noi identichnosti v posttotalitarnom obshchestve [Transformation of social identity in a post-totalitarian society]. *Journal of Psychology*, Vol. 19, no. 1, pp. 75-89. (in Russian).
- Sakai, T. (2012), Contextualizing tautologies: from radical pragmatics to meaning eliminativism. *English Linguistics*, Vol. 29, iss. I, pp. 38-68.

- Sapronov, P.A. (2008), “Ya”: *ontologiya lichnogo mestoimeniya* [“I”: the ontology of the personal pronoun], St. Petersburg, Tserkov' i kul'tura publ., 325 p. (in Russian).
- Schechtman, M. (1996), *The Constitution of Selves*, Ithaca, New York, Cornell University Press, 192 p.
- Shmelev, D.N. (1961), Stilisticheskoe upotreblenie form litsa v sovremennom russkomazykye [Stylistic use of the person in the modern Russian language]. *Voprosy kul'tury rechi* [Questions of speech culture], Iss. 3, Moscow, Academy of Sciences of the USSR publ., pp. 38-59. (in Russian).
- Shoemaker, D. (2012), Responsibility Without Identity. *The Harvard Review of Philosophy*, Vol. 18, iss. 1, pp. 109-132. DOI: 10.5840/harvardreview20121816.
- Shoemaker, S. (1963), *Self-Knowledge and Self-Identity*, Ithaca, Cornell University Press, 276 p.
- Turovtsev, T.A. (2018), Ya est' ya kak dogmaticheskoe suzhenie [I am who I am as a dogmatic sentence]. *Nachalo*, Iss. 35, pp. 4-28. (in Russian).
- Vilinbakhova, E.L. (2016), Coordinated tautologies in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, No. 2, pp. 61-74. (in Russian). DOI: 10.31857/s0373658x0000981-8.
- Vilinbakhova, E., Kopotev, M.B. (2017), Does “X est' X” mean “X eto X”? Looking for an answer in synchrony and diachrony. *Voprosy Jazykoznanija*, No. 3, pp. 110-124. DOI: 10.31857/s0373658x0001003-2. (in Russian).
- Ward, G.L., Hirschberg, J. (1991), A Pragmatic Analysis of Tautological Utterances. *Journal of Pragmatics*, Vol. 15, pp. 507-520.
- Warner-Gracia, S. (2014), Laughing when nothing funny: the pragmatic use of coping laughter in the negotiation of conversational disagreement. *Pragmatics*, Vol. 24/1, pp. 157-180. DOI: 10.1075/prag.24.1.07war.
- Wierzbicka, A. (1987), Boys will be boys: “Radical semantics” vs. “radical pragmatics”. *Language*, Vol. 63, pp. 95-114.

I AM WHO I AM: COMMUNICATION AND IDENTITY

Liu Gaochen¹, E.V. Markasova²

¹ Peking University (Beijing, China)

² Beijing Foreign Studies University (Beijing, China)

Abstract: The first-person pronoun is the organizing center of the communicative process. The article is devoted to the analysis of tautologies with the pronoun “I”, since it is tautologies that help to see the specifics of the speaker's self-presentation and self-reference. Based on the analysis, one can see how personal identity is reflected in a communicative act. The tautological constructions *X est' X* [*X is X*] and *X eto X* [*X means X*] are a type of equative tautology (such as “work is (means) work”). If *X* is a first-person pronoun, the mentioned constructions usually express the following: reaction to identification (selection from the set, identification); self-identification through contrasting oneself with someone else's assessment, others or society in General; recognition of one's own qualities that give the right to certain actions. The construction *X ne X* [*X is not X*] can express: denying one's participation in an action or refusing responsibility; determination in the formulas of promise or deity; the idea of losing one's former identity, including a real or perceived change in one's self and its transition to a different state. The conclusions

obtained by researchers on the material of these constructions with a different (non-pronominal) partial filling cannot be applied to tautologies with a personal pronoun. So, a pragmatically overloaded *X* which is expressed by the first-person singular pronoun is hardly included in the grid of relations “concrete-abstract, positive-negative, private-general, generic-specific”. The study of equative tautologies with “I” should be associated with the historical aspect of identity research.

Key words: pronouns, identity, self-identity, communication, tautologies, pragmatics, identity tautology.

For citation:

Liu, Gaochen, Markasova, E.V. (2021), I am who I am: communication and identity. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 701-716. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).701-716. (in Russian).

About the authors:

¹ **Liu Gaochen**, Master’ degree student

ORCID: 0000-0002-2983-7563

² **Markasova, Elena Valerievna**, Prof., Associate Professor of Russian Language Institute

ORCID: 0000-0002-9231-1476

Corresponding authors:

¹ Postal address: 5, Yiheyuan Road, Haidian District, Beijing, 10087, China

² Postal address: 19, Xisanhuanbeilu, Haidian District, Beijing, 10087, China

¹ E-mail: 405ddbbs@pku.edu.cn

² E-mail: markasovaelena@yandex.ru

Acknowledgements:

The article was discussed during the 15th meeting of the Slavic Linguistic Society (Bloomington, September 4-6, 2020), where a report prepared within the framework of the Russian Science Foundation project No. 19-78-10048 was presented.

The authors thank E.L. Vilinbakhov and M.V. Kopotev for their advice.

Received: July 31, 2021

Revised: August 12, 2021

Accepted: November 8, 2021

Раздел III

**СОВРЕМЕННЫЕ
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ**

Part III

MODERN DISCOURSE PRACTICES

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПИСЬМЕННОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ И АДРЕСАТОЦЕНТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОММУНИКАЦИИ

А.С. Абрамова

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Аннотация: Рассматривается механизм актуального членения письменного диалогического высказывания в рамках адресатоцентрической модели коммуникации. На сегодняшний день актуальное членение диалогического высказывания рассматривается в рамках адресантоцентрической модели. Однако данная теория, на наш взгляд, не применима к письменной коммуникации, так как при таких условиях одно высказывание должно порождать абсолютно одинаковые ответные реплики. Однако эмпирический материал опровергает данное положение. В статье анализируются диалогические высказывания интернет-коммуникации с позиции их генезиса. Анализ эмпирического материала показал, что в письменной коммуникации адресат задает актуальное членение диалогического высказывания, которое связано с элементаристской и холистической интерпретационными стратегиями. Механизм актуального членения в письменной коммуникации связан с выделением тактик, актуализирующих различные номинемы исходного высказывания. Номинема – это единица описания актуального членения диалогического высказывания. Выделяются пять тактик, актуализирующих разные номинемы в рамках элементаристской стратегии интерпретации, и одна тактика в рамках холистической стратегии интерпретации. Делается вывод о том, что именно адресат производит актуальное членение письменного диалогического высказывания и строит ответную реплику, исходя из собственной интерпретации высказывания.

Ключевые слова: диалогическое высказывание, письменная коммуникация, актуальное членение, номинема, тактика, холистическая стратегия, элементаристская стратегия.

Для цитирования:

Абрамова А.С. Актуальное членение письменного диалогического высказывания и адресатоцентрическая модель коммуникации // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 719–733. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).719-733.

Сведения об авторе:

Абрамова Анастасия Сергеевна, аспирант кафедры общего и русского языкознания

Контактная информация:

Почтовый адрес: 656031, Россия, Барнаул, ул. Молодежная, 55

E-mail: Anfilg@yandex.ru

Дата поступления статьи: 10.04.2021

Дата рецензирования: 21.04.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

Постановка проблемы

В лингвистике теория актуального членения возникла в 1920–1930-е гг. Предпосылки изучения данного явления принадлежат Ф.Ф. Фортунатову, А. Вейлю, Ш. Балли и др. [Фортунатов 1957; Вейль 1869; Балли 2001]. В работах данных исследователей теория актуального членения рассматривается на материале устных высказываний, так как в основу актуального членения они кладут интонацию, порядок слов, логическое ударение и т. д. Например, полагается, что преимущественно в предложениях в роли темы выступает подлежащее, оно, как правило, стоит в начале предложения, ремой же является та часть предложения, которая идет после подлежащего, так как она несет информацию о подлежащем.

Первоначально актуальное членение высказывания связывалось с противопоставлением его формального и психологического уровней. Так, Л.В. Щерба в теории актуального членения выделил «психологическое сказуемое». Он считал, что «психологическое сказуемое» можно выделить с помощью логического ударения. Порядок слов в теории данного ученого связывался с синтагматической структурой: ритмическая единица должна содержать смысловую ценность [Щерба 2004].

А.А. Пешковский предпочел выйти за рамки грамматики. Он считал главной единицей актуального членения интонацию. Ученый не связывал порядок слов с синтаксической структурой предложения: «Прямого соответствия между предложением и психологическим суждением и между членами того или другого в языке нет, но в нем замечаются две противоположные тенденции: одна – провести это соответствие, другая – нарушить, запутать, видоизменить его» [Пешковский 2001: 31].

Наиболее полно и последовательно проблема актуального членения высказывания обоснована в работах пражских структуралистов. «Основные элементы актуального членения предложения – это исходная точка (основа) высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или, по крайней мере, может быть легко понято и то, из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания» [Матезиус 1967: 239]. Теория пражских структуралистов была спроецирована и на русское диалогическое высказывание. Так, К.Г. Крушельницкая отмечает: «Предметом сообще-

ния, его исходным пунктом является обычно нечто известное для слушающего – "данное"; об этом известном сообщается нечто неизвестное – "новое". В сочетании известного и неизвестного и заключается самая основа коммуникации, которая наиболее отчетливо... выступает в таких функционально-стилевых видах речи, как разговор, деловая проза» [Крушельницкая 1956: 58].

Продолжая теорию пражских структуралистов, современные исследователи проблемы актуального членения диалогического высказывания решают ее с позиций адресантоцентрической модели коммуникации. Так, полагается, что именно адресант задает коммуникативную перспективу высказывания и намекает на нее адресату, используя разные вербальные и невербальные средства (порядок слов, интонация, жест и пр.). Это связано с тем, что в поле зрения лингвистов преимущественно оказывалась устная речь. Приведем несколько работ современных лингвистов, в которых проблема актуального членения диалогического высказывания решается с позиций адресантоцентрической модели коммуникации. А.Ф. Саттарова утверждает, что, строя высказывание, адресант должен учитывать наличие в высказывании двух компонентов: фона (темы) и фигуры (ремы): «Тема активизирует ассоциативный доступ к необходимому агенту или конфигурации агентов в составе текста, если таковой существует. В противном случае тема создает соответствующего агента. Рема указывает, в какие категориальные отношения этот агент следует включить. Взятые вместе, тема и рема управляют фокусом внимания (поскольку внимание есть процесс интеграции деталей)» [Саттарова 2014: 145]. Ю.Г. Завьялова рассматривает актуальное членение диалогического высказывания с позиции адресанта. По мнению исследователя, адресант задает в высказывании два плана: семантико-синтаксический и коммуникативный. При таком подходе ясно, что адресант при построении высказывания обращает внимание на порядок слов, на структуру высказывания. При этом исследователь выделяет фразовую номинацию, как единицу высказывания, которая способствует актуальному членению высказывания [Завьялова 2006].

Однако данная – адресантоцентричная – теория, по нашему мнению, не применима к письменной коммуникации, так как при таких условиях одно высказывание должно порождать абсолютно одинаковые ответные реплики. Эмпирический материал подтверждает наше мнение¹. Как правило, письменное диалогическое высказывание порождает множество разных в семантическом и структурном плане ответных реплик. Изложенные выше противоречия дают основание для гипотезы, согласно которой актуальное членение в письменной коммуникации осуществляется за счет активной роли адресата. Интерпретационная деятельность ад-

¹ См.: URL: <https://www.instagram.com/p/BkYDTvDgD86/?taken-by=barnaul22.official>.

ресата, с одной стороны, не имеет маркеров, с другой стороны, она вырабатывает их за счет смайлов, текстовых выделений и т. д. Следовательно, если актуальное членение устного диалогического высказывания описывается в рамках адресантоцентрической модели, то, учитывая специфику письменного диалогического высказывания, актуальное членение письменного диалогического высказывания целесообразно рассматривать в рамках адресатоцентрической модели коммуникации.

Таким образом, возникает необходимость исследования специфики актуального членения диалогического высказывания в письменной коммуникации.

Цель, материал и методология исследования

Цель статьи – выявить и описать механизм (стратегии и тактики) актуального членения диалогического высказывания в процессе письменной коммуникации. Опираясь на положение, согласно которому диалог представлен определенной системой распределения информации на основе, по крайней мере, двух высказываний – инициации и реакции, мы полагаем, что это с неизбежностью накладывает свой отпечаток на характер актуального членения диалогического высказывания как продукта речевой деятельности двух собеседников: адресанта – автора высказывания, адресата – интерпретатора высказывания и автора ответной реплики.

Проблема соотношения автора, адресата и высказывания ставится в работе Н.Д. Голева и Л.Г. Ким. Исследователи утверждают, что «"адресантоцентричность" и интерпретационизм как общие принципы современных научных концепций, безусловно, находятся в отношениях взаимодетерминированности». А потому высказывание рассматривается как единица, функционирующая в «пространстве адресата» [Ким, Голев 2008]. Наиболее полное отражение адресантоцентричная модель коммуникации находит в докторской диссертации Л.Г. Ким [Ким 2010], в которой обосновывается креативная роль адресата в порождении высказывания, которое предстает как результат его интерпретационной деятельности.

Решение проблемы актуального членения письменного диалогического высказывания предполагает решение вопроса об единице описания данного процесса. В решении этого вопроса мы исходим из следующих посылок.

Высказывание является многокомпонентной структурой, которая соотносится с его синтаксической организацией. В связи с этим лингвист М.Я. Блох, определяя текст как тематически организованную речь, утверждает, что «непосредственной единицей языка, взятой в структурном выражении и служащей элементарной тематической единицей текста-дискурса, является диктема, в которой реализуются четыре знаковых функции: номинация, предикация, тематизация и стилизация». Эти четыре зна-

ковых функции диктемы могут быть объединены в едином понятии «дискурсивация диктемы» [Блох 2013]. По мнению ученого, данная единица, реализуя эти функции, приобретает дискурсивацию, которая отображает ее (единицы) текстообразовательное действие в динамике создания текста-дискурса говорящим-пишущим. Диктема реализуется в адресантоцентрической модели коммуникации, так как используется адресантом, который задает процесс актуального членения высказывания.

Традиционные термины «тема» и «рема» в адресантоцентрической модели коммуникации подвижны. Из этого следует, что тема теряет свою значимость, а рема выполняет главенствующую роль. При построении ответного высказывания адресат производит членение исходного высказывания, выделяя в нем тему и ремю. В связи с этим нами предложена единица описания актуального членения письменного диалогического высказывания – номинема. Функция данной единицы заключается в том, что она (единица) позволяет связать коммуникативный и языковой уровни высказывания. Она является формально-коммуникативным эквивалентом ремы и наделена семантическим значением. Выделение номинемы как единицы описания актуального членения письменного диалогического высказывания связано с работами А.А. Бурова, который отмечает: «Подход к номинации с позиций динамического синтаксиса позволяет рассматривать синтаксическую номинацию как производные языковой конверсии номинационно-синтаксического типа». Иными словами, автор считает синтаксическую номинацию «областью реноминированных номинационных знаков, представляемых синтаксическими структурами» [Буров 2012]. Ученый разграничивает в номинации две ее стороны – номинацию языка (код) и номинацию речи (текст), синтаксическую номинацию автор рассматривает как способ соединения языка и речи, кода и текста, системы и прагматики, значения и употребления, плана содержания и плана выражения.

Механизм актуального членения письменного диалогического высказывания соотносится с функциональной позицией адресата – отвечающий, который осуществляет прагматическую выводимость означаемого из означающего [Шпильная 2018]. Н.Н. Шпильная выделяет следующие модусы, участвующие в генезисе ответной реплики в диалоге: модус согласия / модус несогласия / нейтральный модус. Данные модусные значения, как показывает эмпирический материал, объективируются при актуальном членении диалогического высказывания.

Материалом для анализа послужила интернет-коммуникация, которая состояла из 215 диалогических высказываний. Мы считаем, что интернет-коммуникация реализуется в форме письменной речи. Так, высказывания, из которых состоит анализируемая нами интернет-коммуникация, являются единицами естественной письменной речи (ЕПР) [Лебедева 2001].

Заметим, что под исходным высказыванием мы понимаем не первичное высказывание (с которого началось общение), а то высказывание, на базе которого построена ответная реплика. С помощью анализа комментария (позиции адресата) мы можем выявить механизм членимости исходного высказывания (тактику актуального членения диалогического высказывания).

Стратегии и тактики актуального членения диалогического высказывания в письменной коммуникации

Членение высказывания может производиться холистической или элементаристской интерпретационными стратегиями [Голев, Ким 2009]. Холистическая стратегия предполагает цельное восприятие исходного текста. Элементаристская стратегия – фрагментарное восприятие исходного текста.

В соответствии со сказанным адресат, создавая ответное высказывание, оценивает как общий его смысл, так и только часть (рему), которая побуждает его на создание ответной реплики. Причем рема одинакова не во всех случаях.

При использовании холистической стратегии языковая личность воспринимает и интерпретирует исходное высказывание как целостную единицу. При использовании элементаристской стратегии адресат воспринимает исходное высказывание как коммуникативно членимую единицу, осуществляет его семантизацию посредством актуализации коммуникативно значимых, или актуальных в аспекте формирования замысла будущего высказывания, словоформ.

В ранее опубликованной работе [Шпильная, Кузнецова 2020] мы выявили, что актуальное членение диалогического высказывания определяется свойством коммуникативной членимости самого высказывания, его способностью члениться на отдельные семантически полноценные лексические единицы (словоформы). Механизм членимости проявляется в тактиках, с помощью которых реализуется элементаристская стратегия интерпретации высказывания.

На основе вышесказанного становится возможным представить типологию стратегий и тактик актуального членения письменного диалогического высказывания.

Поскольку прагматические (дотекстовые) модусные значения априори присущи носителю языка, мы при интерпретации результатов анализа основной акцент делаем на анализе ядра диалогического высказывания, соотносимого с той или иной номинемой, задающей механизм актуального членения диалогического высказывания.

Как показывает анализ, элементаристская стратегия актуального членения высказывания реализуется пятью тактиками, а холистическая стратегия – одной.

Выделение тактик осуществляется нами путем анализа ответного высказывания: определением ядра диалогического высказывания, которое провоцирует (порождает) ответную реплику. Это ядро определяется посредством построения ответной реплики. Ядром является тот компонент высказывания, который провоцирует адресата на ответную реплику (рема исходного текста), т. е. определяет механизм актуального членения письменного диалогического высказывания.

Элементаристская стратегия актуального членения письменного диалогического высказывания. Элементаристская стратегия предполагает фрагментарное восприятие исходного высказывания, которое проявляется в том, что ответная реплика строится на основе не всего высказывания в целом, а отдельного его фрагмента.

Данная стратегия реализуется следующими тактиками.

Первая тактика. При реализации этой тактики ядром диалогического высказывания является предикативная номинема. Членение высказывания производится согласно элементаристской стратегии, так как ответная реплика строится на основе не всего высказывания, а отдельного его элемента. При этом предикат определяет модусный компонент согласия / несогласия и нейтральный модусный компонент, который демонстрирует ход и результат развертывания ответного высказывания. Например, исходное высказывание: **albessonova@taska2909:** *Мне ни разу не приходило ни одно оповещение от мчс¹.* Ответные высказывания:

– несогласие: **marinabauer1688:** *Было оповещение мегафон выслал смс.*

– согласие: **tigra725:** *Оповещений не было, но по погоде можно было предположить, не за пять минут все случилось!*

– нейтральный модусный компонент: **lesja230:** *20 лет назад вообще не было сотовой связи. Не надо полагаться на смс и оповещения. Было видно невооруженным глазом, что надвигается. Семье погибшего мои соболезнования. Берегите друг друга. Всем добра.*

В данных примерах адресат строит свое высказывание, опираясь на ремю – предикат в основном сообщении. Например, «Мне ни разу **не приходило** ни одно оповещение от мчс. – Было оповещение мегафон выслал смс» (предикат – не приходило). При этом в ответных высказываниях наблюдается модусный компонент несогласия / согласия и нейтральный модусный компонент, посредством которого реципиент обосновывает свою точку зрения (развертывает высказывание), что способствует актуализации коммуникативной перспективы высказывания адресата.

Вторая тактика обнаруживается в создании ответного высказывания, рематическим компонентом которого является атрибутивная номинема. Членение высказывания производится согласно элементаристской стратегии, так как тема-рематическое членение диалогического вы-

¹ Здесь и далее сохранены оригинальные орфография и пунктуация.

сказывания определяет не высказывание в целом, а один его компонент. Данная рема провоцирует нейтральный модусный компонент, посредством которого осуществляется развертывание высказывания адресата. Например, исходное высказывание: **Админ:** *Крановщик погиб во время падения башенного крана в центре Барнаула во время урагана.*

Ответное высказывание: **Соня879344:** *На башенном кране имеется множество датчиков безопасности. По идее датчики должны были сработать при усилении ветра.*

Своим высказыванием адресат выделяет рему «башенный», что является определением в структуре основного высказывания (высказывания адресанта). При этом адресат определяет нейтральный модусный компонент и развертывает свое высказывание относительно данной ремы, что способствует актуализации коммуникативной перспективы высказывания адресата.

При использовании **третьей тактики** рематический компонент ответного высказывания соотнесен с актантная номинемой с субъектным значением. Членение высказывания производится согласно элементаристской стратегии, так как тема-рематическое членение диалогического высказывания определяет не высказывание в целом, а один его компонент. При этом модусный компонент выражается нейтральным модусным значением. Например, нейтральное модусное значение:

Админ: *Крановщик погиб во время падения башенного крана в центре Барнаула во время урагана.*

Евгений8757: *в обязанности крановщика в случае сильного ветра входит повышение устойчивости крана. То есть груз оставить вообще не вариант.*

В данных высказываниях ремой будет являться подлежащее, обозначающее такой коммуникативный элемент, как субъект действия. При этом адресат использует нейтральное модусное значение, с помощью которого раскрывает суть (развертывание) как своего высказывания, так и исходного сообщения.

Четвертая тактика обнаруживается в создании ответного высказывания, рематическим компонентом которого является актантная номинема с объектным значением. Членение высказывания производится согласно элементаристской стратегии, так как тема-рематическое членение диалогического высказывания определяет не высказывание в целом, а один его компонент. Данная рема провоцирует модусный компонент согласия / несогласия или нейтральный модусный компонент, посредством которого осуществляется развертывание высказывания адресата. Например, исходное высказывание: **Админ:** *Крановщик погиб во время падения башенного крана в центре Барнаула во время урагана.* Ответные высказывания:

– нейтральный модусный компонент: **Катя9989:** *Кран 30 метров был, быстро слезть не вышло бы.*

– согласие: **Тигр7659**: *Да, это был кран. Я там был недалеко, видел эту страшную картину;*

– несогласие: **Олечка754**: *Это был не кран! Подруга сказала, что это дерево упало, вроде елка...*

В данных высказываниях ремой будет являться такая синтаксическая единица, как дополнение. При этом адресат использует нейтральную диалогическую модальность и модус согласия / несогласия, с помощью которых раскрывает суть (развертывание) как своего высказывания, так и исходного сообщения.

Пятая тактика обнаруживается в создании ответного высказывания, рематическим компонентом которого является сирконстантивная номинема. Членение высказывания производится согласно элементаристской стратегии, так как тема-рематическое членение диалогического высказывания определяет не высказывание в целом, а один его компонент. Данная рема провоцирует актуализацию модусного компонента согласия / несогласия или нейтрального модусного компонента, посредством которого осуществляется развертывание высказывания адресата. Например, исходное высказывание: **Админ**: *Крановщик погиб во время падения башенного крана в центре Барнаула во время урагана.* Ответные высказывания:

– нейтральный модусный компонент: **epifantsev_gsi**: *В такое время..запредельное от рабочего..ужас..соболезнования семье погибшего.. 😞*

– несогласие: **gnev_96**: *В итоге получится, что тот находился в нерабочее время, да и вообще не должен был работать сегодня, вышел кого-то подменить и т.д. ... как это бывает в нашей стране, когда ищут виновных.*

– согласие: **smirnovaklevko**: *Сейчас такое время, что и в такое время люди вынуждены ботрачить, как на передовой!((((*

В данных высказываниях адресат использует нейтральное модусное значение и модус согласия / несогласия, с помощью которых раскрывает суть (развертывание) как своего высказывания, так и исходного сообщения.

Таким образом, ответное высказывание строится на основе номинемы, которая выступает для адресата ремой. То есть для каждого адресата ремой могут быть абсолютно разные элементы исходного высказывания, что свидетельствует о разном типе мышления языковой личности.

Холистическая стратегия актуального членения письменного диалогического высказывания. При использовании холистической стратегии адресат интерпретирует исходное высказывание по направлению от целого к его составным элементам. Под целым мы понимаем общий смысл диалогического высказывания. Данная стратегия реализуется одной тактикой, при которой отвечающий в своей реплике дает общую оценку исходному высказыванию. При этом модусный компонент выражается согласием / несогласием или нейтрально.

Шестая тактика. Для адресата целостное высказывание является ремой. Данная тактика уникальна тем, что ответные реплики, как правило, являются лаконичными и имеют модусный компонент согласия / несогласия или нейтральный модусный компонент. Например, исходное высказывание: **Александр 36283:** *Некоторые украинцы считают россиян рабами.* Ответные высказывания:

– согласие: **sergij777:** *Ну, пожалуй, в какой-то степени соглашусь.*

– нейтральный модусный компонент: **Anatol:** *любимое их утверждение.*

– несогласие: **Александр 36285:** *Они сами понимают, что это не так. Такой фейк им нужен для роли жертвы. Бедную и маленькую Украину терроризирует огромная Россия. Помогите!*

В данных высказываниях ремой будет являться исходное высказывание в целом. Адресат строит свою реплику на основе общего смысла высказывания, не вычлняя отдельные его компоненты, следовательно, ремой будет являться целое высказывание. Отсутствие членения обусловлено тем, что адресат, строя ответную реплику, не рассуждает в ней над какой-то конкретной частью исходного высказывания, а наоборот: либо обходится исключительно модусным компонентом, либо строит отвлеченную ответную реплику.

Итак, элементаристская стратегия представлена пятью тактиками, холистическая – одной. Согласно анализу диалогических высказываний, наблюдается явная склонность адресатов к использованию элементаристской стратегии формирования ответной реплики к исходному высказыванию. Сделанные выводы подтверждают наблюдения Н.Д. Голева о преобладании в современной письменной коммуникации элементаристской стратегии чтения и письма (см. выше).

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что при использовании элементаристской стратегии членение сообщения адресанта, т. е. выделение главного компонента высказывания, осуществляется с помощью выделения адресатом ремы исходного высказывания, далее осуществляется ее актуализация, на базе которой строится ответная реплика. При этом высказывания адресатов воспроизводят разные ремы высказывания адресанта, а согласно холистической стратегии, исходное высказывание оценивается полностью (членение не осуществляется), и ответная реплика строится на базе высказывания как целостной единицы.

Построение ответной реплики зависит от того, какая часть основного сообщения или целое высказывание адресанта является актуализатором для каждого адресата и как происходит процесс членности / нечленности исходного высказывания. При этом на ответную реплику накладывается модусный компонент (согласие / несогласие, нейтральное модусное значение), посредством которой осуществляется диалогиче-

ское развертывание ответного высказывания как процесса актуализации коммуникативной перспективы письменного высказывания.

Актуальное членение письменного диалогического высказывания с маркерами адресанта

В рамках рассматриваемой в статье проблемы представляется важным рассмотреть вопрос об актуальном членении письменного диалогического высказывания, в котором используются маркеры его тема-рематического членения.

Т.А. Сорокина, анализируя интернет-коммуникацию, приходит к выводу о том, что в ней актуальное членение задается адресантом путем использования маркеров, в качестве которых выступают текстовые выделения, эмодзи. При этом ученый не учитывает тот факт, что высказывание является неотъемлемой частью коммуникативной ситуации, которая образуется не только адресантом, но и адресатом [Сорокина 2012].

Мы полагаем, что наличие маркеров не нарушает принципа порождения ответного высказывания в рамках адресатоцентрической модели.

Анализируемый нами эмпирический материал неоднороден: в нем представлены высказывания как с маркерами, так и без них. Так, из 215 высказываний 178 не содержат графических выделений, а 37 имеют маркеры, например, имеют в своем содержании смайлы (*Жалко человека, соболезнуем 🐼*), прописные буквы (*В такой ураган и НА КРАНЕ?*), полужирный шрифт (*В итоге получится, что тот находился в нерабочее время, да и вообще не должен был работать сегодня, вышел кого-то подменить и т. д.*).

Согласно статистике, в письменной коммуникации, при условии, что адресант не выделяет графически рему, 100 % отвечающих производят актуальное членение, исходя из собственной интерпретации исходного высказывания. Анализ ответных реплик показал, что из 178 диалогических высказываний 178 адресатов производили актуальное членение, выделяя тему и рему исходя из собственной интерпретации высказывания.

Согласно статистике, в письменной коммуникации, при условии, что адресант выделяет графически рему, 70 % отвечающих производят актуальное членение, исходя из собственной интерпретации исходного высказывания, и лишь 30 % адресатов строят ответную реплику с учетом темы и ремы, заданных адресантом. Так, из 37 отвечающих 26 адресатов производили актуальное членение, выделяя тему и рему исходя из собственной интерпретации высказывания, и 9 адресатов произвели актуальное членение согласно выделению ремы адресантом.

Исходя из анализа, мы пришли к выводу о том, что в письменной коммуникации тему и рему высказывания задает адресат.

Важно заметить, что членение исходного высказывания зависит от того, сколько членов в его структуре, так как каждый член имеет смысловую нагрузку, а следовательно, является семантически (лексически) самостоятельным.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что в письменной коммуникации при использовании элементаристской стратегии членение сообщения адресанта, т. е. выделение номинемы высказывания, осуществляется с помощью выделения адресатом ремы исходного высказывания, далее осуществляется ее актуализация, на базе которой строится ответная реплика. При этом высказывания адресатов воспроизводят разные ремы высказывания адресанта.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет говорить о том, что в письменной коммуникации адресат задает актуальное членение диалогического высказывания, которое связано с элементаристской и холистической интерпретационными стратегиями. Механизм актуального членения в письменной коммуникации связан с выделением номинемы. Номинема – это единица описания актуального членения. Нами выделено пять тактик, актуализирующих разные номинемы в рамках элементаристской стратегии интерпретации, и одна тактика в рамках холистической стратегии интерпретации. Маркеры, используемые адресантом, в большинстве случаев не влияют на механизм построения ответной реплики. Выделенная нами специфика письменного диалогического высказывания позволяет сделать вывод о том, что коммуникативное членение письменного диалогического высказывания целесообразно рассматривать в рамках адресатоцентрической модели коммуникации.

Список литературы

- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Эдиториал, 2001. 416 с.
- Блох М.Я.* Дискурс и системное языкознание // *Язык. Культура. Речевое общение.* 2013. № 3. С. 5–8.
- Буров А.А.* Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке: моногр. Пятигорск: Изд. Ставроп. гос. ун-та, 2012. 400 с.
- Вейль А.* О порядке слов в древних языках по сравнению с современным. М., 1869. 344 с.
- Голев Н.Д., Ким Л.Г.* Вариативность интерпретации речевого произведения и особенности русского языкового мышления (холизм vs. элементаризм) // Система языка и языковое мышление. М.: Либроком, 2009. С. 51–66.
- Завьялова Ю.Г.* Фразовая номинация и актуальное членение высказывания (когниолингвистическое измерение): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 209 с.
- Ким Л.Г.* Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 405 с.

- Ким Л.Г., Голев Н.Д. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144–153.
- Крушельницкая К.Т. К вопросу о смысловом членении предложения // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 55–67.
- Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2001. № 1–2. С. 4–10.
- Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 510 с.
- Саттарова А.Ф. Актуальное членение как фрактальная структура // Вестник Омского университета. 2014. № 3 (73). С. 143–147.
- Сорокина Т.А. Некоторые аспекты исследования актуального членения и порядка слов в интернет-коммуникации // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, № 1. С. 59–64.
- Фортунатов Ф.Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка: сравнительная морфология индоевропейских языков. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Фортунатов Ф.Ф. Избр. тр.: в 2 т. М.: М-во просвещения РСФСР, 1957. Т. 2. 457 с.
- Шильная Н.Н. Диалогический текст: деривационная концепция. М.: URSS, 2018. 383 с.
- Шильная Н.Н., Кузнецова А.С. Факторы влияния на актуальное членение высказывания // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 4. С. 109–118. DOI: 10.26170/FK20-04-11.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

References

- Bally, Ch. (2001), *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language], Moscow, Editorial publ., 416 p. (in Russian).
- Blokh, M.Y. (2013), Discourse and Systemic Linguistics. *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*, No. 3, pp. 5-8. (in Russian).
- Burov, A.A. (2012), *Substantivnaya sintaksicheskaya nominatsiya v russkom yazyke* [Substantive syntactic nomination in Russian], Monograph, Pyatigorsk, Stavropol State University publ., 400 p. (in Russian).
- Fortunatov, F.F. (1957), *Lektsii po fonetike staroslavjanskogo (tserkovnoslavjanskogo) yazyka: sravnitel'naya morfologiya indoevropajskikh yazykov. O prepodavanii grammatiki russkogo yazyka v srednei shkole* [Lectures on the phonetics of the Old Slavonic (Church Slavonic) language: comparative morphology of Indo-European languages. On teaching Russian grammar in secondary school]. Fortunatov, F.F. *Selected works*, in 2 volumes, Moscow, Ministry of Education of the RSFSR publ., Vol. 2, 457 p. (in Russian).
- Golev, N.D., Kim, L.G. (2009), Variativnost' interpretatsii rechevogo proizvedeniya i osobennosti russkogo yazykovogo myshleniya (kholistizm vs. elementarizm)

- [Variation in the interpretation of a speech work and the peculiarities of Russian linguistic thinking (holisticism vs. elementalism)]. *Sistema yazyka i yazykovoe myshlenie* [Language system and linguistic thinking], Moscow, Librokom publ., pp. 51-66. (in Russian).
- Kim, L.G. (2010), *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta: teoretiko-eksperimental'noe issledovanie* [Variable-interpretive functioning of the text: theoretical and experimental research], Prof. Thesis., Kemerovo, 405 p. (in Russian).
- Kim, L.G., Golev, N.D. (2008), On the relationship of an addressee, author and text in the paradigm of linguistic interpretationism. *Siberian Journal of Philology*, No. 1, pp. 144-153. (in Russian).
- Krushelnitskaya, K.T. (1956), K voprosu o smyslovom chlenenii predlozheniya [On the question of the semantic division of the sentence]. *Voprosy Jazykoznanija*, No. 5, pp. 55-67. (in Russian).
- Lebedeva, N.B. (2001), The Russian naive written speech as the object of linguistic research. *Vestnik Altayskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, No. 1-2, pp. 4-10. (in Russian).
- Matezius, V. (1967), O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii predlozheniya [On the so-called actual division of the sentence]. *Prazhskii lingvisticheskiy kruzhok* [Prague linguistic circle], Moscow, Progress publ., pp. 239-245. (in Russian).
- Peshkovskii, A.M. (2001), *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage], Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury publ., 510 p. (in Russian).
- Sattarova, A.F. (2014), Actual division as a fractal structure. *Herald of Omsk University*, No. 3 (73), pp. 143-147. (in Russian).
- Shcherba, L.V. (2004), *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost'* [Language system and speech activity], Moscow, Editorial URSS publ., 432 p. (in Russian).
- Shpil'naya, N.N. (2018), *Dialogicheskii tekst: derivatsionnaya kontseptsiya* [Dialogue text: a derivational concept], Moscow, URSS publ., 383 p. (in Russian).
- Shpil'naya, N.N., Kuznetsova, A.S. (2020), Factors of influence on the actual division utterances. *Philological Class*, Vol. 25, no. 4, pp. 109-118. DOI: 10.26170/FK20-04-11. (in Russian).
- Sorokina, T.A. (2012), Some aspects of actual division research and word order in internet communications. *Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Philology. Journalism*, Vol. 12, no. 1, pp. 59-64. (in Russian).
- Weil, A. (1869), *O poryadke slov v drevnikh yazykakh po sravneniyu s sovremennym* [On the order of words in ancient languages compared with modern ones], Moscow, 344 p. (in Russian).
- Zav'yalova, Yu.G. (2006), *Frazovaya nominatsiya i aktual'noe chlenenie vyskazyvaniya (kogniolingvisticheskoe izmerenie)* [Phrasal nomination and actual division of the utterance (Cognitive and linguistic dimension)], PhD Thesis, Stavropol, 209 p. (in Russian).
-

RELEVANT DIVISION INTO PARTS OF WRITTEN DIALOGIC UTTERANCE AND ADDRESSEE-CENTRIC COMMUNICATION MODEL

A.S. Abramova

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

Abstract: The article considers the mechanism of the relevant division of a written dialogic utterance within the framework of the addressee-centric model of communication. To date, the relevant division of a dialogic utterance is considered in the framework of the addressant-centric model. However, this theory, in our opinion, is not applicable to written communication, since under such conditions, one utterance should generate exactly the same responses. Though, the empirical material refutes this point. The article analyzes the dialogic statements of Internet communication from the point of view of their genesis. The analysis of the empirical material showed that in written communication, the addressee sets the relevant division of the dialogical utterance, which is associated with the elementalist and holistic interpretation strategies. The mechanism of relevant division in written communication is associated with the allocation of tactics that actualize the various nominemes of the original utterance. A nomineme is a unit of description of the actual division of a dialogic utterance. We have identified five tactics that actualize different nominemes in the framework of an elementalist interpretation strategy, and one tactic in the framework of a holistic interpretation strategy. We came to the conclusion that it is the addressee who makes the actual division of the written dialogic utterance and builds a response based on his own interpretation of the utterance.

Key words: dialogic utterance, written communication, relevant division, nominema, tactics, holistic strategy, elementalist strategy.

For citation:

Abramova, A.S. (2021), Relevant division into parts of written dialogic utterance and addressee-centric communication model. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 719-733. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).719-733. (in Russian).

About the author:

Abramova, Anastasia Sergeevna, postgraduate student of the Department of General and Russian Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 55, Molodezhnaya ul., Barnaul, 656031, Russia

E-mail: Anfilg@yandex.ru

Received: April 10, 2021

Revised: April 21, 2021

Accepted: November 8, 2021

КОНЦЕПТ «ОБРАЗОВАНИЕ» В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ АВТОБИОГРАФИИ

С.В. Волошина

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Аннотация: Дается описание концепта «Образование», функционирующего в речевом жанре автобиографии. Материал исследования – 100 делопроизводственных автобиографий, хранящихся в Государственном архиве Томской области, составленных в XX в., авторами которых являются преимущественно сотрудники организаций высшего профессионального образования и науки. Концепт рассматривается как единица мышления, которая репрезентируется средствами языка. В содержании концепта выделяются понятийный, образный и ценностный слои. Выявлено, что образование в исследуемых текстах понимается, с одной стороны, как процесс обучения, получения новых знаний, с другой стороны, как его результат. В речевом жанре автобиографии отражается динамика концепта, обусловленная внешними, объективными и личностными, субъективными факторами. Концепт «Образование» – один из значимых концептов, реализуемых в делопроизводственных автобиографических текстах, выполняющий текстостроительную, жанро- и дискурсообразующую функцию, и средство самоидентификации, самопрезентации человека и формирования профессиональной идентичности.

Ключевые слова: речевой жанр, делопроизводственная автобиография, автобиографический дискурс, автобиография, автобиографический текст, концепт, образование.

Для цитирования:

Волошина С.В. Концепт «Образование» в речевом жанре автобиографии // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 734–750. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).734-750.

Сведения об авторе:

Волошина Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: vsv1304@yandex.ru

Финансирование

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-412-700001 р_а «Автобиографические практики как способ отражения социокультурных процессов региона»)

Дата поступления статьи: 17.01.2021

Дата рецензирования: 27.02.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

Введение

Автобиографические практики в настоящее время активно изучаются представителями разных гуманитарных наук: психологами [McAdams 2001; Шлыкова, Зурабьян 2017; Сапогова 2019], литературоведами [Lejeune 1991; Saunders 2010; Павлова С. 2015; Кудряшова 2017; Esteve 2019], историками [Hellbeck 2001; Dekker 2002; Aurell i Cardona 2006; Zaretskiy 2017], социологами [Maclurf 1993; Eakin 2004; Цветаева 2018], лингвистами [Савельева 2012; Салькаева 2019; Senkbeil, Норре 2016]. Объектом исследований служат художественные произведения автобиографического характера, документально-художественные автобиографии, автобиографические интервью, устные автобиографические рассказы, официальные автобиографии-документы.

Лингвисты изучают эти тексты в разных аспектах: с позиции теории речевых жанров [Волошина 2010; Прохоренко 2018], исследуется их композиция и содержание [Волошина, Литвинов 2016], репертуар коммуникативных стратегий и тактик, реализуемых в них [Звонарёва 2010; Ломова 2011; Тухватулина, Сабурова 2016] и т. д. Автобиографии рассматриваются и как поле функционирования разнообразных концептов [Павлова А. 2004; Волошина, Толстова 2017; Скляр 2019] и мн. др.

В зависимости от типа автобиографических текстов (художественных, устных автобиографических рассказов, родословных, официальных автобиографических документов) и социальных факторов (профессия, возраст, пол, место проживания авторов и т. п.) в них актуализируются те или иные концепты. Так, для устных диалектных автобиографических рассказов значимыми и проявляющимися в каждом тексте являются концепты «Жизнь» и «Работа» [Волошина 2010]. Наиболее изученными в лингвистике, на наш взгляд, в этом смысле являются художественные автобиографии по сравнению с другими типами эго-текстов и концепты, функционирующие в них. Так, исследователи уже обращались к описанию концептов «Цвет» [Белобородова 2000], «Семья», «Я», «Память», «Добро», «Песня», «Имя» [Павлова А. 2004], «Ограниченные физические возможности» [Санков 2014], «Закат» [Степанова 2017], «Мыслительная деятельность» [Родина 2018] и др.

Цель данной работы – описание концепта «Образование», функционирующего в речевом жанре автобиографии.

Концепт «Образование» входит в число русских ключевых концептов [Концептосфера русского языка... 2017], его изучали на материале разных типов текстов, написанных на разных языках: в русской и англоязычной лингвокультурах на материале студенческого сленга [Алымова 2007], в немецкой языковой культуре [Романова 2014], в немецком и русском языковом сознании [Юшкова 2014], в российской лингвокультуре [Бузинова 2018], в российских печатных и интернет-СМИ [Березовская 2018] и др.

Вместе с тем отсутствуют описания концепта «Образование», функционирующего в текстах автобиографического характера, в частности в делопроизводственных автобиографиях.

Делопроизводственные автобиографии – письменные тексты, которые составляются самими авторами о себе и своей жизни при устройстве на работу, поступлении в вуз, переизбрании на должность и т. п., которые затем хранятся в личных делах сотрудников, студентов и т. п. Как отмечает Ю.П. Зарецкий, «в государственных и ведомственных архивах Российской Федерации и других стран бывшего Советского Союза хранятся миллионы документов, имеющих одинаковые названия: "Автобиография". С 1930-х годов, став обязательной частью делопроизводства в большинстве учреждений, организаций и предприятий страны, они требовались для формирования личных дел граждан. Поэтому более точно их можно обозначить понятием "делопроизводственная автобиография"» [Зарецкий 2019: 107].

Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, малой изученностью делопроизводственных автобиографий в лингвистике, с другой стороны это тексты, которые, как представляется, входят в ядро автобиографического дискурса – также недостаточно изученного типа дискурса в современных гуманитарных науках, и важным является определение общего и специфичного (в том числе выявление набора когнитивных моделей, схем, уточнения жанровых доминант) для разных автобиографических практик, изучение их дискурсивно-прагматических характеристик, преодоление при их исследовании и описании терминологического «разнобоя», о котором уже не раз писали исследователи [Huisman, Rensen 2019; Павлова С. 2020]. Описание концепта «Образование» на материале указанных текстов служит изучению феномена идентичности и самоидентификации как актуальных объектов современных гуманитарных наук. Р.Ј. Еakin отмечает, что «автобиография – это не только текст, но это также практика идентификации» [Еakin 2014: 24]. Вместе с тем изучение отдельных речевых жанров – одна из задач современной коммуникативной лингвистики.

Материал и методика исследования

Материалом данного исследования выступают 100 делопроизводственных автобиографий, написанных в период с 1925 по 1989 г., хранящихся в Государственном архиве Томской области. Исследуемые тексты

написаны либо на обычных листах формата А4, либо на специальных бланках под названием «Автобиография», на которых указаны требования к их составлению. Всего в исследуемом материале обнаружено семь типов бланков, в пяти из которых (это автобиографии, написанные в 1940, 1954, 1958, 1979, 1990 гг.¹) среди требований называются сведения об образовании. Структура такого рода текстов соответствует жизненной траектории человека, события подаются в хронологической последовательности, и тексты преимущественно строятся по следующей схеме: сведения о дате и месте рождения, социальном происхождении (родителях, семье, в которой родился), образовании, деятельности (в том числе профессиональной, общественной, политической), службе в армии, составе семьи, родителях, братьях, сёстрах и жизни в момент написания автобиографии. В конце документа указывается дата его составления и ставится подпись [Волошина, Литвинов 2016: 42]. Таким образом, все исследуемые автобиографии похожи по содержанию, структуре, средствам языкового воплощения, что позволяет их рассматривать как речевой жанр. Вслед за М.М. Бахтиным и Г.Г. Слышкиным под речевыми жанрами в данной работе понимаются относительно устойчивые тематические, композиционные, стилистические типы высказываний [Бахтин 1986: 428], которые рассматриваются как продукт речевой деятельности и поле реализации определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов [Слышкин 2005: 43].

Как отмечает Ю.П. Зарецкий, отличаются эти тексты степенью детализации каких-либо сведений: «если, например, автор был ученым, писателем или композитором, то о своем образовании и творческом пути он сообщал с сугубой обстоятельностью» [Зарецкий 2019: 107].

Коммуникативной целью текстов исследуемого речевого жанра является описание человеком своей жизни и деятельности. Авторы изучаемых автобиографий – люди, работавшие в сфере высшего образования, на момент создания текстов являлись или абитуриентами, или сотрудниками университетов, институтов, получившими высшее образование. Соответственно, каждый анализируемый текст содержит сведения об образовании, и исследуемый концепт в этом смысле – важный текстостроительный, жанро- и дискурсообразующий концепт.

Под концептом в работе понимается многослойное ментальное образование, репрезентируемое средствами языка. Как отмечает Ю.С. Степанов, концепты существуют в сознании (в ментальном мире) человека,

¹ «Когда, где и какие учебные заведения окончил. Если не окончил, то указать, с какого курса ушёл и почему. Какую специальность получил в результате учебы», 1940 г.; «Когда, в каких учебных заведениях учился, какое образование получил и специальность», 1954 г.; «Профессия или специальность» и «Какое специальное учебное заведение окончили или сколько классов, курсов прошли, когда и где», 1958 г.; «Образование», 1979 г.; «Какое учебное заведение (школу) окончили, когда и где», 1990 г.

и тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, которые сопровождают слово, и есть концепт [Степанов 2004: 43].

Методика анализа концепта «Образование» базируется на выделении в структуре концепта понятийного, образного и аксиологического слоев [Карасик 2002]. В исследуемом материале выбирались контексты с лексемами «образование» и их дериватами и единицами, которые являются компонентами представлений об образовании, анализировалась сочетаемость обозначенных лексем, их системные связи, рассматривалась семантика этих единиц и высказываний, т. е. содержательная сторона концепта моделировалась с использованием контекстуального анализа.

Анализ материала

Понятийный слой концепта «Образование»

Понятийный слой концепта – это варианты его обозначения, описания, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики по отношению к тому или иному концепту [Карасик 2002: 107].

Образование – это процесс усвоения знаний, обучение, просвещение; совокупность знаний, полученных в результате обучения [Словарь русского языка 1986: 560].

Для номинации исследуемого концепта используется одноименная лексическая единица *образование*: **Образование**: *после начальной школы духовное училище (г. Севск); Получение среднего образования было сопряжено с сильным затруднением из-за материальной необеспеченности. Образование как процесс получения, усвоения знаний номинируется авторами синонимичными лексемами учёба, учение: За сочетание общественной работы с учебой был премирован дирекцией и общественными организациями Университета; За время учебы в этой школе за три года был старшиной класса; На 3-ем курсе и вначале 4-го учение осложнялось вследствие тяжелых болезней.*

Анализ показал, что концепт «Образование» в речевом жанре автобиографии вербализуется с помощью лексических единиц, называющих:

– образовательные учреждения: *После окончания сельской **девятилетки** в 1928 г. я переехал жить к брату; В 1947 г. поступил и в 1957 г. окончил **среднюю школу № 9** г. ХХХ; В 1932 г. поступил в **школу ФЗО** при депо ХХХ;*

– участников, субъектов образовательной деятельности: *Отец мой был **преподавателем** математики в средней школе, впоследствии **директором школы**, мать – тоже **учительница**; После освобождения мать работала сначала **завучем** в детдоме, а затем **завучем** в неполной средней школе, 6-ой класс которой я окончил **отличником**; 1 октября 1961 года был зачислен **аспирантом**; В 1909 г., будучи **студентом** я женился на дочери **учителя** ХХХ; По семейным обстоятельствам... уволилась и поступила на работу **инструктором ликбеза** при ХХХ районо;*

– действия, связанные с получением образования: *В 1973–74 гг. ... вела занятия по литературе; После окончания средней школы поступил в Томский Ордена Красного Знамени политехнический институт им. С.М. Кирова. Учился в нем с 1 сентября 1956 года...; Мать с 1909 по 1930 учительствовала;*

– ступени, уровни образования: *Окончил аспирантуру Томского университета; Мать, ХХХ, учительница средней школы;*

– специальности, факультеты: *С 1931 г. по 1936 г. учился в Ленинградском государственном университете, который окончил в 1936 г. по специальности математика; В 1914 г. окончил институт по геологической специальности горфака; В 1960 г. поступил и в 1965 г. окончил радиофизический факультет Томского госуниверситета им. В.В. Куйбышева по специальности «Радиофизика и электроника»;*

– документы, связанные с получением образования: *В 1932 году пошел учиться в ХХХ среднюю школу, которую окончил в 1942 году с аттестатом отличника; В 1977 г. получил аттестат старшего научного сотрудника; В 1937 году я окончил ХХХ факультет Томского пединститута, получил диплом с отличием и был оставлен ассистентом при кафедре ХХХ; Сейчас обстоятельства сложились так, что поехать в Москву я не могу, поэтому решил поступать в Томский государственный университет, высылаю копию с зачётной книжкой (других документов сейчас не имею);*

– знаки отличия: *с серебряной медалью я окончил эту школу;*

– предметы: *По линии общественной работы в 1931–32 году вёл дополнительные занятия по высшей математике на I-м курсе;*

– организации дополнительного образования: *Участь в школе, был председателем учкома, руководил авиамодельным кружком.*

В структуре речевого жанра автобиографии, как показывают примеры, исследуемый концепт связан с концептом «Семья», потому что авторы указывают не только информацию о своем образовании, но и об образовании и профессиональной деятельности родственников, а также о влиянии семейных обстоятельств на возможность получать среднее или высшее образование. Поскольку авторы – в основном научные сотрудники и преподаватели университетов, в текстах содержатся сведения о научной деятельности, соответственно, концепт «Образование» связан с концептом «Наука».

В речевом жанре автобиографии отражаются не только факты личной жизни авторов, но и события, которые происходили в обществе. Интересным представляется рассмотрение динамики содержания концепта «Образование». Так, с одной стороны, она обусловлена социальными факторами: на материале автобиографий можно увидеть изменения, которые происходили в системе образования в СССР (отделение школы от церкви, программа ликбеза, реформы школьного образования и др.). Отражаются

изменения в системе образования региона, появление и закрытие образовательных учреждений, и мн. др., вызванные социально-культурными, политическими событиями. Например, с 1934 и до 1991 г. Томский государственный университет носил имя революционера, государственного и партийного деятеля В.В. Куйбышева, учившегося ранее на юридическом факультете ТГУ. В автобиографиях, созданных в эти годы, это находит отражение: *В 1934 г. окончил Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева*. С другой стороны, динамика в содержании концепта «Образование» наблюдается и в течение жизни человека: это последовательное изменение статусов: школьник → студент → аспирант → кандидат наук... Динамика прослеживается в подаче информации с течением времени: к примеру, один и тот же автор сообщает / не сообщает сведения о школьном образовании в автобиографиях 1948, 1954, 1957 и 1963 гг. Так, в автобиографии 1948 г. автор детально описывает, что начал учиться в школе в 1935 г., в 1943 г. окончил 8 классов, затем в этом же году поступает в горный техникум, параллельно учится в 10 классе, в 1948 г. готовится к поступлению в университет. Затем в автобиографиях 1954 и 1957 гг. информации об обучении в школе нет, информация об образовании начинается только с данных о поступлении в техникум. В автобиографии 1963 г. автор без подробностей о начале учебы в школе и продолжении пишет: *Перед войной родители переехали в г. ХХХ, где я в 1944 г. закончил 7 классов и поступил в ХХХ горный техникум, который и закончил в 1948 г.* Возможно, это объясняется тем, что с течением времени события, которые были важными раньше, становятся менее важными и актуальными для человека, поэтому в более поздних текстах они не находят отражения.

Образный слой концепта «Образование»

Поскольку делопроизводственные автобиографии преимущественно оформляются в официально-деловом стиле, который «не приемлет экспрессивных элементов: оценочной лексики, высоких или сниженных слов (шутливых, иронических), образных выражений» [Голуб 2008: 431], в исследуемых текстах встречается небольшое количество метафорических единиц. Редко употребляются метафоры и при сообщении информации об образовании. Обнаруженные контексты с образными выражениями отражают увлеченность авторов наукой и образованием, приверженность им: *Этот курс, увлекательно проведённый ХХХ, вызвал у меня, интересовавшегося ранее вопросами дифференциальной геометрии, перелом и вовлек меня в прикладную область математики – астрономию и небесную механику; Я без всяких сомнений поступил на математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета, в который меня влекло имя Лобачевского и сравнительная тишина Казани; Поэтому ХХХ отказался от совместительства, чтобы не порвать связь с родным политехническим ин-*

ститутом. На наш взгляд, указанные метафоры являются своеобразным средством рефлексии профессионального становления авторов, самоопределения.

Аксиологический слой концепта «Образование»

Аксиологический слой концепта отражает важность и ценность его как для отдельного человека, так и для общества в целом [Карасик 2002: 107].

Для многих авторов исследуемых текстов получение среднего или высшего образования было затруднено в связи с разными факторами: социальными, политическими, экономическими и др.: *После окончания средней школы поступил в Томский Ордена Красного Знамени политехнический институт им. С.М. Кирова. Учился в нём с 1 сентября 1956 года по март месяц 1958 года, но ввиду состояния здоровья и семейных обстоятельств мне пришлось уйти; В конце августа 1940 года я поступил учиться в Томский университет на геологическую специальность, но из-за материальных затруднений был вынужден в том же году отчислиться и выехать по месту жительства родителей; В том же году приехал в Томск и сдал студентом университета исторического факультета. В 1943 г. был призван в Красную Армию, учился в ХХХ, участвовал в войне против Германии... был ранен. После госпитального и лабораторного лечения, длившегося до лета 1944 г. приехал вновь в Томск и продолжил учёбу на историко-филологическом факультете.*

Вместе с тем они осознавали необходимость получения образования для своего формирования, становления. Образование рассматривается как ценность, мечта: *18 мая уволился и в настоящее время готовлюсь для поступления в университет. Университет – давнишняя моя мечта; 13 июля 1950 г. был призван в армию, поэтому не осуществилась моя мечта – поступить в университет. В настоящее время желаю учиться на физическом факультете Томского государственного университета.*

Т.Ю. Черкашина сведения об образовании называет среди типичных структурно-тематических блоков автобиографического текста и отмечает, что воспитание и образование в значительной степени формируют личность автобиографа [Черкашина 2014: 37]. В этом смысле в исследуемых автобиографических текстах, авторами которых являются преимущественно сотрудники научно-исследовательских организаций и преподаватели университетов, концепт «Образование» является ценностно обусловленным, он играет важную роль в их жизненном и профессиональном пути. Образование является фактором самоидентификации, формирования профессиональной идентичности, изменения представлений о социальном статусе: *В 1936 г. я поступил на физико-математический факультет ХХХ, который и закончил с отличием в 1941 г. по металлургической специальности. По путевке был направлен инженером-металлургом на завод, а в ноябре 1942 г. был мобилизован в Армию.*

Служил все 3 года на востоке Советского Союза. В 1954 г. я защитил кандидатскую диссертацию, в 1963 – докторскую. Ряд лет работал по совместительству преподавателем ХХХ, где получил ученое звание профессора.

На наш взгляд, сообщение информации об образовании также служит реализации коммуникативной стратегии самопрезентации: *С 7 лет я поступил в школу г. ХХХ и окончил в ней 5 классов с отличными оценками; В 1921 г. по представлению академика ХХХ, был избран и в 1923 г. утвержден в звании профессора по той же кафедре.*

Заключение

Таким образом, концепт «Образование» – один из ключевых концептов, реализующихся в речевом жанре автобиографии и выполняющих жанро- и дискурсообразующую функции.

Образование играет важную роль в становлении человека, его профессиональной деятельности, социализации и формировании идентичности. Это концепт, обладающий динамикой, что обусловлено развитием человека в течение его жизни, мотивацией к личным достижениям, желанием получать образование, которое влияет на изменение социального статуса. Вместе с тем речевой жанр автобиографии отражает динамику концепта «Образование», вызванную внешними факторами: политическими, социокультурными, экономическими.

Средства, участвующие в репрезентации концепта «Образование», также участвуют в реализации коммуникативной стратегии самопрезентации, одной из главных коммуникативных стратегий автобиографического дискурса.

Список литературы

- Алымова Е.В.* Реализация концепта «Образование» в школьном и студенческом сленге англоязычной и российской лингвокультур // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2007. Т. 13. № 1. С. 108–113.
- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 428–473.
- Белобородова И.В.* Концепт «Цвет» в лингвокогнитивном аспекте (на материале автобиографической прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2000. 26 с.
- Березовская Л.С.* Концепт «Современное российское образование» в печатных и интернет-СМИ: лексико-семантическая специфика // Молодёжь третьего тысячелетия: сб. науч. ст. XLII регион. студ. науч.-практ. конф. Омск: Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2018. С. 1335–1339.
- Бузинова Л.М.* О концепте «Образование» в российской лингвокультуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86), ч. 1. С. 72–76. DOI: 10.30853/filnauki.2018-8-1.17.

- Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 5–10.
- Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1 (10). С. 40–54. DOI: 10.17223/23062061/10/3.
- Волошина С.В., Толстова М.А. Концепт «Работа» в женских автобиографических рассказах сибирских старожилов: константы и трансформация // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 12–18. DOI: 10.17223/15617793/425/2.
- Голуб И.Б. Новый справочник по русскому языку и практической стилистике. М.: Эксмо, 2008. 464 с.
- Зарецкий Ю.П. Моя жизнь для государства: массовая практика составления делопроизводственных автобиографий советскими людьми // Новое литературное обозрение. 2019. № 3 (157). С. 107–127.
- Звонарёва Ю.В. Тактика самовосхваления (на примере автобиографии Б. Франклина) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 17 (198). С. 21–24.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): слов. / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Азбуковник, 2017. 1020 с.
- Кудряшова А.А. Стилиевое своеобразие архетипов дома и рода в автобиографической прозе М.Е. Салтыкова-Щедрина и М. Горького // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. науч. ст. Витебск, 2017. С. 215–218.
- Ломова О.Е. Речевое поведение актеров в текстах автобиографий по скрытой воздействующей стратегии «Формирование отношения получателя к тексту путем оценивания» // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 181–189.
- Павлова А.А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (на материале внутрисемейных родословных). Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. 162 с.
- Павлова С.Ю. О соотношении понятий «жанр автобиографии», «автобиографический дискурс», «автобиографизм»: литературоведческий аспект // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 22–28. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-22-28.
- Павлова С.Ю. Детство в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 3. С. 63–67.
- Прохоренко Л.В. Речевые жанры, обеспечивающие самораскрытие личности // Русский язык в школе. 2018. Т. 79. № 2. С. 63–69. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-2-63-68.
- Родина Ю.Д. Синтаксический концепт «Мыслительная деятельность» и способы его реализации в автобиографическом романе А. Белого «Котик Летаев» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (126). С. 86–90.

- Романова И.В.* Ценностные аспекты концепта «Образование» в немецкой языковой культуре // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 12 (42), ч. 1. С. 168–172.
- Савельева Е.Б.* Анафора как компонент прагматической релевантности жанра автобиографии // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2012. № 3. С. 16–24.
- Салькаева А.Н.* Личностный фактор автобиографического текста (на материале автобиографии Бенджамина Франклина) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. № 7. С. 211–216. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.45.
- Санков М.И.* Анализ ценностного компонента концепта «Ограниченные физические возможности» в американской лингвокультуре // *Наука и школа*. 2014. № 2. С. 102–107.
- Сапогова Е.Е.* Автобиография как субкультурный, нарративный и экзистенциальный феномен // *Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития: материалы Междунар. науч. конф. М., 2019*. С. 36–42.
- Скляр Н.В.* Пути концептуализации образа войны как элемента индивидуально-авторской языковой картины мира С. Цвейга // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 300–303. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0804-0068.
- Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 2: К–О. 1986. 736 с.*
- Слышкин Г.Г.* Речевые жанры: перспективы концептологического анализа // *Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4: Жанр и концепт*. С. 34–50.
- Степанов Ю.С.* Константы: слов. рус. культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- Степанова Н.С.* Концепт «Закат» в языковой картине мира Б.К. Зайцева (на материале тетралогии «Путешествие Глеба») // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2017. Т. 7. № 1 (22). С. 30–39.
- Тухватулина А.Х., Сабурова Н.А.* Реализация стратегий самопрезентации в автодискурсе на примере автобиографии Арнольда Шварценеггера // *Научные исследования*. 2016. № 4 (5). С. 46–48.
- Цветаева Н.Н.* От традиции к индивидуализации: автобиографические нарративы об изменениях в семейных и гендерных отношениях // *Петербургская социология сегодня*. 2018. № 10. С. 186–203. DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.nkt6-2h71.
- Черкашина Т.Ю.* Основные тематические блоки в структуре жанра автобиографии // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2014. № 1 (162). С. 36–40.
- Шлыкова Ю.Б., Зурабян М.М.* Воспоминания личности о родителях и собственный опыт родительства // *Problems of development of a personality: diversity of approaches: Materials of the IV international scientific conference. Prague, 2017*. P. 49–52.
- Юшкова Л.А.* Концепт «Образование» в немецком и русском языковом сознании // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 12 (42), ч. 1. С. 214–217.

- Aurell i Cardona J. Autobiographical texts as historiographical sources: rereading Fernand Braudel and Annie Kriegel // *Biography*. 2006. Vol. 29, no. 3. P. 425–445. DOI: 10.1353/bio.2006.0050.
- Dekker R. Introduction // *Egdocuments and History. Autobiographical writing in its social context since the Middle Ages*. Hilversum, 2002. P. 11–12.
- Eakin P.J. Autobiography as Cosmogram // *Storyworlds: A Journal of Narrative Studies*. 2014. Vol. 6, no. 1. P. 21–43. DOI: 10.5250/storyworlds.6.1.0021.
- Eakin P.J. What are we reading when we read autobiography? // *Narrative*. 2004. Vol. 12, no. 2. P. 121–132. DOI: 10.1353/nar.2004.0004.
- Esteve A. Memory and Identity Through the Autobiographical Texts of Valencian Writers // *The Rise of Catalan Identity* / eds. P. Casanovas, M. Corretger, V. Salvador. Cham: Springer, 2019. P. 225–234. DOI: 10.1007/978-3-030-18144-4_14.
- Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // *Stalinism: The Essential Readings* / ed. D.L. Hoffmann. Wiley-Blackwell, 2008. P. 181–209. DOI: 10.1002/9780470758380.ch8.
- Huisman M, Rensen M. Introduction: Life Writing and European Identities // *International Journal for History, Culture and Modernity*. 2019. Vol. 7. P. 1049–1066. DOI: 10.18352/hcm.595.
- Lejeune P. The Genetic Study of Autobiographical Texts // *Biography*. 1991. Vol. 14, no. 1. P. 1–11.
- McAdams D.P. The Psychology of Life Stories // *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5, iss. 2. P. 100–122. DOI: 10.1037/1089-2680.5.2.100.
- Maclurf M. Mundane Autobiography: Some Thoughts On Self-Talk In Research Contexts // *British Journal of Sociology of Education*. 1993. Vol. 14, iss. 4. P. 373–384.
- Saunders M. *Self Impression: Life-Writing, Autobiografiction, and the Forms of Modern Literature*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. 608 p.
- Senkbeil K., Hoppe, N. 'The sickness stands at your shoulder ...': Embodiment and cognitive metaphor in *Hornbacher's Wasted: A Memoir of Anorexia and Bulimia* // *Language and Literature*. 2016. Vol. 25, iss. 1. P. 3–17.
- Zaretskiy Y. Confessing to Leviathan: The Mass Practice of Writing Autobiographies in the USSR // *Slavic Review*. 2017. Vol. 76. No. 4. P. 1027–1047. DOI: 10.1017/slr.2017.275.

References

- Alymova, E.V. (2007), Realizatsiya kontsepta “Obrazovanie” v shkol’nom i studentcheskom slenge angloyazychnoi i rossiyskoi lingvokul’tur [Implementation of the concept “Education” in school and student slang of English and Russian linguocultures]. *Vestnik of Kostroma State University*, Vol. 13, no. 1, pp. 108–113. (in Russian).
- Aurell i Cardona, J. (2006), Autobiographical texts as historiographical sources: rereading Fernand Braudel and Annie Kriegel. *Biography*, Vol. 29, no. 3, pp. 425–445. DOI: 10.1353/bio.2006.0050.
- Babenko, L.G. (ed.) (2017), *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii)* [The sphere of concepts of the Russian language: key concepts and

- their representations in language and speech (based on the material of lexicon, phraseology and paremiology)], dictionary, Moscow, Azbukovnik publ., 1020 p. (in Russian).
- Bakhtin, M.M. (1986), Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. Bakhtin, M.M. *Literary and critical articles*, Moscow, Khudozhestvennaya literatura publ., pp. 428-473. (in Russian).
- Beloborodova, I.V. (2000), *Kontsept "Tsvet" v lingvokognitivnom aspekte (na materiale avtobiograficheskoy prozy)* [The concept "Color" in linguistic and cognitive aspect (on the material of autobiographical prose)], Author's abstract, Taganrog, 26 p. (in Russian).
- Berezovskaya, L.S. (2018), Concept 'Modern Russian education' in print and online media: lexical and semantic specificity. *Youth of the third Millennium*, Collection of scientific articles of the 42th Regional Student Scientific and Practical Conference, Omsk, Dostoevsky Omsk State University publ., pp. 1335-1339. (in Russian).
- Buzinova, L.M. (2018), On the concept "education" in Russian linguistic culture. *Philology. Theory & Practice*, No. 8 (86), pt. 1, pp. 72-76. DOI: 10.30853/filnauki.2018-8-1.17. (in Russian).
- Cherkashyna, T.Y. (2014), Principal thematic blocs in structure of the autobiography as genre. *Vestnik of the Orenburg State University*, No. 1 (162), pp. 36-40. (in Russian).
- Dekker, R. (2002), Introduction. Dekker, R. (ed.) *Egodocuments and history. Autobiographical writing in its social context since the Middle Ages*, Hilversum, 2002, pp. 11-12.
- Eakin, P.J. (2014), Autobiography as Cosmogram. *Storyworlds. A Journal of Narrative Studies*, Vol. 6, no. 1, pp. 21-43. DOI: 10.5250/storyworlds.6.1.0021.
- Eakin, P.J. (2004), What Are We Reading When We Read Autobiography? *Narrative*, Vol. 12, no. 2, pp. 121-132. DOI: 10.1353/nar.2004.0004.
- Esteve, A. (2019), Memory and Identity Through the Autobiographical Texts of Valencian Writers. Casanovas, P., Corretger, M., Salvador, V. (eds.) *The Rise of Catalan Identity*, Cham, Springer publ., pp. 225-234. DOI: 10.1007/978-3-030-18144-4_14.
- Evgenieva, A.P. (ed.) (1986), *Russian dictionary*, in 4 volumes, Moscow, Russkii yazyk publ., Vol. 2, 736 p. (in Russian).
- Golub, I.B. (2008), *New reference guide to the Russian language and practical stylistics*, Moscow, Eksmo publ., 464 p. (in Russian).
- Hellbeck, J. (2001), Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts. Hoffmann D.L. (ed.) *Stalinism: The Essential Readings*, Wiley-Blackwell publ., 2008, pp. 181-209. DOI: 10.1002/9780470758380.ch8.
- Huisman, M., Rensen, M. (2019), Introduction: Life Writing and European Identities. *International Journal for History, Culture and Modernity*, Vol. 7, pp. 1049-1066. DOI: 10.18352/hcm.595.
- Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Volgograd, Peremena publ., 477 p. (in Russian).
- Kudryashova, A.A. (2017), Stilevoe svoeobrazie arkhetyпов doma i roda v avtobiograficheskoi proze M.E. Saltykova-Shchedrina i M. Gor'kogo [Stylistic originality of

- the archetypes of house and family in the autobiographical prose of M.E. Saltykov-Shchedrin and M. Gorky]. *Aksiologicheskii diapazon khudozhestvennoi literatury* [Axiological range of fiction], Collection of scientific articles, Vitebsk, pp. 215-218. (in Russian).
- Lejeune, P. (1991), The Genetic Study of Autobiographical Texts. *Biography*, Vol. 14, no. 1, pp. 1-11.
- Lomova, O.E. (2011) Speech behavior of the actors in the texts of autobiographies according to hidden influencing strategy “attitude formation of the recipient towards the text by means of evaluation”. *The Humanities and Social sciences*, No. 6, pp. 181-189. (in Russian).
- McAdams, D.P. (2001), The Psychology of Life Stories. *Review of General Psychology*, Vol. 5, iss. 2, pp. 100-122. DOI: 10.1037/1089-2680.5.2.100.
- Maclurf, M. (1993), Mundane Autobiography: Some Thoughts On Self-Talk In Research Contexts. *British Journal of Sociology of Education*, Vol. 14, iss. 4, pp. 373-384.
- Pavlova, A.A. (2004), *Zhanr, gipertekst, intertekst, kontseptosfera (Na materiale vnutrisemeynykh rodoslovykh)* [Genre, hypertext, intertext, sphere of concepts (on the material of intra-family pedigrees)], Belgorod, Belgorod State University publ., 162 p. (in Russian).
- Pavlova, S.Yu. (2020), On the correlation of the concepts of “autobiography genre”, “autobiographical discourse”, “autobiographism”: literary aspect. *Speech Genres*, no. 1 (25), pp. 22-28. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-22-28. (in Russian).
- Pavlova, S.Yu. (2015), Childhood in the "Memoires" by Mlle de Montpensier. *Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Philology. Journalism*, Vol. 15, no. 3, pp. 63-67. (in Russian).
- Prokhorenko, L.V. (2018), Ensuring Person's Self-revelation Speech Genres. *Russian language at school*, Vol. 79, no. 2, pp. 63-69. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-2-63-68. (in Russian).
- Rodina, Yu.D. (2018), Syntactic concept “mental work” and ways of its implementation in the autobiographical novel by A. Belyi “Kotik Letaev”. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, No. 3 (126), pp. 86-90. (in Russian).
- Romanova, I.V. (2014), Value aspects of the concept “education” in german linguistic culture. *Philology. Theory & Practice*, No. 12 (42), pt. 1, pp. 168-172. (in Russian).
- Sal'kaeva, A.N. (2019), Personality factor of autobiographic text (by the material of Benjamin Franklin's autobiography). *Philology. Theory & Practice*, Vol. 12, iss. 7, pp. 211-216. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.45. (in Russian).
- Sankov, M.I. (2014), The analysis of the axiological component of the concept "limited physical abilities" in American linguoculture. *Science and School*, No. 2, pp. 102-107. (in Russian).
- Sapogova, E.E. (2019), Avtobiografiya kak subkul'turnyi, narrativnyi i ekzistentsial'nyi fenomen [Autobiography as subcultural, narrative and existential phenomenon]. *Psikhologiya subkul'tury: fenomenologiya i sovremennye tendentsii razvitiya* [The Psychology of Subculture: Phenomenology and Modern Development Trends], Materials of International Scientific Conference, Moscow, pp. 36-42. (in Russian).

- Saunders, M. (2010), *Self Impression: Life-Writing, Autobiografiction, and the Forms of Modern Literature*, Oxford, New York, Oxford University Press, 608 p.
- Savelyeva, E.B. (2012), Anaphora as a component of pragmatic correlation of genre of autobiography. *Russian Journal of Linguistics*, No. 3, pp. 16-24. (in Russian).
- Senkbeil, K., Hoppe, N. (2016), 'The sickness stands at your shoulder ...': Embodiment and cognitive metaphor in Hornbacher's *Wasted: A Memoir of Anorexia and Bulimia*. *Language and Literature*, Vol. 25, iss. 1, pp. 3-17. DOI: 10.1177/0963947015608084.
- Shlykova, Yu.B., Zurab'yan, M.M. (2017), Vospominaniya lichnosti o roditelyakh i sobstvennyi opyt roditel'stva [Personal memories of parents and own experience of parenthood]. *Problems of development of a personality: diversity of approaches*, Materials of the IV International Scientific Conference, Prague, pp. 49-52. (in Russian).
- Sklyar, N.V. (2019), The conceptualization ways of the image of war as an element of Stefan Zweig's individual author's language worldview. *Baltic Humanitarian Journal*, Vol. 8, no. 4 (29), pp. 300-303. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0804-006. (in Russian).
- Slyshkin, G.G. (2005), Rechevye zhanry: perspektivy konceptologicheskogo analiza [Speech genres: perspectives of conceptual analysis]. *Zhanry rechi* [Speech genres], Collection of scientific articles, Saratov, Kolledzh publ., pp. 34-50. (in Russian).
- Stepanov, Yu.S. (2004), *Konstanty* [Constants], Dictionary of Russian culture, 3rd ed., Moscow, Akademicheskii proekt publ., 992 p. (in Russian).
- Stepanova, N.S. (2017), The concept of "sunset" in the language worldview of B.K. Zaitsev (on the material of the tetralogy "The travel of Gleb"). *Proceedings of the South-West state university. Series: Linguistics & Pedagogics*, Vol. 7, no. 1 (22), pp. 30-39. (in Russian).
- Tsvetaeva, N.N. (2018), From Tradition to Individualization: Autobiographical Narratives about Changes in Family and Gender Relations. *St. Petersburg Sociology Today*, No. 10, pp. 186-203. DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.nkt6-2h71. (in Russian).
- Tukhvatulina, A.Kh., Saburova, N.A. (2016), Realizatsiya strategii samoprezentatsii v avtodiskurse na primere avtobiografii Arnol'da Shvartseneggera [Implementation of self-presentation strategies in auto-discourse on the example of Arnold Schwarzenegger's autobiography]. *Nauchnye issledovaniya*, No. 4 (5), pp. 46-48. (in Russian).
- Voloshina, S.V. (2010), Speech genre of autobiographical story (on dialect material). *Tomsk State University Journal of Philology*, No. 2 (10), pp. 5-10. (in Russian).
- Voloshina, S.V., Litvinov, A.V. (2016), Anatomy of a clerical autobiography in the contemporary history of Russia: composition and content of texts. *Text. Book Publishing*, No. 1 (10), pp. 40-54. DOI: 10.17223/23062061/10/3. (in Russian).
- Voloshina, S.V., Tolstova, M.A. (2017), The concept "work" in women's autobiographical stories of Siberian old residents: constants and transformation. *Tomsk State University Journal*, No. 425, pp. 12-18. DOI: 10.17223/15617793/425/2. (in Russian).
- Yushkova, L.A. (2014), Concept "education" in the German and Russian linguistic consciousness. *Philology. Theory & Practice*, No. 12 (42), pt. 1, pp. 214-217. (in Russian).

- Zaretskiy, Yu. (2019), My life for the state: the mass practice of composing work record autobiographies for work by Soviet people. *New Literary Observer*, No. 3 (157), pp. 107-127. (in Russian).
- Zaretskiy, Y. (2017), Confessing to Leviathan: The Mass Practice of Writing Autobiographies in the USSR. *Slavic Review*, Vol. 76, no. 4. pp. 1027-1047. DOI: 10.1017/slr.2017.275.
- Zvonareva, Yu.V. (2010), Taktika samovoskhvaleniya (na primere avtobiografii B. Franklina) [Tactics of self-praise (on the example of B. Franklin's autobiography)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 17 (198), pp. 21-24. (in Russian).

THE CONCEPT OF “EDUCATION” IN THE SPEECH GENRE OF AUTOBIOGRAPHY

S.V. Voloshina

Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Abstract: The article is devoted to the description of the concept of “Education” in a speech genre of autobiography. The material of the research is 100 clerical autobiographies, stored in the State Archive of the Tomsk region and written in the 20th century, the authors of which are mainly employees of organizations of higher professional education and science. The concept is considered as a unit of thinking that is represented by means of language and as a layered formation which includes conceptual, figurative, axiological components. It is revealed that education in the texts is understood on the one hand as a process of learning, obtaining new knowledge, on the other hand, as its result. Speech genre of autobiography reflects the dynamics of the concept due to external, objective and personal, subjective factors. The concept of “Education” is a dynamic concept, one of the significant concepts realized in clerical autobiographical texts. It takes part in a formation of texts, autobiographical genre and discourse. It is a means of self-identification, self-presentation of a person and the formation of professional identity.

Key words: speech genre, clerical autobiography, autobiographical discourse, autobiography, autobiographical text, concept, education.

For citation:

Voloshina, S.V. (2021), The concept of “Education” in the speech genre of autobiography. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 734-750. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).734-750. (in Russian).

About the author:

Voloshina, Svetlana Vladimirovna, PhD, Associate Professor of the Russian Language Department

Corresponding author:

Postal address: 36, Lenina pr., Tomsk, 634050, Russia

E-mail: vsv1304@yandex.ru

Acknowledgements:

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-412-700001 p_a “Autobiographical practices as a way to reflect the socio-cultural processes of the region”)

Received: January 17, 2021

Revised: February 27, 2021

Accepted: November 8, 2021

АВТОРЕФЕРЕНТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ДИСКУРСЕ ВЛАДЕЛЬЦА ЖИЛЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА «РУМ ТУР»)

Е.Ч. Дахалаева

Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия)

Аннотация: Рассматривается реализация категории автореферентности в дискурсе владельца жилья на примере интернет-жанра «рум тур». Автореферентность, или самореференция, вслед за С.Н. Плотниковой и Е.В. Солодковой определяется автором как совокупность высказываний говорящего / пишущего о самом себе. Цель исследования заключается в выявлении способов репрезентации категории автореферентности в дискурсе владельца жилья (на примере жанра «рум тур», или «хаус тур»). Материалом для исследования послужили русскоязычные Youtube-каналы «Как живут другие», «Innugoom TV» и «Интерьер налицо». Применяемые методы исследования – дискурсивный и коммуникативный анализ. Автор формулирует положение о том, что коммуникант придает существенное значение своему жилищу, являющимся важным компонентом его личного пространства и ассоциирующимся для него с такими концептами, как «Уют», «Комфорт», «Безопасность», «Семья», «Счастье», «Спокойствие» и др. Выступая в роли хозяина квартиры или дома, коммуникант формирует особый дискурс, «очеловечивая» свое жилище и предметы интерьера. В дискурсе владельца жилья наблюдается актуализация особых эпитетов и метафор, традиционно применяемых к одушевленным существам. Тем самым, говоря о своем жилье, коммуникант говорит о самом себе.

Ключевые слова: автореферентность, самореференция, инореференция, жанр интернет-дискурса, рум тур.

Для цитирования:

Дахалаева Е.Ч. Автореферентные компоненты в дискурсе владельца жилья (на примере жанра «рум тур») // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 751–765. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).751-765.

Сведения об авторе:

Дахалаева Елизавета Чингисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: lizdach@mail.ru

Дата поступления статьи: 18.03.2021

Дата рецензирования: 24.04.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

Введение

На сегодняшний день Интернет по праву определяют в качестве лидирующего коммуникативного канала. Проводится множество исследований по различным параметрам интернет-коммуникации, одним из наиболее популярных направлений является виртуальное жанроведение (см.: [Горошко 2009; Щипицына 2006; Лутовинова 2009; Herring et al. 2005] и др.).

Мультижанровость. Авторы отмечают наличие особых характеристик интернет-коммуникации, объединяющей в себе черты устного и письменного общения и обладающей множеством других параметров, не свойственных традиционным видам общения. Так, согласно Е.И. Горошко и Е.А. Жигалиной, в современной интернет-среде можно выделить: «традиционные жанры, перенесенные в коммуникативное пространство Интернета без изменений, трансформированные традиционные жанры и жанры, сложившиеся непосредственно в интернет-среде» [Горошко, Жигалина 2011]. Развитие технологического компонента Сети, активное творчество веб-пользователей и непрерывное пополнение виртуального контента приводит к различным дискурсивным трансформациям. С одной стороны, мы наблюдаем постоянное зарождение всё новых и новых виртуальных жанровых форм. К таковым К. Кроустон относит хот-лист, рубрику «Часто задаваемые вопросы» и домашнюю страницу (hot list, FAQ, home page) [Crowston 2010]. С другой стороны, особое место в числе новых жанров занимают те формы, которые обладают высоким уровнем субъективности, самопортретирования и самоописания [Mortensen, Walker 2002]. Так, блоги, чаты, форумы, персональные сайты, микроблоги, определяемые как жанры, направленные на реализацию многочисленных потребностей в самовыражении, становятся объектами значительного количества исследований (к примеру, [Bolander 2013]). Необходимо также отметить, что процессы персонализации и индивидуализации в Интернете наблюдаются даже в жанрах профессионального и научного дискурса, которые традиционно считались лишёнными субъективности и экспрессивности [Rowley-Jolivet, Campagna 2011].

Такой критерий, как направленность жанровой формы на самовыражение, самоактуализацию и самореализацию, может быть успешно использован для выстраивания классификаций интернет-жанров. Так, В.А. Митягина, И.Г. Сидорова причисляют персональный сайт, личный блог, социальную сеть и интернет-комментарий к жанрам персонального интернет-дискурса [Митягина, Сидорова 2016: 107]. Группа первичных автореферентных интернет-жанров включает в себя персональный сайт, персональную фор-

му, персональный блог, личный кабинет, персональную страницу социальной сети, к группе вторичных автореферентных жанров относят интернет-комментарий, интернет-отзыв, электронную почту [Дахалаева 2013].

Особую популярность в Сети приобретает такой медиа-формат, как «рум тур» («хаус тур»), изучению лингвистических параметров которого посвящена данная статья.

Цель исследования – выявление способов репрезентации категории автореферентности в дискурсе владельца жилья (на примере жанра «рум тур»).

Материалом послужили русскоязычные Youtube-каналы «Как живут другие», «Inmugoom TV» и «Интерьер налицо».

Методы исследования, использованные в работе, – дискурсивный и коммуникативный анализ.

Сравнительно недавно зародившийся в Сети жанр «рум тур» также становится объектом лингвистического исследования. Согласно Ю.А. Башловкиной, «рум тур» («хаус тур») следует определить в качестве составляющего компонента более крупного жанра «образ жизни» наряду с такими поджанрами, как «распаковка» и «фуд тур» [Башловкина 2019: 207]. «Рум тур», таким образом, представляют собой видеоформат, направленный на детальный показ интерьера жилого (квартиры, апартаменты, студии, комнаты, дома, виллы и т. п.) и, в некоторых случаях, нежилого помещения (бары, рестораны, клубы и пр.). Подобные видеотуры направлены на достижение различных целей:

- демонстрация квартиры своей мечты,
- показ собственных дизайнерских, творческих талантов,
- демонстрация качеств «хорошей домовитой хозяйки», «умелого рачительного хозяина», умеющего все делать своего руками,
- демонстрация финальных результатов затратного и дорогостоящего ремонта,
- возможность для дизайнера прорекламировать свое бюро, фирму, а также свой опыт, свои профессиональные навыки и умения.

Еще одним стимулом для организации «рум тура» со стороны владельца жилья является желание продвинуть свою недвижимость в рамках продажи либо сдачи в аренду.

Существует множество каналов, посвященных «рум турам», как в Рунете («Как живут другие», «Inmugoom TV», «Мастерская уюта», «Интерьер налицо» и мн. др.), так и в зарубежном Интернете («Architectural Digest», «House & Home», «Universal Furniture – Explore Home», «рум туры» от журнала Vogue и мн. др.), неизменно обладающие большим количеством подписчиков.

Отметим, что зачастую новые интернет-жанры не представляют собой что-либо кардинально инновационное, образуя собой синтез некоторых параметров уже существующих жанровых форм.

В контексте анализа интернет-отзывов туристов идет речь о возможности выявления как сходств, так и различий между сетевыми жанровыми формами. Так, интернет-отзыв туриста обладает рядом общих признаков с жанром «интернет-сайт отеля», с художественно-документальным жанром «путешествие» и с жанром туристической рекламы [Говорунова 2013].

Аналогично, «рум туры» обнаруживают ряд схожих черт с некоторыми телевизионными передачами – «Школа ремонта», «Квартирный вопрос», «Дачный ответ», «Фазенда лайф», с другой стороны, можно провести параллели между «рум туром» и такими телеформатами, как телемагазин и шоурум.

Обсуждение

Одной из неотъемлемых потребностей коммуниканта является желание говорить о себе, преподнести обществу позитивную модель самого себя, рассказывая как о своих достижениях, так и о значимых составляющих своего бытия. Вот почему дискурс, основной целью которого является самопрезентация, становится объектом множества лингвистических исследований, что приводит к сосуществованию в научной литературе многих смежных терминов («персональный», «лично-ориентированный», «автореферентный», «перволичный», «Я-дискурс», «самоидентификационный» дискурс).

Очевидно, что элементы прямой самопрезентации владельца жилья в рамках жанра «рум тур» сведены до минимума и вербально могут быть выражены всего несколькими высказываниями:

– *Здравствуйте, меня зовут Анастасия, я хозяйка этой квартиры, я работаю в инвестиционном бизнесе, я – финансист;*

– *Я учитель в частной школе, преподаю изобразительное искусство, технологию;*

– *Я не только дизайнер интерьера, я еще обучалась на малых архитектурных формах, в принципе я могу говорить, что я уже архитектор.*

Вместе с тем, рассказывая о своем доме или квартире, коммуникант обязательно упоминает о своей семье (*это комната моей дочери, это шкаф моей мамы, мой муж занимается сантехникой*), своих близких, друзьях (*этот диван раскладывается, на нем спят друзья, если они остаются у нас заночевать*), своей работе (*когда ты занимаешься дизайном профессионально, очень сложно оставаться долго приверженцем одного стиля*), своих мечтах и планах на будущее (*мы скоро будем делать новый дизайн и мы хотим поменять всё*).

Благодаря этому создается впечатление, что жилое помещение и его наполнение становятся продолжением собственного Я говорящего коммуниканта.

Автореференция. Данный концепт трактуется во множестве научных контекстов, трудах по математике, логике, философии, информатике, искусствоведению, литературоведению и т. д. Встречаясь в таких разнообразных контекстах, данный концепт становится довольно многозначным. Так, согласно В. Нот и Н. Бишару, автореферентность изучается во многих отраслях знания и описывается как обращенность к себе, ассоциируясь с такими смежными понятиями, как самоподобие, самоорганизация, аутопойезис, репликация, рекурсия [Self-Reference in the Media 2007].

Отметим, что некоторые однокоренные термины анализируемого в данной статье понятия (самореференция, автореферентность и, в некоторых случаях, автореференциальность) в нашем исследовании будут определяться как синонимичные.

В данной работе мы возьмем за основу концепт «автореферентный дискурс», введенное С.Н. Плотниковой и Е.В. Солодковой и понимаемое как дискурс говорящего о самом себе. Авторы отмечают, что данный тип дискурса не является структурно самодостаточным и накладывается на множество других типов дискурса (по: [Солодкова 2012]). Таким образом, следы автореференции можно проследить в самых разнообразных контекстах: в политическом дискурсе, в дискурсе СМИ. К примеру, в научном дискурсе они сведены до минимума, но и здесь их тоже можно проследить (*авторское Мы, автор считает, личный вклад соискателя в разработку исследования, как отмечает диссертант* и пр.)

Так, по мнению Л.Н. Мун, автореферентность следует понимать достаточно широко, как интерактивный импровизационный прием, «в котором идея создания художественного продукта действует непосредственно на саму себя, универсально реализуя потребность учащих в творческом самовыражении» [Мун 2012]. Говоря более конкретно, каждая система обладает своей собственной структурой, состоящей из ряда элементов, которые, в общем, можно свести к противопоставлению рисунка и фона. При этом на примере музыкальных произведений исследовательница подчеркивает, что основные компоненты структуры вступают друг с другом в разнообразные типы взаимодействий и, в конечном итоге, могут быть как согласованы, так и рассогласованы. Согласно Л.Н. Мун, автор / творец / создатель акцентирует свое внимание на рисунке. Вместе с тем и при анализе фона можно почерпнуть существенную информацию, учитывая то, что рисунок и фон способны как вступать в противоречие, так согласоваться друг с другом [Мун 2012].

По словам Е.Е. Бразговской, автореференция подразумевает то, что наше Я (референт отображения) совпадает с субъектом речи (тем Я, которое производит текст) [Бразговская, Смердова 2013: 94].

Термин «самореференция» зачастую возникает в контексте противопоставления понятию «инореференция» (другими словами, оппозиция «внутренняя» и «внешняя референция»).

Противопоставление понятий «самореференция» и «инореференция» приводит нас к трудам немецкого социолога и философа Н. Лумана, применявшего данные концепты по отношению к процессам, происходящим в рамках медиа-систем. По мнению автора, самореференция означает ссылку на себя, т. е. ситуацию, когда одни операции системы служат отсылкой к другим операциям этой же системы. Инореференция же в таком случае отсылает к операциям внешних систем [Луман 2005].

Одним из немногих лингвистических исследований, к которым привлекается пара концептов «самореференция» и «инореференция», является работа Е.А. Кожемякина и Т.Р. Красиковой, посвященная телемагазину – специализированному каналу, направленному на продажу разнообразных товаров посредством телевидения. Вслед за Н. Луманом, авторы определяют понятие «автореференция» как ссылку объекта на самого себя, как операцию самоотнесения. использования себя в качестве референта для определения себя же [Кожемякин, Красикова 2017: 110].

Согласно авторам, в качестве «внутренних (самореференциальных) референтов» телемагазина выступают функциональные и дизайнерские характеристики товара, его экспериментальная устойчивость и количественная спецификация (различные цифровые и численные данные о товаре) [Кожемякин, Красикова 2017].

В рамках исследуемого нами жанра «рум тур» мы также можем выделить упоминаемые авторами самореферентные компоненты. Итак, в дискурсе хозяина жилища мы наблюдаем:

– **внутренние характеристики** товара (объекта), зачастую обозначаемые обилием эпитетов (*дорогая кухня, прекрасная дверь, стильные шторы* и пр.) либо упоминанием о его происхождении, изготовителе (имена собственные: *Свет – это Crystal Luxe, покрывало серое – это Aria Home, двери – это Academy, это диваны фирмы Мун*), использованных при изготовлении материалов (*эта лестница выполнена из облегченного монолита... ступени – бук, подступенок – ламинат*), его местонахождении (*немножко об объекте, это не совсем классическая квартира, это таунхаус, находится на Новорижском направлении, это коттеджный поселок Кембридж*);

– **экспериментальную устойчивость:**

– *Вот такое широкое, глубокое место на кухне, оно действительно очень удобно в использовании, рекомендуем применять – классное решение;*

– *Очень приятное ощущение от использования такой столешницы... да, она может быть повреждена, может что-то пролиться и т. д. ... но достаточно пройти шкуркой..., и заново покрыть маслом, и она будет как новенькая;*

– *И вдруг обратили внимание, что она (краска. – Е. Д.) настолько классная, она настолько, во-первых, водостойкая, и если есть какая-то грязь, она молниеносно смывается губкой;*

– Она (вытяжка. – Е. Д.) оказалась достаточно мощной, и она очень хорошо затягивает из кухни запахи еды;

– **количественные данные:**

– Это наша спальня, она площадью не меньше **19 квадратных метров;**

– Высота потолков **3 метра с лишним;**

– **Вторая** дверь, которую вы видите, ведет в **первую** гардеробную;

– Для дубового стола, который сделан на заказ... это недорого, около **30 тысяч;**

– Получилось практически в **5 раз** дешевле, чем в любом магазине;

– Здесь было потрачено **1,5 млн рублей** всё вместе, т. е. мебель и краски;

– Шторы – **2400**, ткань – **500 руб.**, мастер – работа **500 руб.;**

– ...чтобы водопровод провести в дом, стоило **40 тысяч**, а еще, чтобы воду дома сделать качественно, стоило около **100 тысяч.**

Традиционно при описании интерьера используется предикат, актуализируемый с неодушевленными объектами в пассивном залоге, при субъекте, обозначающем предмет интерьера:

– Он (теплый пол. – Е. Д.) **уложен** на плоскости всей кухни, всей гостиной;

– Это керамогранит, он **положен** единым контуром;

– За красной дверью у нас расположен санузел первого этажа, он **выполнен** в такой артовой манере.

Либо наблюдается использование активного залога при одушевленном субъекте – подлежащем и неодушевленном объекте – дополнении:

– Мы зимой в самый лютый мороз **не используем** батареи;

– Мы здесь **смогли расположить** большую, удобную, широкую душевую кабину;

– Все от начала до конца **делал** дизайнер;

– Сюда мы **вставили** репродукции Ирины Андреевой.

Если объект интерьера находится в позиции подлежащего в активном залоге, то, как правило, ожидается использование предиката с семантикой неодушевленности:

– Всеми известный угол, который **открывается** таким образом;

– Форма его (унитаза. – Е. Д.) **делает** его визуально меньше;

– Посудомоечная машина, которая на данный момент **не работает.**

Обратим внимание на различные метафоры в речи собственника жилья, благодаря которым интерьер и его отдельные составляющие приобретают черты живого существа. К примеру, вместо стандартной формы: Я привезла (заказала) эту чугунную плиту из Питера, – владелец жилья предпочитает следующую форму: Первое, что вы здесь видите – это чугунная плита, ей 200 лет, она **приехала** из Питера. В таком случае обозна-

чение предмета занимает позицию подлежащего, а предикатом становится глагол активного действия. Еще некоторые примеры:

– *Обеденный стол – это экспонат из 60-х годов, который **приехал к нам** из условно соседнего дома на ленинском проспекте;*

– *Контрастная темная стена **сломала** пространство и немножко **раздвинула** границы;*

– *Кстати, перила... в точности такие, как мы хотели... чтобы обязательно они **росли наружу**;*

– *Здесь стоял громадный мегакомфортный диван, куда ты сел и **он тебя забрал**, и ты не встал в ближайшую неделю;*

– *Все межкомнатные двери, все 4 штуки, они **приехали к нам оттуда** (из Челябинска. – Е. Д.);*

– *Единый пол **увеличивает** пространство;*

– *Стол... который я перекрашивала, он был рыжий, не симпатичный и теперь он сюда **хорошо тонально сел**;*

– *Они (шторы. – Е. Д.) **сели по тону** в общий тон комнаты;*

– *Тумбочка, я ее привезла в 2006 году из Египта, она **жила** у родителей;*

– *Если бы здесь стоял стул, он бы **аккумулировал на себе** всё, что есть.*

Благодаря использованию предикатов, обозначающих действия живых субъектов, интерьер и его составляющие как бы оживают:

– *Черный потолок **ест** пространство;*

– *Диван большой, но абсолютно **не съедает** место;*

– *Она (вытяжка. – Е. Д.) хорошая, единственное – она **съела** вот это пространство;*

– *Когда садишься, он (диван. – Е. Д.) тебя **обнимает**;*

– *Она (кирпичная стена в ванной. – Е. Д.) **ведет себя совершенно легко**, потому что мы простое ее покрасили и покрыли лаком;*

– *Пробка прекрасно **ведет себя** с влагой;*

– *А потрясающая лампа у нас **родом из** Челябинска;*

– *Я вижу предмет, обычно он **сам бросается мне в руки**, и я не могу без него уйти.*

В некоторых случаях в дискурсе собственника компоненты интерьера приобретают и антропоморфные черты, как будто бы становясь полноценным человеческим субъектом. В таком случае предмет сопровождается эпитетами, описывающими моральные либо физические качества именно человека, а не просто одушевленного существа:

– *Мы решили добавить второй санузел... он **очень веселый**;*

– *Он (санузел первого этажа. – Е. Д.) **очень харизматичный** за счет использования декоративной штукатурки насыщенного синего цвета;*

– *Очень удобно мне с китчен-машин... с этим металлическим **другом** очень все легко делается;*

Также используются предикаты, обозначающие действия одушевленного субъекта:

– Но давай вернемся к дивану, я вижу, какой он у тебя **дружелюбный**. «Проходи, садись», – **прямо зовет!**

– Она (картина. – Е. Д.) **дружит** с водой, потому что же это мокрое место.

Как видно из данных примеров, владелец жилья воспринимает объекты как своего рода друзей, а также положительно оценивает гармоничные отношения одних объектов с другими.

Особое место занимают высказывания, в которых владелец начинает признаваться в любви к своему жилищу и его компонентам:

– Кресло – это Косморелакс, у меня с ним **случилась безумная любовь**;

– Это место сразу нас в себя **влюбило**, и мы решили здесь остаться;

– Мне очень сложно от этого потом избавиться, потому что я привыкаю к предмету, **у меня появляются какие-то чувства к предмету**;

– А эти светильники здесь для создания интима... это был **случай внезапной любви**, я их увидела и уже **ни о чем не могла думать**.

В целом отметим, что дискурс владельца жилья изобилует различными метафорами, сравнениями, что, в свою очередь, подтверждает особые чувства говорящего к тому месту, в котором он проживает и благодаря формату «рум тур» демонстрирует широкому зрителю:

– Белый диван – это **красная тряпка** для зрителей;

– Тут удлинитель, там же спрятан роутер, в общем, **целая Нарния**;

– Но тут есть **звезда моей квартиры** – это туалет;

– Основание для стола нам досталось вместе с квартирой, это был наш **первый пациент**;

– **Еще одна достопримечательность** этой квартиры – это столбик для кошки.

Отметим, что «рум тур», как и любой интернет-жанр, сопровождается обратной связью в форме комментариев к видеотурам. Feedback, получаемый от зрителей, содержит многочисленные оценки, причем очень яркие живые оценки получает не только само жилье (стиль и орфография авторов сохранены):

– Квартира светлая, просторная, современная, приятная!

– Идеальная квартира, ничего лишнего, все стильно, красиво, лаконично!

– А что тут французского прасците))) все же больше на нью-йоркский стиль похоже;

– Залипательный ремонт. Представляю как приятно жить в такой квартире!

– Квартира бесподобная, лаконичная, уютная, чистая, современная!

Класс!

– но и сам хозяин или хозяйка:
 – *Какой парень замечательный! Скромный! С такой любовью рассказывает!*
 – *Прекрасный парень с отличным вкусом. Настоящий перфекционист – не каждый будет отделять панелями люк со счетчиками))*
 – *Очень заботливый и аккуратный хозяин)) И квартира оказалась очень удобной и уютной!*

В некоторых случаях жилье получает положительные оценки, а хозяин, напротив, отрицательные:

– *Хоть хозяйка и путешествует много, но хорошие манеры общения остались провинциальными :(ну а дизайн очень интересный, здорово!*
 – *Какая приятная квартира и абсолютно неприятная хозяйка;*
 – *Хозяйка мерзкая, отталкивает(Квартира симпатичная.*

Несмотря на этот факт, отметим, что, в целом, любой коммуникант представляет собой сложную совокупность противоречивых качеств, которые, в свою очередь, могут получить неоднозначную оценку.

Заключение

Дискурс владельца жилья представляет особый интерес для лингвистического исследования. Квартира и дом ассоциируются в сознании коммуниканта с самыми важными бытийными концептами, входящими в круг самых значимых ценностей и формирующими личное пространство говорящего: «Семья», «Очаг», «Уют», «Спокойствие», «Комфорт», «Благополучие», «Защищенность», «Красота», «Дизайн» и мн. др.

Специфическими проявлениями категории автореферентности в жанре «рум тур» является актуализация метафор, сравнений, эпитетов, предикатов, традиционно применяемых к одушевленному существу, а также постановка неодушевленного объекта в позицию подлежащего.

Таким образом, жилище является своего рода физическим и духовным продолжением своего хозяина. Благодаря использованию антропоморфной лексики, особым метафорам, синтаксическим трансформациям создается впечатление о том, что квартира или дом «очеловечиваются», олицетворяются таким образом, каким хозяин хотел бы видеть самого себя или своих близких.

Рассуждая о своем доме, коммуникант тем или иным образом выстраивает дискурс о себе. Дискурс владельца жилья тем самым выступает важным компонентом автореферентного дискурса, дискурса о себе.

Список литературы

Башловкина Ю.А. Классификация форматов видеоблога на российском сегменте You-Tube: жанры и поджанры // Человек в информационном пространстве: материалы XVI Всерос. междисциплинар. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Ярославль, 15–17 нояб. 2018 г). Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т, 2019. С. 205–207.

- Бразговская Е.Е., Смердова Е.А.* Когнитивный потенциал автореференции: само-описания в прозе Станислава Лема // Вестник Пермского государственного университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 94–103.
- Говорунова Л.Ю.* Отзыв туриста как новый речевой жанр туристического интернет-дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. 2013. № 1 (292). Вып. 73. С. 198–203.
- Горошко Е.И.* Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. 2009. № 6. С. 11–27.
- Горошко Е.И., Жигалина Е.А.* Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63). № 1. Ч. 1. С. 105–124.
- Дахалаева Е.Ч.* Автореферентные жанры интернет-дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4 (25). С. 25–29.
- Кожмякин Е.А., Красикова Т.Р.* «Этот товар говорит сам за себя»: конструирование медиареальности в телемагазине // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 7 (256). С. 106–113.
- Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
- Лутвинова О.В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: моногр. Волгоград: Перемена, 2009. 477 с.
- Митягина В.А., Сидорова И.Г.* Жанры персонального интернет-дискурса: коммуникативные экспликации личности // Жанры речи. 2016. № 2. С. 106–115. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-106-115.
- Мун Л.Н.* Автореферентность как творческий импровизационный прием в образовательном пространстве синтеза искусств и наук // Психология, социология и педагогика. 2012. № 2. URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/02/183> (дата обращения: 11.02.2021).
- Солодкова Е.В.* Женский автореферентный дискурс в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012. 204 с.
- Щитыцина Л.Ю.* Дигитальные жанры: проблема дифференциации и критерии описания // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: сб. науч. ст. СПб., 2006. Ч. 1. С. 377–389.
- Bolander B.* Language and Power in Blogs: Interaction, disagreements and agreements. John Benjamins Publishing Company, 2013. 275 p.
- Crowston K.* Internet genres. 2010. 38 p. URL: <https://crowston.syr.edu/sites/crowston.syr.edu/files/elischapter.pdf> (дата обращения: 28.02.2021).
- Herring S.C., Scheidt L.A., Bonus S., Wright E.* Weblogs as a bridging genre // Information, Technology & People. 2005. Vol. 18, no. 2. P. 142–171. DOI: 10.1108/09593840510601513.
- Mortensen T., Walker J.* Blogging thoughts: personal publication as an online research tool // Researching ICTs in context: InterMedia Report 3/2002 / ed. A. Morrison. Oslo: InterMedia: University of Oslo, 2002. P. 249–279.
- Rowley-Jolivet E., Campagna S.* From print to web 2.0: The changing face of discourse for special purposes // LSP Journal. 2011. Vol. 2, No. 2. P. 44–51.

Self-Reference in the Media / ed. by W. Nöth, N. Bishara. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. 340 p.

Источники

- Большой классический дом дизайнера. Обзор дома. House tour. Дизайн интерьера. Рум тур 159. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bCkLNvJB_3U (дата обращения: 01.02.2021).
- Волшебная двухкомнатная квартира. Дизайн интерьера двушки. Обзор квартиры. Рум тур 112. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iAt0Fqk31AA> (дата обращения: 03.02.2021).
- Вторая жизнь хрущевки. Обзор современной двухкомнатной квартиры. Дизайн интерьера. Рум тур 210. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3njUfzK-Uw> (дата обращения: 03.01.2021).
- Обзор микроквартиры. Двухэтажная студия 17м2. Как выжать максимум из студии? Рум тур 325. URL: https://www.youtube.com/watch?v=C4_a0TP_S4c (дата обращения: 08.02.2021).
- Обзор стильной однокомнатной квартиры. Дизайн интерьера однушки. Рум тур 153. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0pDmtKvpjRk> (дата обращения: 08.01.2021).
- Переделка 60-летнего дома: как креативная молодая пара подарила постройке вторую жизнь // Forumhouse. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Cmi5jBBXHuU> (дата обращения: 12.02.2021).
- Румтур: интерьер двухкомнатной квартиры 61 кв. м. Ремонт в стиле французский лофт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H3CI8dFicvk>, 2021 (дата обращения: 15.02.2021).
- Румтур: как сэкономить на дорогом ремонте. Дизайн интерьера 105 кв. м. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=et4FECQXEeM&t=104s> (дата обращения: 11.02.2021).
- Румтур. Обзор однокомнатной стильной хрущевки. Дизайн интерьера однушки. Room Tour 161. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=87GGtK1huhk> (дата обращения: 05.02.2021).
- Стильный ремонт в двушке своими руками. Обзор современной двухкомнатной квартиры. Рум тур 191. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aVrM1N-7yws>, 2021 (дата обращения: 07.02.2021).

References

- Bashlovkina, Yu.A. (2019), Classification of formats of video blog on the Russian segment of YouTube: genres and subgenres. *Chelovek v informatsionnom prostranstve* [The human in the informational space], materials of all-Russian interdisciplinary scientific and practical conference with international participation (Yaroslavl, November 15-17, 2018), Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University, pp. 205-207. (in Russian).
- Brazgovskaya, E.E., Smerdova, E.A. (2013), Cognitive capacity of autoreference: self-description in prose by Stanisław Lem. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, Iss. 2 (22), pp. 94-103. (in Russian).
- Bolander, B. (2013), *Language and Power in Blogs: Interaction, disagreements and agreements*, John Benjamins publ., 275 p.

- Crowston, K. (2010), *Internet genres*, 2010, 38 p., available at: <https://crowston.syr.edu/sites/crowston.syr.edu/files/elischapter.pdf> (accessed: February 28, 2021).
- Dakhalaeva, E.Tch. (2013), Self-referent genres of internet discourse. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, No. 4 (25), pp. 25-29. (in Russian).
- Govorunova, L.Yu. (2013) Otzyv turista kak novyi rechevoi zhanr turisticheskogo internet-diskursa [The review of the tourist as a new speech genre of the tourist internet-discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 1 (292), pp. 198-203. (in Russian).
- Goroshko, E.I. (2009), Internet-zhanr i funkcionirovanie yazika v Internete: popytka refleksii [The internet-genre and the functioning of the language: the trial of reflection]. *Speech Genres*, Iss. 6, pp. 11-27. (in Russian).
- Goroshko, E.I., Zhygalina, E.A. (2011), Virtual'noe zhanrovedenie: ustoyavsheesya i spornoe [The virtual genres study: the fixed and the discussable]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii»*, 2011, Vol. 24 (63), no. 1, pt. 1, pp. 105-124. (in Russian).
- Herring, S.C., Scheidt, L.A., Bonus, S., Wright, E. (2005), Weblogs as a bridging genre. *Information. Technology & People*, Vol. 18, no. 2, pp. 142-171. DOI: 10.1108/09593840510601513.
- Kozhemyakin, E.A. Krasikova, T.R. (2017), «This article speaks for itself»: construction of media reality on home shopping TV. *Belgorod state university scientific bulletin. Humanities*, No. 7 (256), pp. 106-113. (in Russian).
- Luman, N. (2005), *Realnost' mass-media* [The reality of mass-media], Moscow, Praxis publ., 256 p. (in Russian).
- Lutovinova, O.V. (2009), *Lingvokulturologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa* [The linguistic and cultural characteristics of the virtual discourse], Volgograd, Peremena publ., 477 p. (in Russian).
- Mityaguina, V.A., Sidorova, I.G. (2016), The genres of the personal internet discourse: communicative explications of a person. *Speech Genres*, No. 2, pp. 105-115. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-106-115. (in Russian).
- Mortensen, T., Walker, J. (2002), Blogging thoughts: personal publication as an online research tool. Morrison, A. (ed.) *Researching ICTs in context*, InterMedia Report 3/2002, Oslo, InterMedia publ., University of Oslo publ., pp. 249-279.
- Mun, L.N. (2012), Avtoreferentnost' kak tvorcheskii improvizatsionnyi priem v obrazovatel'nom prostranstve sinteza iskusstv i nauk [The self-reference as a creative improvisation method]. *Psychology, sociology and pedagogy*, No. 2, available at: <http://psychology.snauka.ru/2012/02/183> (accessed: February 11, 2021).
- Nöth, W., Bishara, N. (eds.) (2007), *Self-Reference in the Media*, Berlin, Mouton de Gruyter publ., 340 p.
- Rowley-Jolivet, E., Campagna, S. (2011), From print to web 2.0: The changing face of discourse for special purposes. *LSP Journal*, 2011, Vol. 2, no. 2, pp. 44-51.
- Shchipitsina, L.Yu. (2006), Digital'nye zhanry: problema differentsiatsii i kriterii opisaniya [The digital genres: the problem of differentiation and the criteria of description]. *Kommunikatsiya i konstruirovaniye sotsial'nykh real'nostei* [The communication and the construction of the social realities], The collection of

- scientific articles, Pt. 1, St. Petersburg, Roza mira publ., pp. 377-389. (in Russian).
- Solodkova, E.V. (2012), *Zhenskii avtoreferentnyi diskurs v angliiskom yazike* [The woman's self-reference discourse in the English language], PhD Thesis, Irkutsk, 204 p. (in Russian).

Sources

- Bolshoi klassicheskii dom dizainera. Obzor doma. House tour. Dizain inter'era. Rum tur 159*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=bCkLNvJB_3U (accessed date: February 1, 2021). (in Russian).
- Obzor mikrokvartiry. Dvukhetazhnaya studiya 17m2. Kak vyzhat' maksimum iz studii? Rum tur 325*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=C4_a0TP_S4c (accessed date: February 8, 2021). (in Russian).
- Obzor styl'noi odnokomnatnoi kvartiry. Dizain inter'era odnushki. Rum tur 153*, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=0pDmtKvpjRk> (accessed date: January 8, 2021). (in Russian).
- Peredelka 60-letnego doma: kak kreativnaya molodya para podarila postroike vtoruyu zhizn'. *Forumhouse*, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Cmi5jBBXHUu> (accessed date: February 12, 2021). (in Russian).
- Rumtur: inter'er dvukhkomnanoi kvartiry 61 kv. m. Remont v stile frantsuzskii loft*, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=H3CI8dFicvk> (accessed date: February 15, 2021). (in Russian).
- Rumtur: kak sekonomit' na dorogom remonte. Dizain inter'era 105 kv.m.*, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=et4FECQXEeM&t=104s> (accessed date: February 11, 2021). (in Russian).
- Rumtur. Obzor odnokomnatnoi stil'noi khruschchevki. Dizain inter'era odnushki. Rum tur 161*, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=87GGtK1huhk> (accessed date: February 5, 2021). (in Russian).
- Volshebnaya dvukhkomnatnaya kvartira. Dizain inter'era dvushki. Obzor kvartiry. Rum tur 112*, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=iAt0Fqk31AA> (accessed date: February 3, 2021). (in Russian).
- Vtoraya zhizn' khruschchevki. Obzor sovremennoi dvukhkomnatnoi kvartiry. Dizain inter'era. Rum tur 210*, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=3njUfzK-U-w> (accessed date: January 3, 2021). (in Russian).

THE SELF-REFERENCE COMPONENTS IN THE HOUSE OWNER DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF THE ROOM TOUR GENRE)

E.Ch. Dakhalaeva

Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract: The article is devoted to the self-reference category implementation in the discourse of a home owner on the material of the room tour Internet genre. The auto-reference or self-reference is defined by the author as a set of statements

expressed by speakers / writer about themselves, followed the scholars S.N. Plotnikova and E.V. Solodkova. The purpose of the study is to identify the ways of representing the self-reference category in the discourse of a home owner (using the example of the genre room tour, or house tour). The Russian Youtube-channels “Kak zhivut druguie” [How others live], “Inmyroom TV” and “Interior nalitso” [Examples of interior design] are used as the material for the research. The research methods used in the research are discursive and communicative analysis. Authors formulate the statement that the communicant attaches the significant importance to their homes, which acts as an important component of their personal space and is associated with such concepts as “Cosiness”, “Comfort”, “Safety”, “Family”, “Happiness”, “Calmness”, etc. Acting as owners of an apartment or house, the communicant forms a special discourse, “humanizing” their homes and interior items. In the discourse of the homeowners, one can observe the actualization of special epithets and metaphors traditionally applied to animate beings. Thus, speaking about their homes, the communicants are speaking about themselves.

Key words: auto-reference, self-reference, ino-reference, genres of Internet discourse, room tour.

For citation:

Dakhalaeva, E.Ch. (2021), The self-reference components in the house owner discourse (on the example of the room tour genre). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 751-765. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).751-765. (in Russian).

About the author:

Dakhalaeva, Elizaveta Chingisovna, PhD, Associate Professor of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 79, Svobodnyi pr., Krasnoyarsk, 660041, Russia

E-mail: lizdach@mail.ru

Received: March 18, 2021

Revised: April 24, 2021

Accepted: November 8, 2021

КОВИД-АНЕКДОТЫ В РУНЕТЕ: ТЕМАТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ

В.В. Дементьев

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)*

Аннотация: На материале около 2100 анекдотов про коронавирус и карантин (A_k) с сайта Anekdot.ru за период с марта 2020 по май 2021 г. осуществляется прагмасемиотическая систематизация (все результаты верифицируются количественно): 1) выделение и анализ тематических групп (про коронавирус и карантин «в чистом виде», политические, про женщин и мужчин, сексуальные, про пьянство, про школу / образование, лингвистические) и их динамики; 2) выделение и анализ структурных групп A_k по степени диалогичности: а) анекдоты со структурой, имитирующей ситуацию рассказывания анекдота или представляющей собой обмен репликами в диалоге; б) анекдоты-нарративы, включающие реплики персонажей в диалоге, но не состоящие из них одних; в) анекдоты-нарративы без реплик персонажей в диалоге; г) анекдоты со структурой, имитирующей монологическое мышление, «речь с самим собой»; д) вне оппозиции «диалог ~ отсутствие диалога»: сентенции, юмористические дефиниции, «списочные» анекдоты; 3) анализ ключевых слов; 4) реконструкция рисуемой в A_k картины ковида и борьбы с ним, оценочного образа мира в условиях пандемии: а) пандемия представляется как очень значимое событие внутренней жизни страны, при этом непосредственно связывается с внутренней политикой правительства, на которое возлагается практически вся ответственность за нее; б) совсем не представлена собственно медицинская составляющая пандемии: болезнь, ее протекание, симптомы, страдания людей; в) зато очень много внимания уделяется тому, как повлияли на жизнь простых людей мероприятия правительства: карантинные ограничения, переход на дистанционный режим работы и учебы. Психологически наиболее значительная составляющая пандемии – взаимоотношения простых людей в условиях самоизоляции (прежде всего – конфликты).

Ключевые слова: жанр анекдота, ковид-анекдот, анекдот про пандемию, комический интернет-жанр, анекдотная картина мира.

Для цитирования:

Дементьев В.В. Ковид-анекдоты в Рунете: тематические и структурные типы // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 766–789. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).766-789.

Сведения об авторе:

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики

ORCID: 0000-0002-7532-5788

Контактная информация:

Почтовый адрес: 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83

E-mail: dementevvv@yandex.ru

Дата поступления статьи: 09.08.2021

Дата рецензирования: 19.09.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

Введение

Анекдоты про коронавирус и карантин (далее – А_к) – важная часть «ковид-дискурса» 2020–2021 гг., наряду с другими, уже относительно хорошо изученными (в том числе лингвистами) частями, такими как «ковидемы» (лексические и синтаксические единицы, обозначающие номинанты, связанные с пандемией; см. исследования, семинары, конференции, посвященные изучению различных аспектов ковид-дискурса¹; онлайн-семинар, организуемый журналом *Russian Journal of Linguistics* (РУДН)²; также см. специализированный выпуск журнала «Коммуникативные исследования» (2020. Т. 7, № 4) и др.).

Анекдоты, которые в любом обществе и в любую эпоху активно откликаются на все общественно значимые события (в ряде исследований, напр.: [Шмелева, Шмелев 2005: 294; Седов 2007: 137; Дементьев 2011; Евсеева 2011; Левинсон 1996; Лендваи 2001; Соколов 2002], – было подтверждено, что русским анекдотам данное качество присуще в большой мере), конечно, не обошли вниманием пандемию: за последний год в Рунете появилось уже несколько тысяч А_к. Их место в общем пространстве русских анекдотов определяется не только собственно тематически, но и тем, что они накладываются на другие, традиционные типы – как тоже тематические, так и структурные.

¹ Напр., DWDS-Themenglossar zur COVID-19 Pandemie (<https://www.dwds.de/themenglossar/Corona>) – немецкий ресурс, включающий 1200 немецких неологизмов, например: *absondern* – отделить, изолировать; *babyelefant* – на расстоянии не менее одного метра от других людей; *cocooning* – уход из общественной жизни в частную; *coronabond* – меры помощи; *durchseuchung* – высокая степень распространения патогена; *existenzangst* – страх потерять экономические или материальные средства к существованию; *gabenzaun* – забор в общественном месте, где для нуждающихся оставляются пожертвования; *hamstern* – закупать впрок из-за боязни дефицита; *impfmüdigkeit* – отвращение к вакцинации и др.

² Life and language in the time of coronavirus: on-line seminar organised by Russian Journal of Linguistics. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oyRQDM8EZ9g> (дата обращения: 01.10.2021).

Несомненно, анекдоты – один из способов у народа осмыслить коронавирус, представить его: как страшное, опасное явление (одновременно смешное, как вообще нередко бывает в русской смеховой культуре), включающее ряд аспектов (протекание болезни, лечение, симптомы, профилактика, происхождение, конспирология); как уже часть новой реальности, включающей образ жизни, отношения людей, работу, образование, сферу обслуживания; как политику властей (и отражение общего отношения власти к народу – понятно, плохого); попутно – способ «обсудить» (=высмеять) «власть вообще», «Россию вообще», «Запад вообще», «современный мир вообще», «людей вообще» и т. п.

Методика

Прагмасемиотический анализ A_k , представленный в настоящей статье, предполагает рассмотрение трех аспектов: тематического, структурного, концептуального.

Выделение тематических групп и тематической динамики A_k – наиболее очевидный и естественный путь (возможно, «слишком естественный» и интуитивно понятный, поэтому все результаты будут верифицированы количественно).

Структурный анализ более сложен: будет сделана попытка выявить закономерности прагматической и нарративной структуры A_k , структурных типов и их динамики.

На основе этих двух микроисследований реконструируется рисуемая в A_k общая картина ковида и борьбы с ним, оценочный образ мира в условиях пандемии, система ценностей, «народная мудрость» (и в чем она состоит в данном случае).

Данная картина реконструируется на основе модели фреймового типа – в содержательной структуре выделяются актаны / слоты: ковид (болезнь, страдание, симптомы, лечение); власть (Президент, правительство, официальная медицина, официальная пропаганда); мероприятия по борьбе с ковидом (карантинные ограничения, маски, локдаун, самоудаленный и дистанционный режим, вакцинация); «заграница»; «просто люди» / граждане России (мужчины и женщины, мужья и жены, дети); работа; образование.

Для этой цели также осуществляется количественный анализ ключевых слов.

Материал – около **2 130** анекдотов с сайта **Anekdot.ru** за период с марта 2020 г. по май 2021 г. (количество слов – 50 725).

На разных этапах A_k представлены очень неравномерно.

Если принять в качестве гипотезы, что периодизация пандемии с точки зрения A_k в главном совпадает с общепринятой (медицина, социология, политика) периодизацией, где периоды совпадают с «волнами» пандемии, то выделяются четыре периода распространения A_k :

- **этап I** – начальный: первая волна пандемии, введение наиболее жестких карантинных ограничений (приблизительно середина марта – середина июня 2020 г.);
- **этап II** – относительная стабилизация ситуации, ослабление карантинных ограничений (середина июня – середина сентября 2020 г.);
- **этап III** – вторая волна (середина сентября 2020 г. – середина января 2021 г.);
- **этап IV** – начало вакцинации, снятие большинства карантинных ограничений, постепенное отступление заболевания (середина января – май 2021 г.)¹.

Этап I породил ожидаемый огромный всплеск активности A_k , на этапе II (стабилизация, затишье) их количество резко уменьшилось. Если в начале 2020 г. количество A_k в ежедневной подборке сайта Anekdot.ru достигало 100–200 (в относительном исчислении – от 70 до 90 %), то к середине снизилось до 5–10 % и меньше, а в июле 2020 г. были лишь единичные анекдоты на эту тему. Этап III ознаменовался ожидаемым всплеском, хотя и гораздо меньшим, чем на этапе I. На этапе IV появляется еще меньше A_k , лишь в отдельные дни бывают небольшие всплески активности (показательно, в каком контексте в них выступает коронавирус и карантин: в прошедшем (и глаголы в пр. вр.)).

Количественное распределение A_k по этапам следующее: этап I – 1 794 A_k , этап II – 55 A_k , этап III – 172 A_k , этап IV – 109 A_k .

Отсутствие прямой связи между степенью активности болезни (а значит, ее общественной значимостью) и степенью активности A_k объясняем тем, что ковид перестает восприниматься как страшное явление, а кроме того, перестает быть новой темой, вернее, «новой анекдотной темой» – важной для общества, но недостаточно отображенной в анекдотах. Сам факт, что тема уже получила очень большое отображение в анекдотах, влияет на появление новых анекдотов на этапах III и IV. Некоторое увеличение степени активности A_k на этапе IV по сравнению с этапом II связано с новым общественно значимым событием – вакцинацией.

1. Содержательные (тематические) группы анекдотов про коронавирус и карантин и их динамика

В рассмотренных нами 2 130 A_k отражено множество крупных и мелких событий в стране и мире, произошедших за описываемый период: «волны» (первая и вторая) пандемии, введение, продление, ужесточение и ослабление карантинных ограничений и режима самоизоляции, ожида-

¹ Статья писалась до начала третьей волны (гипотетический этап V). Также не рассматриваем «нулевой этап» – до середины марта 2020 г.: отдельные A_k появлялись, но в основном коронавирус и карантин подавались тогда как исключительно иностранное (прежде всего китайское) явление. (О лингвистической составляющей коронавируса на этом этапе см.: [Карасик 2020].)

ние выхода на плато (сроки несколько раз отодвигались), снабжение населения масками и лекарствами первой необходимости, появившийся дефицит некоторых товаров и продуктов (туалетная бумага, гречка), разработка вакцины и вакцинация населения.

Сюжеты A_k ожидаемо накладываются на такие злободневные события, связанные напрямую с коронавирусом и нет, как обращения Президента к народу (и их темы, например: «Пережили половцев и печенегов, переживем и это»), голосование по изменению Конституции («обнуление»), западные санкции, цены на нефть, политический кризис в Беларуси, отмена парада 9 мая 2020 г. и перенесение его на 24 июня, отмена Олимпиады-2020, подготовка и сдача ЕГЭ онлайн, заболевание известных деятелей политики, культуры, например премьер-министра М. Мишустина, пресс-секретаря Президента Д. Пескова, певца Л. Лещенко, знаковые («хайповые») высказывания отдельных публичных людей («Врач Мясников сказал, что коронавирусом заражаются те, кто его боится»).

Тематические группы

- Тема **Пандемии** оказалась настолько актуальна для анекдотов, что с этой точки зрения наибольшее количество A_k посвящено ковид-теме «в чистом виде», без наложения на другие темы – около 30 %:

А вы заметили, как происходит трансформация самоизоляции?

- добровольная самоизоляция
- необходимая самоизоляция
- вынужденная самоизоляция
- обязательная самоизоляция
- принудительная самоизоляция
- домашний арест

Оптимисты – ходят без масок, пессимисты – масок не снимают, а реалисты – сидят дома.

Как уже было сказано, A_k , кроме темы собственно коронавируса, охватывают целый ряд **других тем** – как прямо пересекающихся с коронавирусом, так и весьма далеких от него. В разных A_k ковид-темы накладываются на другие темы по-разному: от вполне естественного наложения (например, как изменилась жизнь и отношения в семье, на работе) до механического (видимо, чтобы сделать старый, а возможно, не очень удачный анекдот интереснее) – в результате иногда выявляются и обыгрываются неожиданные аспекты коронавируса. При этом выделяется ряд тем, значительно опережающих все другие: политические, про женщин и мужчин, сексуальные, про пьянство, про школу / образование, лингвистические.

- A_k , относящиеся к разряду **политических**, составляют около 25 % от всего объема материала, при этом большая часть таких A_k посвящена

внутренней политике, которая практически всегда подается с остро-критических позиций, как и «полагается» в политических анекдотах (в крайнем проявлении власть рисуется в анекдотах как настолько антинародная, что коронавирус представляется просто логичным продолжением ее политики; противоположный случай – коронавирус как часть «гибридной войны» Запада против России: тогда отечественная власть рисуется скорее положительно).

В целом актуализация и обострение политической тематики анекдотов в особенно тяжелые периоды – естественное явление (см.: [Карасик 1997; Курганов 1997; Левинсон 1996; Соколов 2002]): в периоды войн, стихийных бедствий и т. п. увеличиваются требования и множатся претензии к власти, на нее возлагается часть вины (или вся вина) за неблагоприятные события.

Ожидаемо «достаётся» Президенту:

Путин заявил, что у России «всё есть», чтобы справиться с текущей ситуацией с коронавирусом – здоровая сильная экономика, научный потенциал, материальная и высокопрофессиональная база в здравоохранении.

– А зачем они раньше это скрывали от нас?!

Путин приказал коронавирусу обнулиться к 1 июля.

• Кроме Президента, мишенью высмеивания в A_k частотно становится правительство – недифференцированно и с выделением отдельных деятелей, правящая партия «Единая Россия», официальные руководители медицины, официальные провластные пропагандисты и т. п. На них возлагается ответственность за беды, связанные с коронавирусом, за то, что плохо справляются со своими обязанностями, создают видимость деятельности при ее отсутствии, традиционно для политических анекдотов – за ложь, бездарность, коррупцию:

Второй волны коронавируса может и не быть, заявила Голикова, если все переболеют в первую волну, мы для этого очень стараемся.

Диалог народа с властью:

– А дышать еще можно?

– Пока можно, но мы прорабатываем и этот вопрос.

• **Международная политика** становится объектом A_k реже и обычно **в сравнении** с внутренней (так, в некоторых A_k отечественная политика подается еще более критично на фоне сравнительно благополучной зарубежной; в других – наоборот; наконец, высмеиваются равно и те, и другие):

Власти США, Германии, Британии людям:

– Сидите дома!

Люди:

– Как?! А жить на что?!

Власти:

– Сидите дома, вот вам деньги.

Власти России людям:

– Сидите дома!

Люди:

– Как?! А жить на что?!

Власти:

– Сидите дома, вот вам штрафы.

Путин искренне пожелал Борису Джонсону скорейшего выздоровления ...

Одними санкциями теперь не отделаемся, будут бомбить!

- Значительно меньше (около 4 % от общего количества политических A_k) группа A_k посвящена событиям пандемии за рубежом без сравнения с отечественными реалиями:

Теперь при отправлении в США нужно брать с собой не только намордник, но и наколенники.

Ну, карантин на Рождество немцы как-нибудь стерпят, а вот на Курбан-Байрам могут и взбунтоваться.

К странам, наиболее частотно представленным в этой группе, ожидаемо относится Китай (это подтверждают и ключевые слова *Китай, китайский, Ухань* – см. § 3):

Вынужден признать, впервые что-то, сделанное в Китае, продержалось так долго.

– А как Китай достиг таких успехов в борьбе с коронавирусом?

– Ну просто их правительство с первых дней решило строить больницы, чтобы не строить морги.

- Среди **неполитических** A_k самая большая часть посвящена теме, которая может быть определена как **«мужчины и женщины»**: отношения между членами семьи, любовниками и т. п. (их тоже около 25 %). Карантинные ограничения, переход на самоизоляцию привели к тому, что члены семьи непривычно большое время проводят вместе, в одном помещении, отсюда конфликты, которые частотно обыгрываются в A_k :

В России зафиксирован первый случай смерти от коронавируса.

Мужчина задушил свою тещу после 3-х дней совместного домашнего карантина...

Третий день карантина. Случайно разговорился с женой. Очень даже ничего баба оказалась.

Пришел мужик к любовнице, а там вся семья на самоизоляции.

- Своеобразным продолжением предыдущей темы выступает следующая по частотности группа A_k – **сексуальные** («похабные», в том числе с девиациями) (3 %):

А Степану я б дала, у него антитела.

Властью, данной мне самоизоляции, объявляю себя мужем и женой.

Новый прейскурант проститутки:

Минет – 3 000 рублей

Минет без маски – 8 000 рублей

- Карантинные ограничения, переход на самоизоляцию становятся причиной не только конфликтов в семье, но и не менее проблемного **одиночества**, которое приводит (в A_k) к психозам, разрушению личности:

На десятый день карантина моя собака сказала мне, что никогда не считала Ницше серьёзным философом.

– Васька, котик, ты тоже считаешь бредом, что люди на самоизоляции с ума сходят?

– Я не кот, я – уютюг.

- Лишний вес на карантине у женщин:

Пошла на кухню проверить, есть у меня COVID-19 или нет. Нюхала копченое сало.

Есть две новости. Коронавируса нет. Сала теперь тоже нет.

– Дорогой, тебе не кажется, что я как-то поправилась в последнее время?

– Да ты никогда и не была худой!

Время смерти: 17:20

Причина смерти: коронавирус

- Кроме конфликтов в семье, карантин и переход на самоизоляцию актуализировали такое отрицательное явление, как **пьянство** – этой теме посвящено около 5 % A_k :

Алкоголь от коронавируса может и не спасает, но пережить помогает крепко.

При входе в магазин не разрешайте приставлять градусник к вашему лбу, чтобы измерить температуру.

Они стирают так память.

Вчера я зашёл за хлебом и молоком, а вышел с двумя бутылками пива.

Пил все две недели на карантине. Никуда не выходил, ни с кем не контактировал, но всё равно заболел коронавирусом. Правда, ко мне приходила белочка. Думаю, она меня и заразила.

- Ожидаемо частотная тема, особенно актуализировавшаяся в период экзаменов в школе, ЕГЭ, – образование и его новые «карантинные» формы (дистанционные, онлайн) (4 %):

Училка на удаленке забылась и сказала: "Сегодня контрольная за четверть, прошу всех выключить свои гаджеты!"

Уважаемые родители! Убедительная просьба сдать до конца недели деньги на ремонт он-лайн школы!

Объявление: "Посмотрю за вас уроки онлайн, муж на час онлайн".

- Последняя тематическая группа A_k , относящаяся к высокочастотным (5 % от общего материала), может быть определена и как тематическая, и как структурно-тематическая, поскольку выделяется на основе не только тематики, но и формы, – **лингвистические A_k** .

Это весьма неоднородная группа, включающая:

- языковую игру «в чистом виде» (в том числе матерную):

Открытие в теории музыки: новая популярная тональность XXI века – ДомаЖор.

Прошедший год правильнее называть произошедшим.

– А ты какой вакциной прививаться будешь?

– Пф...

– Пфайзер?

– Я всё сказал

Коронавирусили, коронавирусили да не выкоронавирусили.

- A_k , обыгрывающие фразеологизмы и паремии (и их трансформации):

В это тяжёлое для страны время все мы вместе должны держаться друг от друга подальше.

Деньги не пахнут? Проверься на коронавирус.

В бедноте, да при Ковиде.

Русские почти народные пословицы и поговорки о карантине.

Жизнь прожить – не 100 метров перейти.

Где родился – там и самоизолировался.

Что у трезвого на уме, то теперь экстремизм.

Кто в лес, кто из Москвы.

Глаза бояться, а ноги идут в магазин.

Незванный гость – реже печенег.

Сделал дело – гуляй на балконе смело.

*Тише едешь – позже пропуск спросят.
Война войной, а бордюры – по расписанию.
Кто рано встает, тому бог пропуск дает.
Семь выходных на неделе.
У семи нянек – дитя без маски.
Каше маска не помеха.
С кем подцепишь, с тем и помрешь.
С бешеной собакой семь верст – всё в кайф.
Будешь много знать – купишь доллары вовремя.
В чужой монастырь со своим карантинном не ходят.
У кого чего болит, тот с тем дома и сидит.
По маске встречают, по температуре провожают.
До свадьбы доживет, до пика – нет.
Русский медленно запрягает, запрягает-запрягает, запрягает-запрягает.*

• Ак, обыгрывающие прецедентные тексты (в частности, сюжеты и персонажей известных книг, фильмов, песен, рекламы и под.) и их трансформации:

*Отряд не заметил потери бойца
И смело касался руками лица.*

Подборка фильмов на карантине:

1. Вечера на хуторе близ Уханьки
2. Иван Васильевич теряет профессию
3. Сходить в магазин за 60 секунд
4. Лара Крофт – посетительница больницы
5. Трое дома, нищета и собаки
6. После карантина: Узнай меня, если сможешь
7. COVID да Винчи
8. Переносчик
9. Достучаться до ЧС
10. Девятая рвота
11. Мастера маникюра, и где они принимают
12. Чужой против половцев и печенегов
13. Невыживший
14. Хоббит: Пустошь аптек
15. Страх и ненависть в однушке
16. Запах женщины на самоизоляции
17. Я не шагаю по Москве
18. Богатые тоже кашляют
19. Владимир Владимирович обнуляет профессию
20. Баллада о зарплате

21. 72 метра до аптеки
22. Я знаю, что ты будешь жирная летом
23. 1 – 1
24. Эффект летучей мыши
25. Гарри Поттер и узник дивана
26. Я, снова я и жена
27. Он вам не Эбола
28. Бизнес уходит в небо
29. Спассти рядового Лещенко
30. Бомж с Уолл-стрит
31. Самоизоляция Борна
32. Вирус легкого поведения
33. 33 оттенка гречки
34. Джентельмены на даче
35. Кошмар, на улице люди
36. Не грози южному Уханю, кашляя на своем балконе
37. 101 карантинец
38. Распиратор: Судный день
39. Чувак, где моя маска?!
40. Бедняковский период
41. 300 засранцев
42. Трудный ребенок: На дистанционном обучении
43. Служебный диван
44. ВАЛЛ'И домой
45. Как отделаться от парня за карантин
46. Корона в Российской Империи
47. Укрощение сопливого
48. Полицейская эпидемия
49. Узник замка ИВЛ
50. Пельмени исчезают в полдень

– Колобок, колобок, я тебя съем.

– А короной не подавишься?!

• Абсурдные Ак:

Вы знаете, на карантине дома совсем не скучно! Но как такое может быть, что в 1 кг пакета риса 2789 зёрен, а в другом 2804?

Хватит это терпеть! Давайте уже что-нибудь другое потерпим!

Ученые назвали главных распространителей коронавируса. Это больные коронавирусом.

Ну вот, вторая волна коронавируса. Опять придётся видеться с друзьями по зуму. Вместо того, чтобы как нормальные люди не видеться никогда.

А вы думали, что людям, которые носят маску под подбородком, просто наплевать на окружающих? На самом деле, они – замаскированные рептилоиды, и дышат жабрами на шее.

Следующая группа тем A_k представлена на порядок меньше (все – менее 1 %):

- этноанекдоты:

В Эстонии обнаружена новая мутация коронавируса: болезнь протекает очень медленно.

Украина прекращает разработку своей вакцины от коронавируса. У них всё время получается сало.

– в том числе «еврейские»:

– Рабинович, вы заболели и до сих пор не вызвали врача! Как вы это объясните?

– Во-первых, я не хочу портить статистику...

– А во-вторых?

– А во-вторых, я не уверен, что у меня коронавирус, но так уверен, что на карантине в районной больнице я сдохну...

- СМИ, ТВ- и интернет-новости, передачи, ведущие:

Срочная новость: коронавирусом заразились уже более 90 % новостей рунета.

– Мой сосед круглые сутки смотрит телевизор.

– Он что – дурак?

– Теперь – да.

• компьютеры и Интернет в широком смысле (сюда относятся разработки IT-технологий, организаторы онлайн-коммуникации, сисадмины, роль которых в условиях пандемии резко возросла, и т. п., а также собственно интернет-коммуникация, ее жанры, соцсети, онлайн-игры):

– Кажется, у меня – ковид...

– С чего ты взял?

– Да зашёл в тикток и не чувствую запаха дерьма!

Лаборатория Касперского приступает к выпуску медицинских масок. В случае обнаружения вируса, она краснеет и блокирует дыхание. Обновление вирусных баз со скидкой 50 %!

• Выделяются также немногочисленные A_k , накладывающиеся на традиционные среди русских анекдотов тематические (отчасти – структурно-тематические) серии: про Штирлица, армянское радио, британских учёных и т. п.:

Штирлиц чихнул. Вслед за ним чихнул Мюллер. Потом – Шелленберг. Затем – Кальтенбруннер. "Плато", – подумал Штирлиц.

• Наконец, обыгрываются сами анекдоты:

– Почему стало мало лайков на "anekdot.ru"? Ещё в прошлом году, например, можно было получить много лайков за хороший анекдот про тещу!

– Сегодня тоже можно получить много лайков за историю про тещу, рассказанную на новостных сайтах. Например, про тещу, заболевшую коронавирусом.

Следующий этап – попытка выявить **динамику** наиболее распространенных тематических групп и типов A_k . Данная задача облегчается тем, что сайт Anekdot.ru позволяет определять дату и новых, и старых анекдотов. С другой стороны, задача сильно затруднена тем, что, как было сказано, абсолютное большинство A_k относятся к этапу I (март – июнь 2020 г., см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение тематических типов A_k по этапам, %

Тематический тип	Этап				Всего
	I	II	III	IV	
Тема коронавируса и карантина «в чистом виде»	30	25	33	30	30
Политические (в том числе про Президента)	25	28	25	25	25
Про женщин и мужчин	25	30	23	25	25
Сексуальные	3	3	4	3	3
Пьянство	6	4	6	4	5
Про школу (образование)	3	4	4	5	4
Лингвистические	5	6	5	5	4

Как видим, на отдельных этапах фиксируется незначительный рост и незначительный спад некоторых тем A_k (например, рост числа политических и лингвистических на этапе II при уменьшении «ковида в чистом виде»).

Не удалось выявить ни политизации (хотя ожидалось, что антиковидные ограничения приводят к усилению недовольства властью, отсюда количество и эмоциональный накал политических анекдотов должны расти), ни, наоборот, повышения интереса к другим, подчеркнута неполитическим темам (люди устали от негатива): лингвистическим (чистый юмор), про животных.

2. Структурные типы анекдотов про коронавирус и карантин и их динамика: общая характеристика

О распределении интернет-анекдотов на сайте Anekdot.ru на структурные типы и отчасти динамике типов была наша статья [Дементьев 2017]¹. Повторим ее основные положения: структурное разнообразие юмористических текстов на сайте anekdot.ru очень велико – от афоризмов до мини-нарративов, – и, в строгом терминологическом смысле, нет оснований считать их все анекдотами. Как и в статье 2017 г., мы исходим из того, что это анекдоты, на том основании, что данные тексты размещены на «анекдотных» сайтах составителями, администраторами и пользователями данных сайтов, решившими, что текстам место под рубрикой «анекдоты». (Все эти люди, понятно, могут не быть специалистами-жанроведами, но являются носителями русского языка и «речезанровой компетенции», а значит, считая, что «текст X относится к жанру Y», они имеют для этого основания.) Выделяются три типа формы письменных анекдотов в Рунете на основании разной степени противопоставленности исходному (первичному) устному жанру – *рассказыванию анекдота*, структурные характеристики которого были выявлены Е.Я. и А.Д. Шмелевыми [Шмелева, Шмелев 2002: 29–30].

При выделении структурных типов A_k наиболее значимым тоже оказывается коммуникативное основание – выделение типов **по степени диалогичности**.

Выделяем пять типов:

Тип I – максимальная диалогичность:

а) анекдоты со структурой, имитирующей ситуацию рассказывания анекдота (на современных анекдотных сайтах это редкий тип, но узнаваемый):

Вот вы смеётесь, а коронавирус бросается на безмасочных людей с крыш супермаркетов. На моего знакомого дядю Васю набросился, так ему срочно пришлось принять поллитра антисептика, чтобы выжить.

– Почему Путин отменил с 12 мая нерабочие дни?

– Ну сам подумай. Россия сейчас на втором месте по числу заболевших коронавирусом. У нас появился реальный шанс догнать и перегнать в этом клятую Америку! Разве президент может упустить такую возможность?!

б) анекдоты, структура которых представляет собой обмен репликами в диалоге, прежде всего вопросно-ответное единство:

– Привет, как жизнь после карантина?

– Потерял работу, деньги, семью, а так всё нормально.

¹ Обсуждение вопросов тестовой, семиотической и т. д. структуры анекдотов также см. в: [Архипова 2007; Дементьев 2015; Евсеева 2011; Карасик 1997; Крейдлин, Шмелева 2008; Лендвай 2001; Норман 2003; Седов 2005; Соколов 2002].

- *А вакцинация будет добровольной или принудительной?*
- *Захотите – добровольной, не захотите – принудительной.*

- обыгрывающие прагматические неудачи:
 - *Скоро Новый год! Пора изменить жизнь к лучшему.*
 - *Маску в кармане на свежую заменить собрался?*

Тип II – анекдоты-нарративы, включающие реплики персонажей в диалоге, но не состоящие из них одних (включающие «слова нарратора»):

"Да что вы знаете о самоизоляции?!" – кричал Робинзон Крузо.

Гуляет супружеская пара.

Полиция:

– ?!

Жена:

– Я своего кобеля выгуливаю.

Тип III – анекдоты-нарративы без реплик персонажей в диалоге:

В Москве во время карантина отменяют график прогулок и вводят график загулов.

Люся Сидорова заявила подругам, что во время карантина села на жёсткую кефирную диету.

Но её предательски выдали капли борща на маске...

Сюда же относим разнообразные **стилизации** анекдотов под вербальные феномены, имеющие отчетливо коммуникативную природу, – объявление, телешоу, речь теле- и радиоведущих:

*Вирус, вирус, вирус, вирус, вирус, вирус,
вирус, вирус, вирус, вирус, вирус, вирус,
вирус, вирус, вирус, вирус, вирус, вирус,
вирус, вирус, вирус, вирус, вирус, вирус,
вирус, вирус, вирус, вирус, вирус, вирус,
вирус, вирус, вирус, вирус, вирус, вирус.
Вы прослушали сегодняшние новости.*

Начальнику 6-го отделения полиции Муромцеву А.И.

Заявление

Прошу Вас выставить пост полиции на лестничной клетке 6 этажа 2 подъезда по адресу Сказочный проезд 121, моя теща Клавдия Сергеевна постоянно нарушает постановление нашего любимого Губернатора в части самоизоляции и шастает по своим соседкам нашего дома, ой доведет до беды, и просьба задержать ее на 15 суток, ибо сил моих уже нет.

Тип IV – минимальная диалогичность: анекдоты со структурой, имитирующей монологическое мышление, внутреннюю речь, «речь с самим собой» и т. п. (*а вот интересно: ..., подумал, что..., (мне) показалось, что..., мне одному показалось, что...?*):

Увидел рекламу "Карантин – самое время клеить обои", а под ней новость, о том, что в карантине участились случаи семейного насилия. Задумался...

Я правильно понял, что богатые делают прививку, чтобы ходить по ресторанам, а бедные – чтобы ходить на работу?

Раньше как было. Достать из шкафа курточку, а в кармашке денежка лежит забыто-приныканая. Достая сегодня, она, масочка...!

Тип V – вообще вне оппозиции «диалог ~ отсутствие диалога», например, сентенции, юмористические дефиниции, «списочные» анекдоты, а также (с трудом относимая собственно к анекдотам) языковая игра «в чистом виде»: каламбуры и т. п. (примеры см. в параграфе 1):

- анекдоты-сентенции:

Маску на карантине нужно носить не для того, чтобы не заразиться, а для того, чтобы меньше жрать!

Первое правило работы на удалёнке: если ты не можешь достать это, не вставая с дивана, значит, оно тебе не нужно.

- «списочные» анекдоты / анекдоты-классификации:

В общем-то, о коронавирусе уже точно известно следующее:

1. Из дома выходить нельзя, но если нужно, то можно.
2. Маски вообще не помогают, но их обязательно носить.
3. Магазины закрыты, но их открывают если нужно.
4. В больницы бесполезно с этим идти, но идти обязательно.
5. Этот вирус смертельный, но в принципе не страшный.
6. Перчатки не помогут, но они нужны.
7. Все остаются дома, но все гуляют.
8. Еды в супермаркетах полно, но её кому-то не хватает.
9. Вирус на детей не действует, но дети в зоне опасности.
10. Оборудования не хватает, но оборудования достаточно.
11. Есть много симптомов того, что ты болеешь, но можно переболеть без симптомов.
12. Чтоб не болеть, нужно тренироваться, но в спортзалы и на пробежки нельзя.
13. Лучше всего гулять на воздухе, но на воздух, особенно в парки, нельзя.
14. Полные в зоне риска, но лучше сидеть дома и жрать, чем гулять на воздухе.

15. К пожилым людям нельзя приходить, но можно приносить продукты и лекарства.

16. Больным коронавирусом нельзя выходить, но можно ходить в аптеку и магазин – разъяснил кабинет министров.

17. Самим ходить к пожилым родственникам нельзя, зато можно заказывать им доставку, разносчики которой без масок и перчаток контактируют в день с сотней человек.

18. Каждый разжигающий панику начинает свое сообщение словами «не хочу разжигать панику, но».

19. Штрафы никак законно не обоснованы, но их выписывают.

20. Штрафы придуманы для нарушающих карантин, но можно штрафовать и тех, кто просто один вышел в парк.

19. Обещано пособие для безработных в размере 19500 рублей, но биржи труда отказывают в регистрации.

20. Чрезвычайное положение не объявлено, но власти ведут себя так, будто оно есть.

21. Домашнего ареста нет, но выходить никому нельзя.

22. На своей машине передвигаться можно, но ее увезут на штрафстоянку.

23. Вам с пожилой мамой и бабушкой встречаться нельзя, а постороннему узбеку-таксисту можно.

24. Персональные данные охраняются законом, но вы должны сдать их по первому свистку программе слежки, которая хранит их в открытом виде и никак не защищена.

25. Болеют только азиаты, но умерло больше всего европейцев.

26. Вирус живёт на разных поверхностях два часа, нет, четыре, нет, шесть, нет, семнадцать дней. Но ему нужна влажная среда. А, нет, уже не нужна.

• юмористические дефиниции:

Карантин – это заговор интровертов.

Неудачник – это тот, который может заразиться короной и от человека в маске...

Как известно, структурные типы гораздо меньше и медленнее, чем тематические, «успевают» за событиями меняющейся действительности (см.: [Дементьев 2017]). В случае A_k интересно проверить, отразилось ли реальное разъединение людей, составляющее суть ковид-карантина, на структуре анекдотов (за карантин привыкли к одиночеству, такие и анекдоты – монологические; наоборот, за карантин надоело одиночество, тянутся к диалогу – и в анекдотах тоже нарастает диалогизм – см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Распределение структурных типов A_k по этапам, %

Структурный тип	Этап				Всего
	I	II	III	IV	
I	15	14	16	14	15
II	25	25	24	25	25
III	25	22	26	25	25
IV	20	22	20	21	20
V	15	17	14	15	15

Как и в случае с тематическими группами, попытка выявить динамику структурных типов A_k сильно затруднена неравномерностью представленности по периодам.

В целом не удалось выявить социальных тенденций, таких как разобщенность и подоб.

Однако общая (недифференцированная по периодам) большая доля «монологических» типов (**IV** и **V**) представляется показательной.

3. Ключевые слова и их динамика

Распределение ключевых слов A_k по этапам в абсолютном исчислении по убыванию частотности представлено в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Распределение ключевых слов A_k по этапам

Слово	Этап			
	I	II	III	IV
Коронавирус (корона)	574+75	18+7	53+7	31+4
Маска	226	8	36	26
Россия, российский	223	7	25	14
«Просто» вирус	207	8	19	9
(Само)изоляция	183	4	2	3
Москва, московский	126	2	7	2
Путин	117	4	5	11
Эпидемия	83	2	4	1
Пандемия	70	5	12	10
Пропуск	61	0	1	0
Ковид / COVID	26+28	1+3	26+8	10+2
Зараза, заразить, заразиться	57	2	9	3
Вакцина, вакцинация	22+1	3+0	32+14	33+12
Правительство	47	0	5	2
Тест, тестировать	47	0	6	2
Власть	44	2	3	0
Врач	44	0	4	5

Продолжение табл. 3

Слово	Этап			
	I	II	III	IV
Народ	35	0	4	4
Рубль	34	1	6	0
Собянин	33	0	4	0
Плато	32	0	0	0
Мишустин	31	0	0	0
Смерть, смертельный, смертность	26	1	3	3
Полиция	25	0	1	0
Инфекция	23	1	0	1
Китай, китайский	22	0	6	1
Русский	22	1	1	5
Италия, итальянский	21	0	0	0
(Само)-удалёнка	20	1	0	0
Чихать, чихание	18	0	0	1
Водка	17	0	1	0
Рабинович	16	0	3	4
Гречка	16	0	0	0
Секс	15	0	1	0
Симптом	14	0	1	0
Европа, европейский	13	0	2	2
Нефть	13	0	0	0
Тёща	12	0	4	0
(Урок)-онлайн	12	0	2	0
Мясников	9	0	0	0
Трамп	9	0	9	0
Ухань	8	0	1	0
Росгвардия	9	0	0	0
Меркель	2	0	0	0
Доллар	6	0	1	0
ИВЛ	11	0	0	0
Пневмония	8	0	0	0
Антитела	8	0	2	2
Бессимптомный	6	1	2	0
Обнуление	6	0	0	0
Запах	6	0	4	2
Вкус	5	0	5	1
Роспотребнадзор	5	1	2	1
Медведев	5	0	1	0
Голикова	4	0	0	0
Грета Тунберг	3	2	0	0

Окончание табл. 3

Слово	Этап			
	I	II	III	IV
Навальный	4	0	0	3
Попова	2	0	0	0
Пьянство	2	0	0	0
Единая Россия	1	0	1	0
Памперсы	1	0	1	0
Подгузники	0	0	3	0
Обоняние	1	0	2	0
Спутник / Спутник V	0	0	8	7
(Центр)избирком	0	0	2	0
Локдаун	0	0	0	0
Кашель, кашлять	0	0	0	0
(Ковид-)диссидент	0	0	0	0

Жирным выделены те показатели, которые представляются особенно информативными (включая нули, которые оказались неожиданными для нас, например *ковид-диссидент*, *локдаун*). По-настоящему показательна, собственно, только частотность этапа I, поскольку остальные количественно несопоставимы, поэтому и о динамике вряд ли можно говорить с уверенностью. Однако некоторые показатели *не* из этапа I также представляются заслуживающими внимания – в сопоставлении с этапом I и без такого сопоставления; они также выделены жирным.

Общая более или менее тревожная, оптимистическая и т. д. тональность, нарастание раздражения и пессимизма в обществе и т. п. остались не рассмотрены. Вероятно, они требуют использования других методов.

4. Концептуальное осмысление пандемии в зеркале A_k (заключение)

Выделение основных тематических групп A_k и их распределение по частотности, а также анализ ключевых слов позволяют проследить заполнение в «анекдотной» картине мира актантов и слотов фрейм-модели пандемии, выделенных в начале настоящей статьи.

Итак, пандемия представляется в «анекдотной» картине мира как очень значимое событие внутренней жизни страны, при этом непосредственно связывается с внутренней политикой правительства, на которое возлагается практически вся ответственность за нее (бездействие и неразумная и/или преступная деятельность). Правительство чаще всего подается неперсонифицированно, исключение – Президент, роль которого в «анекдотной» картине мира двоякая: с одной стороны, он выступает как главная часть, персонификация правительства, с другой (реже) – противопоставляется правительству как позитивное начало негативному.

Гораздо реже пандемия представлена как часть международной политики.

Совсем не представлена в «анекдотной» картине мира собственно медицинская составляющая пандемии: болезнь, ее протекание, симптомы (такие как кашель), страдания людей (относительно большое количество «чихать» на этапе I не столько отражали особенности медицинского протекания болезни, сколько «помечали» людей, ею охваченных, это же относится к таким симптомам, как потеря вкуса, обоняния). Зато очень много внимания уделяется тому, как повлияли на жизнь простых людей мероприятия правительства: карантинные ограничения, переход на дистанционный режим работы и учебы, официальная пропаганда и под.

И здесь видно, что психологически наиболее значительная составляющая пандемии – отношения людей, прежде всего мужчин и женщин (уже – мужей и жен) в условиях самоизоляции. Главным результатом этих изменений стали конфликты. Неблагоприятные изменения затронули также такую важную часть отношений мужчин и женщин, как секс: его не стало меньше, но он стал менее радостным и тоже конфликтным. С другой стороны, почти не отмечается вполне ожидаемое в этих условиях распространение сексуальных девиаций. Среди главных результатов пандемии в «анекдотной» картине мира выступают также пьянство (у мужчин) (интересно, что пьянство – единственный слот, подаваемый в A_k радостно) и набирание лишнего веса (у женщин).

При этом коронавирус уже стал неотъемлемой частью и новой реальностью, в том числе лингвистической, и новой «анекдотной» картины мира, о чем говорит, например, большое количество A_k , обыгрывающих прецедентные тексты, помещение в них коронавируса в один ряд с такими значимыми и знаковыми, «анекдотогенными» явлениями, как сюжеты и персонажи известных книг, фильмов, сериалов и под.

Список литературы

- Архипова А.С. Штирлиц подвел итоги... Особенности возникновения каламбуров в кинозависимых анекдотах // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 475–498.
- Деметьев В.В. Интернет-анекдоты: некоторые структурные типы // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 118–135. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-118-135.
- Деметьев В.В. Анекдоты про плохих профессионалов («...по-моему, X вы так себе»): поиск новой институциональности? // Вестник Омского университета. 2015. № 1 (75). С. 188–191.
- Деметьев В.В. Анекдоты семидесятых: взгляд лингвиста. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 100 с.
- Евсеева И.В. Средства создания комического эффекта в русском анекдоте // Речевое общение. 2011. Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. С. 65–72.
- Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25–34. DOI: 10.26170/pl20-02-02.

- Карасик В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // *Жанры речи*. 1997. Вып. 1. С. 144–153.
- Крейдлин Г.Е., Шмелева Е.Я. Вербальные и невербальные элементы анекдота // *Скрытые смыслы в языке и коммуникации*. М.: РГГУ, 2008. С. 509–519.
- Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб.: Академический проект, 1997. 123 с.
- Левинсон А. «Новые русские» и их соседи по анекдотам // *Новое литературное обозрение*. 1996. № 22. С. 383–385.
- Лендваи Э. Прагмалингвистические механизмы современного русского анекдота: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 36 с.
- Норман Б.Ю. К анализу анекдота как жанра непрямого коммуникации // *Прямая и непрякая коммуникация*. Саратов: Колледж, 2003. С. 283–290.
- Седов К.Ф. Анекдот // *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация: моногр.* / под общ. ред. К.Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. С. 137–148.
- Седов К.Ф. Психоллингвистика в анекдотах: учеб. пособие. М.: Лабиринт, 2005. 112 с.
- Соколов К.Б. Анекдот и официальная картина мира // *Между обществом и властью: массовые жанры от 20-х к 80-м годам XX века*. М.: Индрик, 2002. С. 49–57.
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) // *Жанры речи*. 2005. Вып. 4: Жанр и концепт. С. 292–298.
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с. (*Studia philologica. Series minor*).

References

- Arkhipova, A.S. (2007), Shtirlits podvel itogi: Osobennosti vozniknoveniya kalamburov v kinozavisimykh anekdotakh [Shtirlitz summed up: Features of the origin of puns in cinematic jokes]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazykovyye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of the language. Language mechanisms of the comic], Moscow, Indrik publ., pp. 475-498. (in Russian).
- Demytyev, V.V. (2017), Internet anecdotes: some structural types. *Speech Genres*, No. 1 (15), pp. 118-135. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-118-135. (in Russian).
- Demytyev, V.V. (2015), Anecdotes about bad professionals ("...in my opinion, as X you are not up to much"): a search for new institutionality? *Herald of Omsk University*, No. 1 (75), pp. 188-191. (in Russian).
- Dement'ev, V.V. (2011), *Anekdoty semidesyatykh: vzglyad lingvista* [Anecdotes of the 70s: the Linguist's View], Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 100 p. (in Russian).
- Evseeva, I.V. (2011), Sredstva sozdaniya komicheskogo effekta v russkom anekdote [Means of creating a comic effect in a Russian joke]. *Rechevoe obshchenie*, Iss. 13 (21), pp. 65-72. (in Russian).
- Karasik, V.I. (2020), Epidemic in the mirror of media discourse: facts, evaluations, positions. *Political Linguistics*, No. 2 (80), pp. 25-34. DOI: 10.26170/pl20-02-02. (in Russian).
- Karasik, V.I. (1997), Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniya [Anecdote as an object of linguistic study]. *Speech Genres*, Iss. 1, pp. 144-153. (in Russian).

- Kreidlin, G.E., Shmeleva, E.Ya. (2008), Verbal'nye i neverbal'nye elementy anekdota [Verbal and non-verbal elements of a joke]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazykovyye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of the language. Language mechanisms of the comic], Moscow, RSUH publ., pp. 509-519. (in Russian).
- Kurganov, E. (1997), *Anekdot kak zhanr* [Anecdote as a genre], St. Petersburg, Akademicheskii proekt publ., 123 p. (in Russian).
- Lendvai, E. (2001), *Pragmalingvisticheskie mekhanizmy sovremennogo russkogo anekdota* [Pragmalinguistic mechanisms of the modern Russian anecdote], Author's abstract, Moscow, 40 p. (in Russian).
- Levinson, A. (1996), "Novye russkie" i ikh sosedi po anekdotam ["New Russians" and their neighbors in anecdotes]. *New Literary Observer*, No. 22, pp. 383-385. (in Russian).
- Norman, B.Yu. (2003), K analizu anekdota kak zhanra nepryamoi kommunikatsii [To the analysis of a anecdote as a genre of indirect communication]. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and indirect communication], Saratov, Kolledzh publ., pp. 283-290. (in Russian).
- Sedov, K.F. (2007), Anekdot [Anecdote]. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: daily communication], Moscow, Labirint publ., pp. 137-148. (in Russian).
- Sedov, K.F. (2005), *Psikholingvistika v anekdotakh* [Psycholinguistics in anecdotes], Moscow, Labirint publ., 112 p. (in Russian).
- Shmeleva, E.Ya., Shmelev, A.D. (2005), Russkii anekdot v dvadtsat' pervom veke (transformatsii rechevogo zhanra) [Russian anecdote in the twenty-first century (the transformation of the speech genre)]. *Speech Genres*, Iss. 4, pp. 292-298. (in Russian).
- Shmeleva, E.Ya., Shmelev, A.D. (2002), *Russkii anekdot. Tekst i rechevoi zhanr* [Russian anecdote. Text and speech genre], Moscow, Yazyki slavyanskoï kul'tury publ., 144 p. (in Russian).
- Sokolov, K.B. (2002), Anekdot i ofitsial'naya kartina mira [Anecdote and the official picture of the world]. *Mezhdú obshchestvom i vlast'yu: massovye zhanry ot 20-kh k 80-m godam 20 veka* [Between society and power: mass genres from the 20s to 80s of the 20th century], Moscow, Indrik publ., pp. 49-57. (in Russian).

COVID ANECDOTES IN THE RUNET: THEMATIC AND STRUCTURAL TYPES

V.V. Dementyev

Saratov State University (Saratov, Russia)

Abstract: In the article pragma-semiotic systematization is carried out (all results are verified quantitatively): based on approx. 2,100 anecdotes about coronavirus and quarantine (A_c) from the site Anekdot.ru for the period March 2020 – May 2021: 1) identification and analysis of thematic groups (about coronavirus and quarantine “in its pure form”, political, about women and men, sexual, about drunkenness, about school / education, linguistic) and their dynamics; 2) the allocation and analysis of structural groups (A_c) according to the degree of dialogicity:

a) anecdotes with a structure that imitates the situation of telling a anecdote or is an exchange of remarks in a dialogue; b) anecdotes-narratives, including replicas of characters in dialogue, but not consisting of them alone; c) narrative anecdotes without characters' replicas in dialogue; d) anecdotes with a structure that imitates monologic thinking, “speech with oneself”; e) outside the opposition “dialogue ~ lack of dialogue”: maxims, humorous definitions, “listed” anecdotes; 3) key words analysis; 4) the reconstruction of the picture of covid drawn in (A_c) and the fight against it, the evaluative image of the world in the context of the Pandemic: a) the pandemic is presented as a very significant event in the internal life of the country, while it is directly related to the internal policy of the government, which bears almost all responsibility for it; b) the actual medical component of the Pandemic is not represented at all: the disease, its course, symptoms, human suffering; c) on the other hand, a lot of attention is paid to how the government's measures influenced the lives of ordinary people: quarantine restrictions, the transition to a remote mode of work and study. Psychologically, the most significant component of the Pandemic is the relationship of ordinary people in conditions of self-isolation (primarily conflicts).

Key words: genre of anecdotes, covid anecdote, anecdote about the pandemic, comic Internet genre, anecdote picture of the world.

For citation:

Dementyev, V.V. (2021), Covid anecdotes in the Runet: thematic and structural types. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 766-789. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).766-789. (in Russian).

About the author:

Dementyev, Vadim Viktorovich, Prof., Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 83, Astrakhanskaya ul., Saratov, 410012, Russia

E-mail: dementevvv@yandex.ru

Received: August 9, 2021

Revised: September 19, 2021

Accepted: November 8, 2021

(ПОТЕНЦИАЛЬНО) ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В РЭП-БАТТЛАХ

М.А. Климова¹, И.В. Муфазалова²

^{1,2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Нижний Новгород, Россия)*

Аннотация: Изучаются прецедентные феномены в рэп-баттлах. Цель исследования – выявить особенности функционирования прецедентных феноменов в рамках коммуникативных стратегий самопрезентации и дискредитации и прецедентный потенциал единиц рэп-дискурса. Материалом для исследования послужили наиболее известные и резонансные русскоязычные баттлы с участием таких исполнителей, как Oxxxymiron, Слава КПСС, ST и Johnyboy. В ходе интен-анализа было установлено, что рассмотренным баттлам свойственно разнообразие тактик и частая их смена в пределах раунда. Прецедентные феномены наиболее активно используются для автохарактеристики, указания на референтную группу, издевки и развенчания притязаний. В отношении социумно-прецедентных имен субкультуры русскоязычного хип-хопа и потенциально прецедентных высказываний был проведен опрос для выявления их соответствия критериям прецедентности: общеизвестности (узнаваемости и воспроизводимости), отсылочности и однозначности интерпретации. Результаты опроса показали, что значительная часть респондентов узнавала единицы и их источник, правильно восстанавливала форму высказываний и верно трактовала их содержание. Примечательна готовность респондентов использовать потенциально прецедентные высказывания, особенно в трансформированном виде, за пределами рэп-дискурса, преимущественно в неформальном общении. Сделан вывод о том, что активное использование прецедентных феноменов в рамках рэп-дискурса и появление потенциально прецедентных единиц свидетельствуют о значительном влиянии рэп-баттлов на русскую лингвокультуру.

Ключевые слова: прецедентный феномен, рэп-дискурс, рэп-баттл, коммуникативная стратегия, потенциальная прецедентность.

Для цитирования:

Климова М.А., Муфазалова И.В. (Потенциально) прецедентные феномены в рэп-баттлах // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 790–809. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).790-809.

Сведения об авторах:

¹ **Климова Маргарита Андреевна**, кандидат филологических наук, доцент департамента прикладной лингвистики и иностранных языков

² **Муфазалова Ирина Вадимовна**, студент 4-го курса образовательной программы бакалавриата «Фундаментальная и прикладная лингвистика»

Контактная информация:

^{1,2} Почтовый адрес: 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12

¹ E-mail: mfokina@hse.ru

² E-mail: irinemfzlv@gmail.com

Дата поступления статьи: 28.04.2021

Дата рецензирования: 24.05.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

Введение

Рэп-баттлы – уникальный социально-культурный феномен, представляющий собой словесный поединок, участниками которого являются исполнители рэп-музыки или приверженцы хип-хоп культуры, а в качестве зрителей выступают поклонники данных исполнителей, а также заинтересованные в рэпе и хип-хопе люди. Рэп-баттлы стали неотъемлемой частью массовой культуры и на пике своей популярности в России собирали огромную аудиторию онлайн. Сегодня баттлы частично потеряли свою актуальность и аудиторию из-за ухода со сцены таких популярных баттл-рэперов, как Оксимирон и Гнойный. Однако сам жанр нельзя считать умирающим: появляются новые площадки и исполнители. Действительно, о рэп-баттлах перестали говорить в СМИ, но поскольку на пике своей популярности они привлекали столь много внимания, спустя несколько лет мы можем увидеть, какой след оставило данное явление. Популярность баттлов в медиасреде позволяет сделать предположение о том, что некоторые из наиболее успешных высказываний рэп-исполнителей будут закреплены в среде поклонников, других представителей хип-хопа и, возможно, более широкой аудитории, т. е. можно говорить об их потенциальной прецедентности.

Важно отметить, что хотя баттлы, как и песни, считают жанром рэпа, необходимо различать рэп-дискурс и дискурс рэп-баттлов: у баттлов есть свои композиция, стилистика и содержание [Лассан 2018а, б], что позволяет говорить о них как о принципиально ином жанре. Данная статья посвящена прецедентным феноменам в рэп-баттлах и представляет собой анализ того, в каких тактиках стратегий дискредитации и самопрезентации они обычно используются и какие из высказываний, рожденных в дискурсе рэп-баттлов, становятся прецедентными.

Рэп как часть субкультуры хип-хопа и, в частности, баттл-рэп становятся объектом рассмотрения как в отечественной, так и в зарубежной академической среде. Рэп активно изучается в рамках культурологии [Фро-

лова 2015; Serpinskaya 2018] и социологии [Martinez 1997; Androutsopoulos 2010; Bramwell, Butterworth 2019]. Лингвистические исследования уделяют внимание особенностям языка рэп-дискурса [Mataruga 2011; Cotgrove 2018; Werner 2019] и специфике русскоязычного рэпа [Лассан 2018а, б; Колесников 2014; Гриценко, Дуняшева 2013; Карпушкин, Шмелева 2011]. Установлено, что тексты рэп-дискурса имеют ряд отличительных особенностей, в частности широкое употребление сниженной лексики и разнообразие выразительных средств на лексическом уровне, а также эллипсис на синтаксическом уровне [Степанов, Болотова, Леонова 2018].

Русский рэп нацелен на привлечение внимания, сопротивление, протест и критику, как и свой предшественник – американский рэп. Однако в настоящее время русский рэп имеет ряд собственных особенностей, а хип-хоп культура, переняв социокультурные особенности, адаптировалась к российским реалиям. В отличие от американского варианта, русский рэп более лиричен. Данную тенденцию можно связать с традициями отечественной лингвокультуры и, в первую очередь, с русским литературным наследием. Наконец, для русского рэпа значительно меньше, чем для афроамериканского, характерны мотивы исключительности, избранности, лидерства и превосходства [Гриценко, Дуняшева 2013], а также мизогиния [Дуняшева 2012].

Изучив эволюцию жанра рэп-баттлов, можно с уверенностью сказать, что его тексты претерпели много изменений и их природу можно назвать двойственной. С одной стороны, рэперы отдают предпочтение таким языковым средствам, как обценная и сниженная лексика, иноязычные обращения и ругательства и др. С другой стороны, происходит постепенная интеллектуализация образцов жанра, связанная с усложнением смысла текста, требующим дополнительных усилий слушателя или зрителя для его интерпретации, и выражающаяся с помощью метафоризации, иронии, языковой игры и интертекстуальных связей [Петрова, Рацибурская 2011; Рацибурская 2015]. Под интертекстуальностью понимается наличие в тексте элементов, которые, вследствие целенаправленной авторской стратегии или же безотносительно его интенции, активируют в сознании читателя другие, прочитанные им ранее тексты [Малаховская 2007].

Интертекстуальность весьма широко используется в текстах рэп-баттлов, так как является одним из самых успешных способов «украшения» текста. Особый интерес вызывает использование в текстах дискурса рэп-баттлов прецедентных феноменов как частного случая интертекстуальности. Вслед за В.В. Красных мы понимаем под прецедентными широко известные, когнитивно значимые и регулярно воспроизводимые феномены национально-лингвокультурного сообщества, представляющие собой имена, тексты, высказывания или ситуации [Красных 1998]. Для рэп-дискурса характерно активное использование как внутридискурсивой

прецедентности, т. е. многочисленны упоминания имен известных рэперов и цитат из баттлов и песен, так и «внешней» прецедентности, апеллирующей к универсальным либо национально-культурным феноменам [Колесников 2014].

Нельзя не отметить схожесть жанров рэп-баттлов и политических дебатов в западной традиции [Степанов, Болотова, Леонова 2018]. Оба жанра являются вариациями агонального дискурса, т. е. выражают идеи состязательности и враждебности, и имеют общие признаки и схожи по организации. Агональность данных жанров проявляется в коммуникативных стратегиях и тактиках, реализуемых авторами в своих текстах. В отличие от политического дискурса, речевые стратегии и тактики которого становились объектом активного изучения [Заикина 2011; Паршина 2004; Фокина 2015], дискурс рэп-баттлов недостаточно исследован в аспекте интенций исполнителей и их реализации.

По нашему мнению, в таком жанре выступления, как рэп-баттл, основными интенциями рэп-исполнителей являются компрометация соперника и самопредставление. Данным интенциям сопоставимы стратегии дискредитации и самопрезентации. Под дискредитацией понимается потеря доверия к кому-либо и совокупность речевых действий, имеющих целью вызвать сомнение в чьих-либо положительных качествах [Иссерс 2008]. Самопрезентация понимается как самопредставление оратора публичке для формирования положительного образа и отношения, завоевания авторитета [Киянова 2017]. В русском языке для реализации данных стратегий часто используется метафорический потенциал прецедентных феноменов [Фокина 2015].

Изучение прецедентных феноменов в рамках коммуникативных стратегий и тактик проводилось на материале политического дискурса [Дмитриева, Голомидова 2019; Фокина 2015]. В отношении рэп-дискурса А.А. Колесниковым сделан вывод о том, что прецедентные имена используются для введения в текст культурного маркера, который будет понятен и воспринят большинством представителей данной социальной группы [Колесников 2014]. Однако работ о функционировании прецедентных феноменов в рамках стратегий дискредитации и самопрезентации в рэп-баттлах еще не было представлено.

Для единиц, являющихся частью текста баттла и имеющих прецедентный потенциал ввиду его значимости для сообщества, актуален вопрос установления прецедентного статуса. На наш взгляд, вопрос о причислении данных феноменов к разряду социумно-прецедентных возможно решить с использованием критериев прецедентности, включающих общеизвестность, образность, отсылочность, культурную и когнитивную значимость, осознанность использования и однозначность интерпретации [Фокина 2017]. Общеизвестность обеспечивается через узнаваемость и воспроизводимость и является сильным критерием, однако ограни-

ченность данного критерия временными, социальными и территориальными рамками, а также его немаркированность обуславливают необходимость учета других критериев. В качестве сопутствующих для узнаваемости были выбраны критерии отсылочности и однозначности интерпретации, актуальные с точки зрения воспринимающего сознания. Таким образом, в контексте данного исследования интерес представляют узнаваемость прецедентного высказывания представителями сообщества, наличие знаний об источнике высказывания и однозначное понимание его содержания.

Цель исследования – выявить особенности функционирования прецедентных феноменов в рамках коммуникативных стратегий самопрезентации и дискредитации и проанализировать, какие из высказываний, рожденных в рэп-баттлах, становятся прецедентными. В соответствии с этим исследование было поделено на два этапа, посвященных анализу прецедентных феноменов в тактиках стратегий самопрезентации и дискредитации и прецедентному потенциалу высказываний соответственно.

Материал и методы исследования

Эмпирический материал представили расшифровки наиболее просматриваемых видеозаписей рэп-баттлов в российском сегменте YouTube:

- VERSUS X SLOVOSPB: Охххумирон VS Слава КПСС (Гнойный)¹, 14 августа 2017 г. (49 622 826 просмотров)
- VERSUS #5 (сезон III): Охххумирон VS ST², 19 июня 2016 г. (26 813 607 просмотров)
- VERSUS #1 (сезон III): Охххумирон VS Johnnyboy³, 12 апреля 2015 г. (53 316 061 просмотр)

Перечисленные рэп-баттлы становились мощными инфоповодами для СМИ: исполнителей приглашали на телевидение⁴ и посвящали им выпуски новостных программ⁵.

На первом этапе исследования был проведен интент-анализ первых двух из перечисленных баттлов на предмет использования прецедентных феноменов в реализации стратегий самопрезентации и дискредитации. Необходимо отметить, что, хотя в свободном доступе в сети «Интернет» можно найти тексты баттлов, снабженные пояснениями (см., напр.: <https://genius.com/12517313>), в выборе отрезков текста, достойных ком-

¹ URL: https://www.youtube.com/watch?v=v4rvTMBCJD0&ab_channel=versusbattleru.

² URL: https://www.youtube.com/watch?v=gGuYELy8w6s&ab_channel=versusbattleru.

³ URL: https://www.youtube.com/watch?v=MVouMFKmaeI&ab_channel=versusbattleru.

⁴ Гнойный и Хан Замай о рэп-баттлах в программе «Агора» телеканала Культура – Россия 24. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pE0skC2tq-A>; Охххумирон в гостях у Ивана Ургантa. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Lu_KTzz8XJR0 (дата обращения: 01.10. 2021).

⁵ Рэп-баттл Охххумирон vs Гнойный стал одним из самых обсуждаемых событий августа // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2017-09-03/331922rep_battl_oxhxmiron_vs_gnoyny_stal_odnim_iz_samyh_obsuzhdaemyh_sobytiy_avgusta/.

ментария, составители не руководствуются какими-либо научными понятиями, а скорее разъясняют слова и выражения, наименее понятные среднему читателю или зрителю. Данные комментарии могут служить отправной точкой исследования прецедентных феноменов в баттлах и особенно полезны в вопросах распознавания и трактовки социумно-прецедентных феноменов. Тем не менее подобные ресурсы не могут рассматриваться как исчерпывающий список прецедентных феноменов в анализируемых баттлах.

Поскольку второй этап исследования затрагивал критерии прецедентности, актуальные с точки зрения воспринимающего сознания, в качестве основного метода исследования был выбран опрос посредством Google Form. Из представленных баттлов были выбраны 10 высказываний. Материал был разделен на две группы: высказывания (1)–(4), содержащие прецедентные феномены, и высказывания (5)–(10), имеющие потенциал стать прецедентными:

(1) *Я подписался на Black Star... но только в Instagram'e (ST).*

(2) *Ты Ресторатор на минималках (Охххумiрон).*

(3) *Рядом с тобой даже Johnyboy был трушный пацан (Охххумiрон).*

(4) *Я твой личный Noize MC, ты мой личный Хованский (Johnyboy).*

(5) *Я здесь чисто по фану, поглумиться над слабым (Охххумiрон).*

(6) *Лучше я сдохну е...учим ноунеймом, чем прославорюсь и стану тобой! (Гнойный).*

(7) *Нет, у меня тоже есть скелеты в шкафу. Но это скелеты тех, с кем я баттлил раньше (Охххумiрон).*

(8) *Сегодня ты смотришь батлы без панчей, а завтра – порнуху без баб (Гнойный).*

(9) *Но только раненый лев – это все еще лев, а здоровый шакал остается шакалом (Охххумiрон).*

(10) *Ты забавный косплей на меня (Охххумiрон).*

Что касается высказываний (1)–(4), следует заметить, что социумно-прецедентные имена, используемые в них, имеют источником рэп-дискурс, в отличие от самих фраз, порожденных именно дискурсом рэп-баттлов, а значит, могут быть знакомы поклонникам не только данного жанра, но и всей субкультуры в целом.

Также важно отметить, что высказывания (5)–(10) были отобраны для исследования их потенциальной прецедентности на основании того, что все они уже получили распространение за пределами породивших их текстов. Так, некоторые из них используются в других баттлах, например высказывание Оксимилона: *Но только раненый лев – это всё еще лев, а здоровый шакал остается шакалом* – употребляется баттлером АО (в баттле против Сережи Сотникова Рэпера: https://www.youtube.com/watch?v=_EOdyW-5y5E&). Однако, некоторые из приведенных фраз можно встретить и вне дискурса рэп-баттлов. Например, уже упомянутое высказывание: *Но*

только раненый лев – это всё еще лев, а здоровый шакал остается шакалом – нашло применение в меме (https://vk.com/wall-8722610_25729871), а высказывание: *Ты забавный косплей на меня* – стало названием для фанфика (<https://ficbook.net/readfic/6166846>). Необходимо отметить, что становление прецедентности представляет собой постепенный процесс, интересный для изучения за счет своей многоаспектности. Использование высказываний из рэп-баттлов в других образцах жанра или за пределами хип-хопа демонстрирует соответствие критерию воспроизводимости, однако для обоснованности выводов следует также учитывать другие критерии прецедентности, в первую очередь степень узнаваемости данных высказываний среди поклонников, а также среди более широкой аудитории.

Для каждого высказывания из первой группы респондентам предлагались два раздела. В первом разделе содержался вопрос: «Знакома ли Вам эта фраза?» Если на этот вопрос был дан отрицательный ответ, респонденту предлагался первый раздел для следующего высказывания, если положительный – следующие вопросы:

- «Где вы слышали эту фразу?»
- «Знаете ли Вы, кто является автором этого высказывания?»
- «Впишите имя / псевдоним автора: (пропустите, если ответили "нет")».

• «Что такое / Кто такой / Кто такие {прецедентное имя другого исполнителя}?»

• «Объясните значение этой фразы. Может быть, Вы знаете, что имеет в виду автор? Постарайтесь, пожалуйста, дать развернутый ответ».

Для каждого высказывания из второй группы респондентам также предлагались два раздела. Первый состоял из одного вопроса. Из каждого высказывания было исключено слово или словосочетание, например: «Ты забавный __ на меня». Далее респонденту предлагалось самостоятельно заполнить пропуск или выбрать один из следующих ответов: «Слышал(а) фразу, но затрудняюсь вставить пропущенное слово», «Не слышал(а) фразу и затрудняюсь вставить пропущенное слово». Наше исследование фокусировалось на знакомстве респондентов именно с дискурсом рэп-баттлов, поэтому, если респондент выбирал последний ответ, т. е. не узнавал данную фразу, ему / ей предлагалось следующее по списку высказывание, и респондент не допускался к основному блоку вопросов, представленных далее. Если респондент, напротив, заполнял пропуск или выбирал вариант ответа: «Слышал(а) фразу, но затрудняюсь вставить пропущенное слово», – предлагались следующие вопросы:

- «Где вы слышали эту фразу?»
- «Легко ли Вам удалось вставить пропущенное слово?»
- «Знаете ли Вы, кто является автором этого высказывания?»
- «Впишите имя / псевдоним автора. Пропустите, если ответили "нет"».

• «Как Вы понимаете значение этой фразы? Может быть, Вы знаете, что имеет в виду автор? Постарайтесь, пожалуйста, дать развернутый ответ».

• «Оцените, могли бы ли Вы употребить эту фразу. (По шкале от 1 до 5, где 1 – точно бы не употребил(а), 5 – точно употребил(а) бы».)

• «Как Вам кажется, в каких сферах / ситуациях было бы уместно использовать данную фразу?»

В последнем разделе опроса респондентам предлагалось выбрать те утверждения, которые характеризуют их отношении к рэп-культуре:

• «Слушаю песни русскоязычных рэп-исполнителей (Слава КПСС и другие)».

• «Слушаю песни зарубежных рэп-исполнителей (Eminem и другие)».

• «Смотрю русскоязычные рэп-баттлы (VersusBattle, Slovo и другие)».

• «Смотрю зарубежные рэп-баттлы (KOTD и другие)».

• «Не смотрю рэп-баттлы».

• «Не слушаю рэп».

В последний раздел также были включены вопросы о самих респондентах: об их поле и возрасте. Несмотря на то, что баттлы приобрели поклонников разных возрастов, основной их аудиторией является молодежь. Поэтому в процессе распространения нашего опроса мы опирались именно на критерий возраста: анкета распространялась среди студентов НИУ ВШЭ – НН, а также с помощью открытой группы (65 тыс. подписчиков) в социальной сети «ВКонтакте», имеющей целевой аудиторией интересующую нас группу.

Результаты и обсуждение

В ходе первого этапа исследования было установлено, что прецедентные феномены из разнообразных сфер-источников активно задействованы участниками баттлов в реализации стратегий самопрезентации и дискредитации. В частности, в рамках самопрезентации исполнители используют прецедентные феномен для обозначения следующих черт автохарактеристики: разоблачитель (*Но я в роли НТВ – кто хочет здесь всю подноготную про SlovoSPB? – Охххуmiron*), революционер в сфере хип-хопа (*А я везу вам революцию, как встарь, по дороге из Тушино – Гнойный*), непримиримый баттл-рэпер (*Осыпаю градом панчлайнов – зови это флоу Мейвезер – Гнойный; Ни респекта, ни понимания – я не Гарри Топор – Охххуmiron*), победитель (*Я выиграл два баттла, но Бог любит троицу – ST*), живой человек со своими слабостями (*Сейчас есть пята ахиллесова – я стал уязвимым... Да года два в шкафу пылиться мой бронезилет / Я по утрам встаю и делаю кофе жене – ST*). Прецедентные имена в текстах Охххуmiron маркируют референтную, т. е. ценностно близкую исполнителю группу: *А теперь за меня эпилог зачитает мой мёртвый хоуми – а.к.а. Николай Гумилёв; это Рембо, вот Гумилёв / Кобейн, Вийон, Лот-*

реамон / Егор Летов и Блок... Это поэты, сила и свет / В них это есть, а в тебе, увы, нет.

В стратегии дискредитации центральное место занимают тактика издевки (*Такого уж ни у кого не было, да? / Ни у **Оруэлла**, ни у **Замятина** / Это как бы попсовый мотив, который за...бал уже окончательно – Гнойный об альбоме Oxxxumiron; У него лейбл, империя, и он **шалльной императрица в нем / В объятиях юных кавалеров забывает обо всем – ST; Ты подкован, но подкованной может быть даже блоха – ST**) и коммуникативный ход развенчания оппонента в рамках тактики оскорбления (*Играть в ковбоев – с...ка, брось этот опыт / Лишь в **“Горбатой горе”** ты был бы вождь краснож...пых – Гнойный; Весь ваш Оксимирон хваленый, без палочки ноль / Кому вы сдали трон свой – смотрите, он **голый король!** – ST*). Сравнение с прецедентными феноменами также усиливает прямое оскорбление (*Как генерал **Власов** – ты просто мразь и предатель – Гнойный*).*

Примечательно, что возвышение себя и принижение оппонента зачастую соседствуют в одном высказывании: *Есть персонажи: злой ботаник, добрый альфа-самец / А есть реальность, где ты – тряпка в хоре стадных овец / А я как хоббит – **Фродо Бэггинс**, из романа колец / Я дойду до цели, хотя я них...я не храбрец*. В данном примере Oxxxumiron отказывается от коммуникативного хода навешивания ярлыков, однако тем не менее противопоставляет себя оппоненту, используя прямое оскорбление и самопрезентацию с применением метафорического потенциала прецедентного имени. В следующем примере Oxxxumiron использует компоненты прецедентного текста для приписывания себе доминантной роли в коммуникации: *Я знал, что **Готэму** нужна фигура **Джокера** / Но я сам себе режиссер – я тебя создал и снял / Я – **Брюс Уэйн** и **Кристофер Нолан** в одном... Да, ты – **Джокер**, но в моем рукаве*. Подобная интенциональная плотность текста может быть связана с его стихотворным началом, предполагающим информативное богатство при ограниченном объеме плана выражения.

Опрос, проведенный в рамках второго этапа исследования, прошло 267 респондентов, для анализа оказалось пригодно 266 ответов. Почти 57 % респондентов были мужчины, 43 % – женщины. Абсолютное большинство – 84 % респондентов – по возрастному признаку отнесли себя к категории людей от 18 до 24 лет. Что касается уровня знакомства наших респондентов с рэп-баттлами и рэп-музыкой в целом, почти 40 % женщин и 32 % мужчин не слушают рэп-музыку и не смотрят рэп-баттлы; 40 % женщин и 31 % мужчин отметили, что они слушают рэп-музыку, но не смотрят рэп-баттлы; 20 % женщин и 37 % мужчин-респондентов знакомы с таким жанром, как рэп-баттл.

Сначала анализировались ответы на вопросы, затрагивающие высказывания (1)–(4), содержащие социумно-прецедентные имена, принадлежащие рэп-дискурсу.

1. Известность высказывания. Каждое высказывание знакомо в среднем 22 % всех респондентов. Наименее известной оказалась фраза (1) – 13,5 %; самой узнаваемой – (2) – 27,7 %. Такие результаты могут быть связаны с популярностью рэп-баттлов, которым принадлежат фразы.

2. Правильное определение источника фразы. В среднем 44,5 % респондентов, указавших, что знают предложенную фразу, правильно определили рэп-баттл. Самый узнаваемый баттл, судя по правильному определению источника высказывания, – баттл Оксимилона и Гнойного: 57 % респондентов правильно указали участников для высказывания (3). Самым неузнаваемым стал баттл Оксимилона с СТ – 36 % для высказывания (1), что также можно связать с количеством просмотров этих баттлов. В качестве источника респонденты также называли площадку, на которой проводились баттлы (*versusbattle*, *рвать на битмах*), а также варианты, указывающие на знакомство с высказываниями в их вторичном использовании (*от друзей*, *социальные сети*, *мемы*).

3. Правильное определение исполнителя (его имени или сценического псевдонима). В среднем 76 % респондентов верно называли автора высказывания. Здесь также просматривается закономерность: доля правильных ответов пропорциональна количеству просмотров баттла, которому принадлежит высказывание: 92 % правильно указали автора фразы (2) для баттла Оксимилона и Гнойного и 58 % для фразы (1). Интересно, что для высказываний (3) и (4) респонденты ошибочно называли автором высказывания его оппонента в баттле (13 и 23 % соответственно), тогда как для высказываний (1) и (2) такой тенденции не наблюдалось – респонденты либо воздерживались от ответа, либо указывали, что не помнят автора.

4. Правильное определение прецедентного имени из высказывания. Поскольку целью первого этапа данного опроса было выяснить, насколько узнаваемы социумно-прецедентные имена рэп-дискурса, под правильным определением прецедентного имени из высказывания подразумевалось описание его носителя. Проверялись следующие прецедентные имена (в скобках представлен номер фразы): «Black Star» (1), «Ресторатор» (2), «Johnyboy» (3), «Noize MC» и «Хованский» (4). Так, в среднем 93,5 % респондентов правильно определили, кто или что стоит за прецедентным именем. Наиболее узнаваемое имя – «Johnyboy»: 98 % респондентов из тех, кто знает высказывание, и наименее узнаваемое – «Ресторатор»: 90 % верных ответов. Респонденты давали определение референта прецедентного имени несколькими способами: 1) через деятельность (*баттлер*, *ведущий на версусе*, *рэпер*), 2) через образ оппонента (*баттлится с Окси*), 3) через национальность (*Латыш-рэпер*), 4) через словарное определение лексемы (только для имени «Ресторатор»: *Человек, занимающийся ресторанным бизнесом*), 5) через внешность (*Лысый из клуба 1703*).

5. Объяснение смысла высказывания. Респонденты раскрывали смысл фразы тремя способами: 1) с помощью прецедентных имен, не содержащихся в исходном высказывании (в среднем 32 % респондентов из узнавших предложенную фразу), что говорит о том, что прецедентными именами респонденты владеют и, в целом, они им знакомы; также респонденты подключали свои фоновые знания о баттле, авторе высказывания и описываемых в них ситуациях – например, для фразы (1) встретился следующий ответ: *Автор, кстати, не был подписан ни на страницу, ни на лейбл*, 2) с помощью исходного прецедентного имени (в среднем 28 % респондентов), 3) с помощью общего объяснения, без использования прецедентных имен, посредством предположения, например, для фразы (1): *Шутка с созданием ожиданием и моментальным разрушением ожидания. Ничего серьезного*, для (2): *Данная фраза принижает человека по отношению к сравниваемому*, для (3): *Издёвка в сторону оппонента*, для (4): *ты пытаешься заработать популярность на конфликте со мной, потому что я популярен + угроза избить*.

Все высказывания (1)–(4) оказались знакомы 8 % всех мужчин, прошедших опрос, и 2 % женщин, что составило 5 % всех респондентов.

Далее анализировались ответы на вопросы, затрагивающие высказывания (5)–(10), имеющие потенциал стать прецедентными феноменами.

1. Узнаваемость высказывания и самостоятельное заполнение пропуска словом или фразой. На этом этапе опроса респондентам предлагалось самостоятельно вставить пропущенное слово или фразу в исходное высказывание или выбрать один из следующих ответов: «Слышал(а) фразу, но затрудняюсь вставить пропущенное слово», «Не слышал(а) фразу и затрудняюсь вставить пропущенное слово». Приведем исходные высказывания, пропущенные части выделены: (5) *Нет, у меня тоже есть скелеты в шкафу. Но это скелеты тех, с кем я баттлится раньше*; (6) *Сегодня ты смотришь батлы без панчей, а завтра – порнуху без баб*; (7) *Ты забавный косплей на меня*; (8) *Я здесь чисто по фану, поглумиться над слабым*; (9) *Лучше я сдохну е...учим ноунеймом, чем прославлюсь и стану тобой*; (10) *Но только раненый лев – это все еще лев, а здоровый шакал остается шакалом*. Средняя неизвестность высказываний составила 69 %. Интересно, что самым узнаваемым оказалось высказывание (9), а самым незнакомым – (7), хотя фразы и восходят к одному баттлу. Известность фразы (9) может быть обусловлена тем, что данное высказывание намного более экспрессивно, чем (7), поскольку содержит обценную лексему. Для каждого высказывания в среднем 11 % респондентов затруднялись вставить слово, хотя и отмечали, что слышали фразу, и в среднем 20 % респондентов предлагали свой вариант для заполнения пропуска. Более того, для высказываний (5), (6) и (9) доля последних была значительно больше, чем затруднявшихся, для фразы (10) наоборот, а для (7) и (8) доли оказались примерно равны. Эти наблюдения могут быть объяс-

нены тем, что респонденты легче восстанавливали из памяти одно и два пропущенных знаменательных слова, чем целую фразу, как в примере (10). Для тех респондентов, кто самостоятельно вставил опущенное слово, считалась доля правильных ответов, т. е. дословных совпадений: например, для высказывания (10) неправильными были ответы респондентов, пропустивших слово «здоровый». Так, для каждой исходной фразы в среднем 80 % ответов были правильными. Интересно, что для заполнения пропуска респонденты использовали также синонимы или другие формы пропущенных слов: вместо *баба* встречались лексемы *женщина* и *девушка*, вместо *поглумиться* – *постебаться*, *посмеяться*, вместо *кошпелей* – *коллаж*, *пародия*, *байт*, *дисс*. Две последние лексемы используются в среде поклонников баттл-рэпа и хип-хопа в целом. Для примера (9) 9 % респондентов, самостоятельно вставивших слово, опустили обценную лексему и заполнили пропуск словом *ноунейм*. Для некоторых фраз респонденты приводили следующие примеры: для *баттлится* были лексемы *трахать* и *е...аться*, для *е...учим ноунеймом* был неожиданный ответ *в канаве*. Более того, для примера (8) одним из респондентов было предложено не только пропущенное слово, но и следующая фраза из текста баттла: *Поглумиться над слабым. Ты же вылез из мамы под мой дисс на Бабана*.

2. Оценка того, насколько было легко вставить пропущенное слово или фразу. В среднем 62 % респондентов, не ответивших отрицательно на предыдущий вопрос, оценили, что самостоятельное заполнение пропуска словом или фразой им далось легко. Самыми простыми для вспоминания респондентами были оценены фразы (5) и (9), сложными – (7) и (10), что соотносится с тем, что для первых двух высказываний на 20 % больше респондентов самостоятельно заполняли пропуск, чем для последних.

3. Правильное определение источника высказывания (участников баттла). В среднем 39 % респондентов, указавших, что знают предложенную фразу, правильно определили рэп-баттл, что всего на 5 % меньше, чем средняя узнаваемость респондентами источника для высказываний (1)–(4). Самый узнаваемый источник принадлежит высказыванию (6), наименее известный – фразе (5) – 53 % против 33 %. Можно отметить тенденцию, выделенную для высказываний с прецедентными именами (1)–(4), так как высказывание (6) взято из более просматриваемого и резонансного баттла, чем фраза (5).

Интересно, что для высказывания (6) 10 % респондентов, кто вставил слово в пропуск или затруднился ответить, но слышал данное высказывание, правильно отметили источником баттл между Гнойным и Эрнесто Заткнитесь, в то время как 46 % респондентов указали источником баттл между Гнойным и Оксимироном, где данная фраза произносится автором во второй раз и получает наибольшее распространение из-

за большой популярности и медийности последнего баттла. Встретились и такие ответы, где были упомянуты оба рэп-баттла.

4. Правильное определение исполнителя (имени или сценического псевдонима). В среднем 92 % респондентов правильно определяли автора высказывания. Для фразы (6) авторами были ошибочно названы Гарри Топор и Оксимирон, являющиеся, как и автор, баттл-рэперами, а для высказывания (10) были названы Гнойный и Игорь Николаев, причем последний не принадлежит ни рэп-дискурсу, ни дискурсу баттлов.

5. Оценка возможности употребления высказывания. Респонденты оценивали по шкале от 1 до 5, где 1 – «Точно не употребил(а) бы», 5 – «Точно употребил(а) бы», смогли бы они сами использовать каждое высказывание в своей речи. По нашему мнению, целесообразно объединить доли оценок 1 и 2 на основании того, что они обозначают «скорее не употребил(а) бы», и доли оценок 4 и 5 как означающих «скорее употребил(а) бы» для более удобного анализа. В таблице представлено процентное соотношение ответов для каждого высказывания.

**Доля оценок респондентами
возможности употребления высказываний, %**

<i>Высказывание</i>	<i>Оценки 1 и 2</i>	<i>Оценка 3</i>	<i>Оценки 4 и 5</i>
(5)	69,5	19	11,5
(6)	49,4	10,8	39,8
(7)	47,2	22,2	30,5
(8)	49,4	19,3	31,4
(9)	43,9	22	34,2
(10)	49,9	24,6	32,8

Самая большая доля оценок «4» и «5» встречается у высказываний (6), (9) и (10), что может быть обусловлено экспрессивностью фраз (6) и (9), а также схожестью высказывания (10) с афоризмом по признакам однофразовости и обобщенности значения и др. [Иванов 2020].

6. Сферы возможного употребления высказывания. Респондентам предлагалось предположить, в каких сферах или ситуациях было бы уместно использовать данную фразу. Респонденты выделяли следующие ситуации неформального общения: 1) шутливое общение с друзьями: *В шутливой форме между друзьями, по угару с корешами*, 2) споры, конфликты: *Возможно, когда ты хочешь сказать в споре, что ты чист и тебе нечего скрывать*, 3) соревнования: *ММА, Когда какое-то испытание, соперничество кажется для тебя лёгкой прогулкой, На шахматном турнире*, 4) самопрезентация: *В хвалебных целях, ведь она придаёт уверенности в собственных силах и показывает оппоненту, что ты уже проходил некие трудности и выходил из них победителем, Описание своего превосходства*, 5) дискредитация: *Чтобы указать на деградацию вкусов собеседника, Когда хочешь унижить своего оппонента в споре, показав его ничтожность и*

неважность, показав, что вступаешь в дискуссию исключительно веселья ради, 6) шутка: в качестве неприятельной шутки во время общения (но только с близкими друзьями), 7) оскорбление, 8) угроза. Ситуации формального общения: 1) на работе: Начальнику можно сказать, 2) на официальном мероприятии. Более того, респонденты многократно указывали на то, что если во фразах заменить лексику, принадлежащую исключительно дискурсу рэп-баттлов, их можно использовать во многих ситуациях: *Как показывает практика перефразированный вариант употребляют вообще везде и повсеместно; Если заменить «смотришь баттлы без панчей» на другой контекст, то практически в любой дискуссии подойдёт. «Сегодня ты [делаешь что-то], а завтра смотришь порнуху без баб»; Если слово «баттлиться» заменить на более понятное «спорить» или подходящее по ситуации, то можно использовать в соревновательных спорах. Мол, «У меня есть скелеты в шкафу, но это скелеты тех, с кем я играл в шахматы раньше», – а также встречались и подобные ответы: *Везде, наоборот. Фраза довольно универсальная; Да в любой [ситуации]*.*

7. Объяснение смысла высказывания. Респонденты раскрывали смысл фразы несколькими способами: 1) с помощью общего объяснения, без использования прецедентных имен, посредством предположения: *Автор непобедим, Повышение собственной значимости, показ «силы» не физической естественно, автор (лев) гораздо выше оппонента (шакала), даже в не оптимальном состоянии; 2) посредством я-конструкций: типа я такой крутой, что всех похоронил на баттл-поприще, я здесь только потому что мне весело унижать человека, слабее меня; 3) с помощью привлечения прецедентных имен автора высказывания или других рэп-исполнителей: *Оксимирон говорит эту фразу своему оппоненту в начале баттла, говоря ему, что он пришел не баттлиться, а унижать оппонента, Гнойный упрекает Оксимилона, что он продался после того, как прославился, и говорит что лучше жить без славы, чем как Оксимирон. Также респонденты предпринимали попытки провести лингвистический анализ высказываний, например: *Игра слов: фразеологизм «скелеты в шкафу» означает какие-то неприятные секреты, но в данном контексте может употребляться в прямом значении – скелеты поверженных оппонентов в шкафу.***

Важно упомянуть, что сами респонденты говорят о том, что высказывания, использованные нами в исследовании, могут стать прецедентными, а их авторов будут цитировать, однако для их закрепления в культуре должно еще пройти время: *исключительно в виде шутки, несмотря на удачность фразы, использовать ее в серьезном разговоре не представляется возможным, так как сам автор еще не достиг нужной степени цитируемости и уважения.*

Все высказывания (5)–(10) оказались знакомы 11 % всех мужчин, прошедших опрос, и 3 % женщин, что составило 7,9 % всех респондентов.

Выводы

Анализ прецедентных феноменов в рамках коммуникативных стратегий дискредитации и самопрезентации показал, что исследуемые единицы активно используются в обеих стратегиях, в особенности для автохарактеристики, указания на референтную группу, издевки и развенчания притязаний. Прецедентные феномены также характерны для случаев высокой интенциональной плотности текста, при которой обе ключевые стратегии реализуются в рамках одного высказывания.

В отношении социумно-прецедентных и потенциально прецедентных феноменов исследовались их общеизвестность, отсылочность и однозначность интерпретации как критерии прецедентности. Анализ высказываний, содержащих в себе социумно-прецедентные имена рэп-дискурса, показал, что известность фраз тесно связана с популярностью рэп-баттлов-первоисточников, хотя зачастую респонденты узнавали о высказываниях из источников за пределами дискурса рэп-баттлов, что указывает на обширную воспроизводимость единиц. Прецедентные имена, принадлежащие рэп-дискурсу, узнаваемы: респонденты определяли референта прецедентного имени через деятельность, образ оппонента, национальность, словарное определение лексемы и через внешность. При объяснении смысла фраз респонденты демонстрировали осведомленность о коммуникативной ситуации, узнавали и употребляли как использованные во фразе, так и отсутствующие в ней прецедентные имена, использовали свои фоновые знания об участниках, что свидетельствует об отсылочности как актуализации знаний о тексте-источнике.

В отношении потенциально прецедентных высказываний можно сделать вывод об их соответствии критериям прецедентности: значительная часть респондентов узнавала высказывания и их источник, а также верно трактовала их содержание. Что касается возможной воспроизводимости за пределами дискурса рэп-баттлов, респонденты отмечали, что использовать высказывания можно в ситуациях как неформального, так и формального общения, хотя предполагаемые ситуации неофициальной коммуникации отличаются заметно большим разнообразием. Примечательно, что трансформированные высказывания, лишённые тематической лексики субкультуры хип-хопа, по мнению респондентов, обладают расширенными возможностями употребления.

Итак, рэп-баттлы оказывают значительное влияние на современную русскую лингвокультуру. Участники баттлов не только активно используют прецедентные феномены в рамках стратегий самопрезентации и дискредитации, но и сами являются авторами единиц, обладающих высоким коммуникативным потенциалом как в дискурсе рэп-баттлов, так и за его пределами.

Список литературы

- Гриценко Е.С., Дуняшева Л.Г. Языковые особенности рэпа в аспекте глобализации // Политическая лингвистика. 2013. № 2. С. 141–147.
- Дмитриева А.В., Голомидова М.В. Прецедентные имена исторических деятелей и реалий в поликодовых видеотекстах российской и французской политической рекламы: коммуникативно-прагматический аспект // Научный диалог. 2019. № 8. С. 25–40. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-25-40.
- Дуняшева Л.Г. Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе (на материале жанров «блюз» и «рэп»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2012. 23 с.
- Заикина Ю.А. Речевые средства реализации стратегии самопрезентации в современных политических текстах // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2011. № 9. С. 10–12.
- Иванов Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 4. С. 659–706. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008. 284 с.
- Карпушкин В.Г., Шмелева Т.В. Русский рэп как текст // «Образ мира, в слове явленный...»: сб. в честь 70-летия проф. Ежи Фарыно / red. R. Bobryka, J. Urban, R. Mnicha. Siedlce, 2011. С. 605–614.
- Киянова К.А. Реализация стратегии самопрезентации в публичной речи (на материале выступлений А. Меркель) // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 501–503.
- Колесников А.А. Особенности использования прецедентных имен в рэп-дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 5. С. 66–71.
- Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
- Лассан Э. Рэп-баттлы как культурный и лингвокультурный феномен // Коммуникативные исследования. 2018а. № 3 (17). С. 129–143. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.129-143.
- Лассан Э.Р. Рэп-баттлы как специфический жанр современной культуры // Жанры речи. 2018б. № 4 (20). С. 313–320. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-4-20-313-320.
- Малаховская М.Л. Интертекстуальные связи в художественном тексте в сопоставительно-переводческом аспекте (на материале произведений К.С. Льюиса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 21 с.
- Паршина О.Н. Приемы реализации стратегии самопрезентации в речи административно-политической элиты // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 25–34.
- Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 155 с.
- Рацибурская Л.В. Изучение языковой специфики медийных текстов при подготовке филологов и журналистов // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 2. № 2. С. 160–164. DOI: 10.15643/libartrus-2015.2.10.

- Степанов В.Н., Болотова С.К., Леонова А.Р. Жанрово-стилистические признаки рэп-батла // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 204–210. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10146.
- Фокина М.А. Феномен прецедентности в российском политическом дискурсе (на материале блогов политиков): дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2017. 199 с.
- Фокина М.А. Прецедентные феномены в контексте толерантности политического дискурса (на материале блогов политиков) // Коммуникативные исследования. 2015. № 2 (4). С. 104–114.
- Фролова Е.В. Рэп как форма социально-политической рефлексии в современной российской культуре (2009–2013 гг.): препринт WP20/2015/02. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. 52 с.
- Androutsopoulos J. Multilingualism, Ethnicity and Genre in Germany's Migrant Hip Hop // *The Languages of Global Hip-Hop* / ed. by M. Terkourafi. Continuum, 2010. P. 19–43.
- Bramwell R., Butterworth J. "I feel English as fuck": Translocality and the Performance of Alternative Identities through Rap // *Ethnic and Racial Studies*. 2019. Vol. 42, iss. 14. P. 2510–2527. DOI: 10.1080/01419870.2019.1623411.
- Cotgrove L.A. The Importance of Linguistic Markers of Identity and Authenticity in German Gangsta Rap // *Journal of Languages, Texts, and Society*. 2018. Vol. 2. P. 67–98.
- Martinez T.A. Popular Culture as Oppositional Culture: Rap as Resistance // *Sociological Perspectives*. 1997. Vol. 40. № 2. P. 265–286.
- Mataruga J. Some Aspects of Hip Hop Nation Language (HHNL) from a Linguistic Point of View: Bakalářská práce. Praha, 2011. 47 p.
- Serpinskaya S. The Phenomenon of Rap Battles in Modern Russian Culture: Master Thesis. University of Tartu, 2018. 98 p. URL: https://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/61689/sofya_serpinskaya_ma.pdf (дата обращения: 14.02.2021).
- Werner V. Assessing Hip-hop Discourse: Linguistic Realness and Styling // *Text & Talk*. 2019. Vol. 39. № 5. P. 671–698. DOI: 10.1515/text-2019-2044.

References

- Androutsopoulos, J. (2010), Multilingualism, Ethnicity and Genre in Germany's Migrant Hip Hop. Terkourafi, M. (ed.) *The Languages of Global Hip-Hop*, Continuum publ., pp. 19-43.
- Bramwell, R., Butterworth, J. (2019), "I feel English as fuck": Translocality and the Performance of Alternative Identities through Rap. *Ethnic and Racial Studies*, Vol. 42, no. 14, pp. 2510-2527. DOI: 10.1080/01419870.2019.1623411.
- Cotgrove, L.A. (2018), The Importance of Linguistic Markers of Identity and Authenticity in German Gangsta Rap. *Journal of Languages, Texts, and Society*, Vol. 2, pp. 67-98.
- Dmitrieva, A.V., Golomidova, M.V. (2019), Precedent Names of Historical Figures and Realities in Polycode Video Texts of Russian and French Political Advertising: Communicative and Pragmatic Aspect. *Nauchnyi dialog*, No. 8, pp. 25-40. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-25-40. (in Russian).
- Dunyasheva, L.G. (2012), *Lingvokul'turnye osobennosti konstruirovaniya gendera v afroamerikanskom pesennom diskurse (na materiale zhanrov "blyuz" i "rep")*

- [Linguocultural peculiarities of constructing gender in Afro-American song discourse (as exemplified in the genres of blues and rap)], Author's abstract, Nizhny Novgorod, 23 p. (in Russian).
- Fokina, M.A. (2015), Precedent phenomena in the context of tolerance in political discourse (based on the examples of politicians' blogs). *Communication Studies (Russia)*, No. 2 (4), pp. 104-114. (in Russian).
- Fokina, M.A. (2017), *Fenomen pretsedentnosti v rossiiskom politicheskom diskurse (na materiale blogov politikov)* [Phenomenon of Precedence in Russian Political Discourse (as Exemplified in Blogs of Politicians)], PhD Thesis, Nizhny Novgorod, 199 p. (in Russian).
- Frolova, E.V. (2015), *Rep kak forma sotsial'no-politicheskoi refleksii v sovremennoi rossiiskoi kul'ture (2009-2013 gg.)* [Rap as a Form of Social-Political Reflection in Modern Russian Culture (2009-2013)], preprint WP20/2015/02, Moscow, HSE publ., 52 p. (in Russian).
- Gritsenko, E.S., Dunyashcheva, L.G. (2013), The language of rap lyrics in the context of globalization. *Political Linguistics*, No. 2, pp. 141-147. (in Russian).
- Issers, O.S. (2008), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of the Russian speech], Moscow, 284 p. (in Russian).
- Ivanov, E.E. (2020), Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, No. 4, pp. 659-706. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706. (in Russian).
- Karpushkin, V.G., Shmeleva, T.V. (2011), Russkii rep kak tekst [Russian Rap as Text]. Bobryka, R., Urban, J., Mnicha, R. (eds.) "Image of the world reflected in a word...", collection of articles in honour of the 70th anniversary of Jerzy Faryno, Siedlce, pp. 605-614. (in Russian).
- Kiyanova, K.A. (2017), The implementation of self-presentation strategy in public speech (case study of Angela Merkel speeches). *The world of science, culture and education*, No. 6 (67), pp. 501-503. (in Russian).
- Kolesnikov, A. (2014), Characteristics of precedential names usage in rap-discourse. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, No. 5, pp. 66-71. (in Russian).
- Krasnykh, V.V. (1998), *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya)* [Virtual Reality or Real Virtuality? (Human. Consciousness. Communication)], Moscow, Dialog-MGU publ., 352 p. (in Russian).
- Lassan, E. (2018a), Rap battle as a cultural and lingvocultural phenomenon. *Communication Studies (Russia)*, No. 3 (17), pp. 129-143. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.129-143. (in Russian).
- Lassan, E. (2018b), Rap battles as a specific genre of contemporary culture. *Speech Genres*, No. 4 (20), pp. 313-320. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-4-20-313-320. (in Russian).
- Malakhovskaya, M.L. (2007), *Intertekstual'nye svyazi v khudozhestvennom tekste v sopostavitel'no-perevodcheskom aspekte (na materiale proizvedenii K.S. L'yuisa)* [Intertextual Relations in Fiction in the Aspect of Comparison and Translation (as Exemplified in the Works of C.S. Lewis)], Author's abstract, St. Petersburg, 21 p. (in Russian).
- Martinez, T.A. (1997), Popular Culture as Oppositional Culture: Rap as Resistance. *Sociological Perspectives*, Vol. 40, no. 2, pp. 265-286.

- Mataruga, J. (2011), *Some Aspects of Hip Hop Nation Language (HHNL) from a Linguistic Point of View*, Bachelor's thesis, Praha, 47 p.
- Parshina, O.N. (2004), Priemy realizatsii strategii samoprezentatsii v rechi administrativno-politicheskoi elity [Methods of Implementation of the Self-Presentation Strategy in the Speech of Administrative and Political Elite]. Kormilitsyna, M.A., Sitrotinina, O.B. (eds.) *Problemy rechevoi kommunikatsii* [Problems of Speech Communication], a collection of papers, Iss. 4, Saratov, Saratov University publ., pp. 25-34. (in Russian).
- Petrova, N.E., Ratsiburskaya, L.V. (2011), *Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoi agressii* [Language of Modern Media: Means of Speech Aggression], Moscow, Flinta publ., Nauka publ., 155 p. (in Russian).
- Ratsiburskaya, L.V. (2015), Study of language specificity of media texts in training of philologists and journalists. *Liberal Arts in Russia*, Vol. 4, no. 2, pp. 160-164. DOI: 10.15643/libartrus-2015.2.10. (in Russian).
- Serpinskaya, S. (2018), *The Phenomenon of Rap Battles in Modern Russian Culture*, Master Thesis, University of Tartu, 98 p., available at: https://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/61689/sofya_serpinskaya_ma.pdf (accessed: February 14, 2021).
- Stepanov, V.N., Bolotova, S.K., Leonova, A.R. (2018), Genre and Stylistic Signs of Rap-Battle. *Verhnevolzhski philological bulletin*, No. 3, pp. 204-210. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10146. (in Russian).
- Werner, V. (2019), Assessing Hip-hop Discourse: Linguistic Realness and Styling. *Text & Talk*, Vol. 39, no. 5, pp. 671-698. DOI: 10.1515/text-2019-2044.
- Zaikina, Yu.A. (2011), Rechevye sredstva realizatsii strategii samoprezentatsii v sovremennykh politicheskikh tekstakh [Speech Means of the Realisation of the Self-presentation Strategy in Modern Political Texts]. *Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research*, No. 9, pp. 10-12. (in Russian).

(POTENTIALLY) PRECEDENT PHENOMENA IN RAP BATTLES

M.A. Klimova¹, I.V. Mufazalova²
^{1,2} HSE University (Nizhny Novgorod, Russia)

Abstract: The article deals with the use of precedent phenomena in the genre of rap battle. The paper aims to reveal the specific features of the functioning of precedent phenomena within the communicative strategies of self-presentation and discredit as well as to characterise the precedent potential of the elements of rap discourse. The battles under consideration were chosen according to their popularity and involved such renowned Russian-speaking rappers as Oxxxymiron, Slava KPSS, ST and Johnyboy. The intent-analysis of the battles revealed that the participants tend to alternate between various tactics. Precedent phenomena are mostly used by the rappers to characterise themselves, indicate the reference group and express mockery and negate pretensions. A survey was done in order to determine whether socially precedent names and potentially precedent utterances match the criteria of precedence: common knowledge (recognisability and repeatability), reference to the source text and unambiguous interpretation. Ac-

ording to the results, a significant part of the informants managed to recognised the items and their sources, filled the gaps in them and identified their meaning correctly. The respondents also expressed readiness to use potentially precedent utterances, especially their transformed versions, in their own speech, mainly in various situations of informal communication. It is concluded that the active use of precedent phenomena in the rap discourse as well as the appearance of potentially precedent phenomena testify to the considerable impact of the rap battles on the Russian linguoculture.

Key words: precedent phenomena, rap discourse, rap battle, communicative strategy, potential precedence.

For citation:

Klimova, M.A., Mufazalova, I.V. (2021), (Potentially) precedent phenomena in rap battles. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 790-809. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).790-809. (in Russian).

About the authors:

¹ **Klimova, Margarita Andreevna**, PhD, Associate Professor of the Department of Applied Linguistics and Foreign Languages

² **Mufazalova, Irina Vadimovna**, 4-year student of the bachelor's programme "Fundamental and Applied Linguistics"

Corresponding authors:

^{1,2} Postal address: 25/12, Bol'shaya Pecherskaya ul., Nizhny Novgorod, 603155, Russia

¹ E-mail: mfokina@hse.ru

² E-mail: irinemfzlv@gmail.com

Received: April 28, 2021

Revised: May 24, 2021

Accepted: November 8, 2021

«КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТЬ» КАК ЦЕННОСТЬ КОРПОРАТИВНОГО ДИСКУРСА

И.П. Ромашова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Предлагается лингвокогнитивная модель одной из ценностей современных компаний – «Клиентоориентированность». Интерес к этой ценности обусловлен той значимостью, которая придается клиентоориентированности в коммерческих структурах. Целью статьи является анализ фрейма «Клиентоориентированность» и рассмотрение теоретических аспектов, связанных с особенностями лингвокогнитивного моделирования и экспликации ценностей дискурса – в данном случае корпоративного (КД). Декларация и внедрение такой ценности, как «Клиентоориентированность», во многом влияет на речевые практики корпорантов. Поэтому в задачи исследования также входит анализ возможностей социального конструкционизма КД, скрытых в дискурсивном моделировании. В качестве материала были использованы более 100 текстов компаний различных сфер деятельности в жанрах «миссия», «корпоративный кодекс», «фирменные стандарты на общение» (с включенными в них речевыми модулями), «клятва верности компании». В результате анализа «Клиентоориентированность» представлена в работе в виде фрейма, воссоздающего ситуацию ценностного отношения компании и ее сотрудников к клиенту. Делается вывод, что именно фрейм «Клиентоориентированность», где моделируется ситуация особого отношения компании к потребителям, придает концепту «Клиент» ценностный статус. Дискурсивная модель предписывает сотрудникам компаний определенный кодекс поведения в общении с потребителями, формируя не только позитивное и внимательное к ним отношение, но и конструируя вполне реальные речевые практики КД. Анализ корпоративных текстов позволяет сделать вывод, что столь детальное дискурсивное моделирование речевой ситуации ценностного отношения обеспечивает широкие возможности компаний по конструированию их социальных практик.

Ключевые слова: корпоративный дискурс, дискурсивные практики, ценности дискурса, социальный конструкционизм дискурса.

Для цитирования:

Ромашова И.П. «Клиентоориентированность» как ценность корпоративного дискурса // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 810–822.
DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).810-822.

Сведения об авторе:

Ромашова Инна Петровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: romashova.inna@gmail.com

Дата поступления статьи: 04.09.2021

Дата рецензирования: 15.09.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

1. Постановка проблемы и задачи

Ценности, по мнению лингвистов, представляют собой ключевую, «интегральную часть дискурса, фиксирующего определенное видение мира, выгодное стоящим за этим дискурсом социальным акторам» [Молодыхенко 2016: 122]. Анализ системы ценностей, отраженных в дискурсе, составляет один из необходимых аспектов методики дискурс-анализа, предложенной В.И. Карасиком [Карасик 2000]. Данный аспект находит отражение в монографических исследованиях разных видов дискурса: научного, педагогического (В.И. Карасик); политического (М.В. Гаврилова, В.В. Кашпур); религиозного (В.И. Карасик, Е.В. Бобырева); рекламного (Е.Ю. Ильинова) и др. Кроме того, изучение ценностей находится в ведении еще одной языковедческой отрасли – аксиологической лингвистики (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е.С. Кубрякова, Ю.Д. Апресян, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.В. Бабаева, С.Г. Воркачев, Д.О. Добровольский, Н.В. Орлова и др.).

Если говорить о системе ценностей корпоративного дискурса (КД), то, несмотря на имеющиеся исследования его концептуальной организации, вопрос о том, какие же ценности входят в концептосферу дискурса отечественных компаний и организаций, находится в стадии изучения. В докторской диссертации Ю.В. Данюшиной выявлены «аксио-риторические доминанты» сетевого бизнес-дискурса нефтяных ТНК, в том числе российских [Данюшина 2011: 13]. В монографии специалиста по стратегическому менеджменту Н.В. Тесаковой изложена типология корпоративных ценностей, декларируемых обычно в миссиях: этические, социально-экономические и коммуникативные (принципы общения с внутренними и внешними аудиториями) [Тесакова 2003: 14]. Однако автор приводит примеры только из миссий иностранных компаний. Что касается зарубежных лингвистов, то в их трудах вопрос о корпоративных ценностях решается, скорее, в социологическом, нежели в лингвистическом аспекте [Swales, Rogers 1995: 240; Mamby, Clair 1997: 200; Amernic, Craig 2006: 187; Breeze 2013: 114–117]. В частности, в данных исследованиях названы лишь те

ценности, которые эксплицитно заявлены в медиа- и других текстах иностранных компаний. Полагаем, что изучение ценностей отечественных организаций позволяет уточнить имеющиеся представления о корпоративных ценностях, о способах их языковой репрезентации и типологии.

2. Описание материала и методов исследования

В данной статье проведен лингвистический анализ одной из ключевых ценностей корпоративного дискурса, которую мы обозначили лексемой «клиентоориентированность». В КД имеется специальный жанр – «миссия», одной из композиционных составляющих которого должен быть раздел «Ценности». Декларируя ценности в миссии, корпорации информируют общество о принципах, на основе которых они осуществляют свою деятельность. В настоящей статье проанализировано 36 миссий отечественных компаний (банков, торговых и иных коммерческих структур). Помимо этого, материалом послужили более 100 текстов других жанров КД: «речевых модулей» (скриптов), корпоративных кодексов, «фирменных стандартов на общение», корпоративных клятв, – где так или иначе затрагивается вопрос отношения компаний к клиентам.

Задача экспликации такой ценности КД, как «клиентоориентированность», поднимает вопрос о лингвистической методике этой процедуры. Ряд исследователей справедливо замечают, что особенностью языковой репрезентации ценностных концептов является то, что не все слова, обозначающие ценности, имеют в своем семном составе узуально закрепленную оценку (см., например, аксиологические концепты русской культуры: *душа, родина, дружба* и др.). Как следствие, при лингвокогнитивном анализе ценностный статус концепта обычно приходится доказывать: «Вопрос о наличии аксиологической составляющей концепта не получил до настоящего времени однозначного решения» [Бабаева 2003]. Мы разделяем точку зрения С.Г. Воркачева, Л.Э. Григоровой о существовании особого «ценностного измерения концепта», которое «не имеет анализируемых специфических средств выражения и не является универсальным» [Воркачев 2002: 6; Григорова 2013]. Изучение научной литературы и анализ собственного материала позволяет согласиться с теми учеными, которые утверждают, что большинство маркеров, эксплицирующих ценностный статус концепта, носят **дискурсивный** характер. Так, преимущественно о дискурсивных параметрах выявления ценностных концептов пишет В.И. Карасик, полагая, что способом экспликации ценностной семантики могут стать «аксиологические протокольные предложения», т. е. «высказывания, содержащие операторы долженствования (*следует, нужно, должно*) и положительные ценности»: «Такие предложения являются исследовательским конструктом, но в ряде случаев они могут получать реализацию в определенных кодексах, могут быть зашифрованы в пословицах...» [Карасик 2002: 211]. Е.В. Бабаева прямо говорит о «дис-

курсивном измерении ценностей», относя к их маркерам «фиксацию правил поведения различными системами нормативной регуляции (право, мораль, религия, ритуалы, этикет)», «постоянную актуализацию в различных типах дискурса (рекламном, политическом, религиозном, масс-медиа) через использование ключевых и тематических слов, метафор, импликаций, аллюзий, аргументативных стратегий» [Бабаева 2003]. Е.С. Миронец, М.В. Гаврилова и другие лингвисты устанавливают ценностный характер концепта на основе контент-анализа по степени частотности употребления его маркеров в дискурсе [Гаврилова 2004, 2010; Миронец 2007; Дотдаева 2013]. Как следствие, для моделирования ценностной составляющей концептов специалисты привлекают обычно комплексные методики: контент-анализ, методы семантического и лингвокогнитивного анализа, но обязательно с привлечением контекстологического анализа и исследованием дискурсивной реализации концепта [Дотдаева 2013: 3].

Еще один методологически важный аспект касается мнения исследователей о том, что ценность концепту придает наличие в его структуре некоторой аксиологической составляющей [Бабаева 2003]. Они говорят о существовании особого «ценностного измерения концепта» [Воркачев 2002: 6], о «ценностной составляющей» концепта [Григорова 2013]. Эту специфику отмечает Л.Э. Григорова, выделяя, например, в структуре концепта «Любознательность» «желание знать» как ценностную составляющую [Григорова 2013: 64–68]. То есть в ряде случаев ценность – это только аспект концепта. Анализ текстов КД показывает, что «клиентоориентированность» предстает такой ценностной составляющей для концепта «Клиент», поскольку именно то, что организации преподносят его в текстах как ценность, придает концепту «Клиент» аксиологическую значимость.

3. Представление результатов проведенного анализа

Как уже было сказано выше, в корпоративном дискурсе существует специальный жанр для экспликации ценностей – это миссия, включающая особый раздел «Ценности». Однако в рассмотренном материале такой раздел имеют только 25 из 36 миссий. Клиент как ценность обозначен одним из первых в списке ценностей в 14 миссиях, например: *Ценности Лента: Удовлетворение запросов потребителей. Низкие цены. Высокое качество товаров; Ценности М2М телематика: Клиент – главная ценность*. Либо клиента называют первым в списке контрагентов: *Мы стремимся стать лидером в мировой металлургии будущего и компанией первого выбора для клиентов, сотрудников и партнеров* (Череповецкий металлургический комбинат). Практически во всех изученных текстах КД слово *Клиент* пишется с прописной буквы, что также свидетельствует о его особой значимости для компании. В остальных случаях ценность клиента для компании становится понятной из анализа более широкого контекста. Следовательно, применительно к КД можно говорить о шкале экс-

плицитности выражения ценностной семантики концепта «Клиент»: от открытой ее декларации до текстов, где экспликация данной ценности требует применения методик лексико-семантического, контекстного и когнитивно-дискурсивного анализа. В частности, ценностную семантику концепт «Клиент» приобретает благодаря следующим типовым контекстам:

(1) В корпоративных текстах ценности подаются как *база, основа деятельности* корпораций (*Наши ценности определяют наше поведение. Мы руководствуемся ими в своих поступках и решениях. Они влияют на то, как мы работаем и общаемся друг с другом, как взаимодействуем с клиентами и другими заинтересованными сторонами* (Росбанк)). Понимание ценностей в качестве базовых принципов подчеркивается лексемами *ценно, ценится*, определением *базовые (принципы)*, предикатами *основан (на), опираться на, основан(ный) на принципах...*; предложно-падежными сочетаниями *на основе, на базе*; с помощью лексем *главное, приоритет, основы, кредо, культ: Интересы клиентов – главный приоритет в нашей работе* (Урал ФД); *Главное в нашей работе – качественное выполнение работ и гарантированное внедрение их результатов у заказчика* (Авикомп Сервисез).

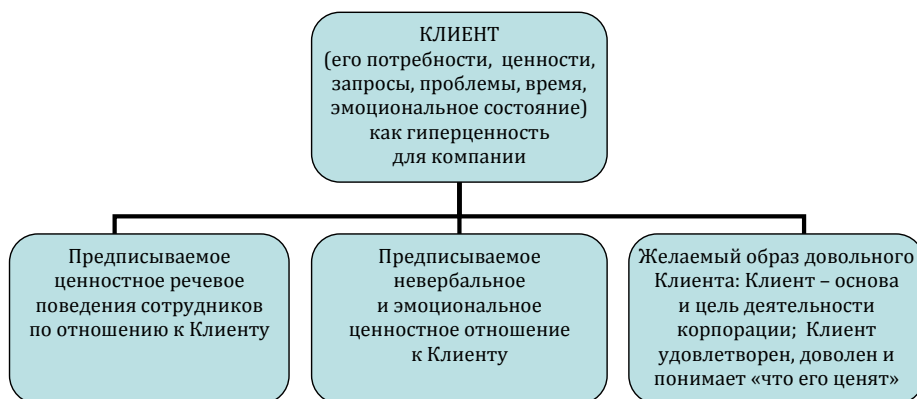
(2) Ценность может заявляться также в качестве *цели корпорации* – того, к чему она стремится. Маркерами ценностной семантики в этом случае становятся предлоги с целевым значением *во имя, для, ради: Вся наша деятельность построена вокруг и ради интересов клиентов* (B2B-Center); *Всё для блага клиента*. Семантика ценности как цели реализуется в КД с помощью глаголов *стремиться (к), нести (в мир), сохранять, приумножать, содействовать, (всемерно) способствовать* и в соответствующих отглагольных существительных при абстрактных именах: *ориентация на интересы клиента (потребителя); главная цель – приумножение доходов потребителей*. Лексемы, которые обозначают то, к чему стремятся корпорации, в таких контекстах обретают семантику ценности. В нашем случае это сами клиенты, их *интересы, благо, бизнес, доходы* и др.

Кроме лексемы «клиент», в миссиях и других корпоративных текстах используются его контекстуальные синонимы (*потребители, заказчики, покупатели, партнеры, друзья, гости, люди*): *Миссия ТЕРВОЛИНА: Качественную, комфортную обувь и отличное обслуживание – каждому покупателю!*; *Миссия Автодель: Создание комфортных условий для потребителей на автомобильном рынке*; *Миссия S7: Вдохновлять людей в их движении к счастью*; *Ценности АйТи: Повышение эффективности заказчиков за счет использования передовых технологий*; *Сделайте миссию смыслом жизни. Будьте рады гостям* (гостиничный комплекс «Венеция»). В текстах сервисных и торговых компаний, в организациях сферы досуга клиентов часто именуют «гость», активируя концепт-фрейм «Гостеприимство», который существует в любой культуре [Гарипова 2010]. Фрейм «Гостеприимство» предписывает определенный кодекс поведения по отношению к человеку, которого называют *гостем*: «Гостеприимство – это

свойство человека (целого народа), которое проявляется в том, что он любит и постоянно готов принимать гостей, его дом всегда открыт для других людей, и он старается им угодить, угостить и предоставить ночлег» [Гарипова 2010: 15]. Именно такое поведение работников описывают корпоративные кодексы гостиниц, досуговых и торговых центров: *Все наши гости – очень важные персоны. Они ожидают высококлассного обслуживания, и наша обязанность – обеспечить это обслуживание, потому что гостеприимство – основа профессионализма* (корпоративный кодекс гостиницы «Космос»).

Ценность концепту «Клиент» в текстах придают припредикатные обстоятельства и определения с семантикой ‘тотального охвата’ (*всегда, всё, весь, в любом случае, повсеместно*): клиент **всегда прав, всё** – для клиента, **вся** наша деятельность построена вокруг и ради интересов клиентов. Вневременной хронотоп, как отмечают лингвисты, является одним из дискурсивных маркеров ценностного концепта [Jaworska 2019; MacDonald 2003: 170].

Исследование показало, что аксиологический потенциал концепта «Клиент» формируется благодаря тому, что компании в своих корпоративных текстах детально моделируют ситуацию ценностного отношения сотрудников к клиентам. Когнитивно-дискурсивный анализ позволил эксплицировать эту ситуацию, представить ее в виде фрейма «Клиентоориентированность» (рис.).

Фрейм «Клиентоориентированность»

Сам термин «клиентоориентированность» свидетельствует о том, клиент является объектом и целью деятельности компании. Анализ корпоративных текстов дал возможность детализировать составляющие образа клиента, которые должны находиться в сфере внимания компаний: во-первых, это *потребности, интересы и запросы* клиента, которые – согласно корпоративным кодексам, миссиям и фирменным стандартам на общение – сотрудники обязаны *предвосхищать и удовлетворять*; ценно-

стью являются также *проблемы* клиента – их нужно *решать*, причем в *кратчайшие сроки, с полной отдачей*; времени клиента также придан ценностный характер – его рекомендуется *беречь, экономить*.

В приоритете компаний также *дело, бизнес* клиента: *Миссия: оказание содействия повышению конкурентоспособности и эффективности деятельности наших клиентов в сфере производства и управления через внедрение информационных систем и технологий* (Форт Диалог); *Мы даем нашим клиентам возможность преодолевать расстояния, добиваться успеха в бизнесе...* (Аэрофлот).

«Миссии», «Корпоративные кодексы», «Фирменные стандарты на общение» предписывают сотрудникам некий кодекс ценностного отношения к Клиенту. Работники обязаны *внимательно изучать потребности клиента, глубоко проникать в суть проблем клиента, превосходить вопросы клиента*. Ориентация на удовлетворение потребностей клиентов определяет ряд действий сотрудников: *Мы хотим удивлять и радовать клиентов качеством услуг и отношением; Мы превосходим ожидания клиентов*. Клиента должны *выслушать, услышать, помочь* ему; следует *беречь время клиента, избавить его от лишних хлопот*. Корпорации с помощью «Корпоративных кодексов» и «Фирменных стандартов на общение» контролируют каждый речевой акт работника в коммуникации с клиентом. Например, согласно «Фирменным стандартам» Сбера, на первом этапе установления контакта работник должен *при появлении клиента отложить все свои дела и поздороваться: Добрый день!*

1) *Если не можете отвлечься, то извинитесь, назовите причины и время ожидания*: *Извините, что пришлось подождать*.

2) *Посмотрите на Клиента, улыбнитесь и поприветствуйте его*.

3) *Представьте и узнайте, как обращаться к клиенту: Меня зовут Мария, как я могу к Вам обращаться?*

4) *Уточните цель его визита и выразите готовность помочь: Иван Иванович, чем я могу Вам помочь?*

К числу наиболее частотных правил общения с клиентами, отражаемых в «корпоративных кодексах», «фирменных стандартах на общение» и «речевых модулях», относятся:

- обращение к клиенту по имени;
- вежливость;
- запрет на использование нецензурной, жаргонной, узкоспециальной (непонятной для клиента) лексики;
- запрет на употребление слов с модальностью долженствования (*надо, должен, следует, обязан*);
- запрет на препирательства с клиентом (*Гость не тот человек, с которым следует спорить и доказывать, кто сильнее. Гость всегда прав!*);
- использование специальных технологий бесконфликтного общения, к числу которых относится, например, формула «Да..., и...», которая

предлагается сотрудникам при работе с возражениями и претензиями (*Да, возможна и такая постановка вопроса, и я только хотел бы уточнить ряд моментов...*).

Ценностная семантика объективируется через описание тех чувств, которые, согласно предписывающим текстам КД, должны демонстрировать сотрудники по отношению к клиентам: *помощь людям – с удовольствием и гордостью; с удовольствием консультируют клиентов; быть внимательными к запросам клиента; проявлять внимание к каждому клиенту, дружелюбие и приветливость*; Ценности ТелеСвязь: *В общении с клиентом мы ценим доверие и комфорт, и стараемся перенести это ощущение уверенности и на решения, которые клиенты получают от нас.*

Концептуализируется даже невербальное поведение сотрудников, олицетворяющее клиентоориентированность: *1. Встречайте покупателя в открытой позе (положение рук свободное). 2. Поддерживайте визуальный контакт. 3. Улыбайтесь!*; Основными в формировании позитивного впечатления о компании являются улыбка и приветливость сотрудников; Сотруднику категорически запрещено: *разговаривать с Клиентом, повернувшись к нему спиной; держать руки в карманах; опираться на оборудование, мебель или стены; принимать любые «расслабленные» позы (речевой стандарт работника ресепшн фитнес-клуба); Нельзя показывать гостю, нравится он вам или нет* (гостиница АМАКС «Отель Омск»).

В структуру фрейма «Клиентоориентированность» также входит моделирование желаемого образа Клиента. В первую очередь, целью клиентоориентированности становится лояльный, довольный клиент: *Ваши лучшие показатели – довольные покупатели*; Ценности Леруа Мерлен Восток: *Лучшая реклама для Леруа Мерлен – довольный покупатель*; Ценности R-Style: *Основной критерий эффективности нашей работы – высокая степень удовлетворенности заказчиков*; *Ожидаемый результат: Клиент чувствует, что в нем заинтересованы и хотят помочь* (Сбербанк). Образ клиента концептуализируется через описание того желаемого эмоционального состояния, которое дарит клиенту компания. Удовлетворенный клиент – это *радостный, счастливый, спокойный* человек, которому комфортно, удобно: *Миссия для клиентов. Банк, который работает, чтобы радовать своих клиентов* (Россельхозбанк). Лояльные клиенты испытывают *доверие и признание* (Ценности Техноторг). Иными словами, в КД моделируется перлокутивный эффект политики клиентоориентированности.

4. Основные выводы исследования

Таким образом, лингвокогнитивное моделирование ценностной составляющей концепта «Клиент», систематизированной нами в виде фрейма «Клиентоориентированность», дает возможность выделить следующие составляющие этого фрейма (см. рис.):

1) *благо, интересы, потребности, безопасность, удобство, бизнес, запросы, проблемы, время, эмоциональное состояние клиента* являются объектом постоянной заботы сотрудников; ценности потребителя (само-реализация, уверенность, улучшение жизни, комфорт, безопасность, удобство) становятся приоритетными для компании: *Мы обеспечиваем простоту, удобство и возможность привлекательного выбора* (Связной); *...улучшаем жизнь наших клиентов* (Ростелеком); *Мы считаем своим профессиональным долгом решать задачи клиента как свои собственные* (Астерос);

2) миссии предписывают кодекс «ценностного» отношения и поведения по отношению к клиенту: *выслушать, услышать, помочь, с улыбкой, внимательно и приветливо*;

3) в текстах КД моделируется желаемый образ лояльного, довольного клиента как перлокутивный эффект реализации принципа клиентоориентированности.

Лингвокогнитивное моделирование фрейма «Клиентоориентированность», конструирующего ситуацию ценностного отношения к потребителю, позволило сделать вывод о дискурсивной сакрализации клиента в КД. Об этом свидетельствует хронотоп концепта «Клиент» (*клиент всегда, во всем, везде прав*). Кроме того, целый ряд текстов: миссии, кодексы, речевые скрипты – предписывают сотрудникам кодекс ценностного (речевого и невербального) отношения к клиентам: *Дайте гостю почувствовать, что вы здесь находитесь исключительно ради него и направьте на него всё свое внимание* (корпоративный кодекс санатория). Квинтэссенцией сакрализации стали такие жанры КД, как «заповеди» (разновидность «Корпоративного кодекса») и клятва верности компании. Так, заповедь № 1 сервисной компании по ремонту автомобилей гласит: *Возлюби покупателя как себя самого!* Отсылка к религиозному тексту является одним из показателей сакрализации. Клиент в КД стал субъектом, которому сотрудники приносят клятву верности: *Клянусь поздороваться, улыбнуться и быстро обслужить покупателя на кассе, дабы не было очередей. ...Верность этой присяге клянусь пронести через всю жизнь! И если я нарушу хоть один пункт клятвы... пусть меня заставят 1000 раз пересказать эту клятву каждому покупателю магазина!* (клятва верности компании сети супермаркетов «Магнит»).

Как видно из структуры фрейма, компании очень детально моделируют желаемую речевую ситуацию взаимодействия с клиентом. В ней четко описано, что должны делать, говорить сотрудники, общаясь с клиентами, что чувствовать по отношению к клиентам, чтобы последние остались довольны. Такая детализация позволяет компаниям не только декларировать клиентоориентированность в качестве ценностного принципа своей профессиональной деятельности, но и реализовывать этот принцип на практике, что обеспечивает социальный конструкционизм КД.

Список литературы

- Бабаева Е.В. Дискурсивное измерение ценностей: моногр. Волжский: Фил. МЭИ (ГУ), 2003. 101 с.
- Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: моногр. Краснодар: Куб. гос. техн. ун-т, 2002. 142 с.
- Гаврилова М.В. Лингвистические механизмы формирования имиджа России в инаугурационных речах российских президентов // Имидж государства / региона в современном информационном пространстве: материалы симп. (Санкт-Петербург, 23–24 марта 2009 г.). СПб.: Роза мира, 2010. С. 143–148.
- Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004. 294 с.
- Гарипова Г.Р. Концепт «гостеприимство» в русском и английском языках: на материале фразеологизмов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 23 с.
- Григорова Л.Э. Концепт *Curiosity* в английской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2013. 168 с.
- Данюшина Ю.В. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 49 с.
- Дотдаева Ф.И. Языковые средства ценностного воздействия в американском президентском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2013. 19 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
- Миронец Е.С. Эволюция и особенности языковой репрезентации аксиологического концепта "DEMOCRACY" в инаугурационных речах президентов США: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 217 с.
- Молодыхенко Е.Н. Ценности и оценка в дискурсе консюмеризма: лингво-прагматический и критический анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 3. С. 122–130. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.122.
- Тесакова Н.В. Миссия и Корпоративный Кодекс. М.: РИП-Холдинг, 2003. 187 с.
- Amernic J., Craig R. CEO-Speak. The language of corporate leadership. London: McGill Queen's University Press, 2006. 243 p.
- Breeze R. Corporate discourse. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsberry, 2013. 209 p.
- Jaworska S. Corporate discourse // Handbook of Discourse Studies / Eds. A. de Fina and A. Georgakopoulou-Nunes. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 1–28. DOI: 10.1017/9781108348195.
- MacDonald C. The Value of Discourse Analysis as a Methodological Tool for Understanding a Land Reform Program // Policy Sciences. 2003. Vol. 36, No. 2. P. 151–173. DOI: 10.1023/A:1024839024955.
- Mamby D., Clair R. Organizational discourse // Discourse as structure and process: Discourse studies. 1997. Vol. 2. P. 181–205.

Swales J.M., Rogers P.S. Discourse and projection of corporate culture: The mission statement // *Discourse and Society*. 1995. Vol. 6, iss. 2. P. 223–242. DOI: 10.1177/0957926595006002005.

References

- Amernic, J., Craig, R. (2006), *CEO-Speak. The language of corporate leadership*, London, McGill Queen's University Press, 243 p.
- Babaeva, E.V. (2003), *Diskursivnoe izmerenie tsennostei* [Discursive measurement of values], Volzhsky, 101 p. (in Russian).
- Breeze, R. (2009), *Corporate discourse*, London, New Delhi, New York, Sydney, Bloomsbury publ., 209 p.
- Danyushina, Yu.V. (2011), *Mnogourovnevnyi analiz angloyazychnogo setevogo biznes-diskursa* [Multilevel analysis of the English-language network business discourse], Author's abstract, Moscow, 49 p. (in Russian).
- Dotdaeva, F.I. (2013), *Yazykovye sredstva tsennostnogo vozdeistviya v amerikanskom prezidentskom diskurse* [Linguistic means of value influence in the American presidential discourse], Author's abstract, Pyatigorsk, 19 p. (in Russian).
- Garipova, G.R. (2010), *Kontsept «gostepriimstvo» v russkom i angliiskom yazykakh: na materiale frazeologizmov* [The concept of "hospitality" in Russian and English: based on phraseological units], Author's abstract, Ufa, 23 p. (in Russian).
- Gavrilova, M.V. (2004), *Kognitivnye i ritoricheskie osnovy prezidentskoi rechi (na materiale vystuplenii V.V. Putina i B.N. El'tsina)* [Cognitive and rhetorical foundations of the presidential speech (based on the speeches of V.V. Putin and B.N. Yeltsin)], St. Petersburg, Philological Faculty of St. Petersburg University, 294 p. (in Russian).
- Gavrilova, M.V. (2010), *Lingvisticheskie mekhanizmy formirovaniya imidzha Rossii v inauguratsionnykh rechakh rossiyskikh prezidentov* [Linguistic mechanisms of the formation of the image of Russia in the inaugural speeches of Russian presidents]. *Imidzh gosudarstva / regiona v sovremennom informatsionnom prostranstve* [Image of the state / region in the modern information space], materials of symposium (St. Petersburg, March 23-24, 2009), St. Petersburg, Roza mira publ., pp. 143-148. (in Russian).
- Grigorova, L.E. (2013), *Kontsept "Curiosity" v angliiskoi yazykovoi kartine mira* [Curiosity concept in the English language picture of the world], PhD Thesis, Tambov, 168 p. (in Russian).
- Jaworska, S. (2019), *Corporate discourse*. De Fina A., Georgakopoulou-Nunes A. (eds.) *Handbook of Discourse Studies*, Cambridge, Cambridge University Press, 2019, pp. 1-28. DOI: 10.1017/9781108348195.
- Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Volgograd, Peremena publ., 477 p. (in Russian).
- Karasik, V.I. (2000), *O tipakh diskursa* [On the types of discourse]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [Language personality: institutional and personal discourse], Volgograd, Peremena publ., pp. 5-20. (in Russian).
- MacDonald, C. (2003), *The Value of Discourse Analysis as a Methodological Tool for Understanding a Land Reform Program*. *Policy Sciences*, Vol. 36, no. 2, pp. 151-173. DOI: 10.1023/A:1024839024955.

- Mamby, D., Clair, R. (2002), Organizational discourse. *Discourse as structure and process. Discours studies*, Vol. 1, pp. 181-205.
- Mironets, E.S. (2007), *Evolyutsiya i osobennosti yazykovoi reprezentatsii aksiologicheskogo kontsepta "DEMOCRACY" v inauguratsionnykh rechakh prezidentov SShA* [Evolution and features of linguistic representation of the axiological concept "DEMOCRACY" in the inaugural speeches of US presidents], PhD Thesis, Vladivostok, 217 p. (in Russian).
- Molodychenko, E.N. (2016), Values and evaluation in discourse of consumerism: a pragmalinguistic analysis. *Vestnik of Pomor University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, No. 3, pp. 122-130. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.122.
- Swales, J.M., Rogers, P.S. (1995), Discourse and projection of corporate culture: The mission statemen. *Discourse and Society*, Vol. 6, iss. 2, pp. 223-242. DOI: 10.1177/0957926595006002005.
- Tesakova, N.V. (2003), *Missiya i Korporativnyi Kodeks* [Mission and Corporate Code], Moscow, RIP-Kholding publ., 187 p. (in Russian).
- Vorkachev, S.G. (2002), *Kontsept schast'ya v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza* [The concept of happiness in the Russian linguistic consciousness: the experience of linguoculturological analysis], Krasnodar, Kuban State Technological University publ., 142 p. (in Russian).

“CUSTOMER-ORIENTED APPROACH” AS A VALUE OF CORPORATE DISCOURSE

I.P. Romashova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: The article proposes a linguo-cognitive model of one of the values of modern companies – customer-oriented approach. The interest in this value is due to the importance that is attached to customer focus in commercial structures. The aim of the article is to analyze the customer-oriented approach frame and consider the theoretical aspects related to the peculiarities of linguo-cognitive modelling and explication of discourse values – in this case, corporate (CD). Declaration and implementation of such a value as customer-oriented approach greatly influences corporate speech practices. Therefore, the objectives of the study also include the analysis of the possibilities of social constructionism CD, hidden in discursive modelling. More than 100 texts of companies in various fields of activity in the genres of mission, corporate code, corporate standards of communication (with speech modules included in them), oath of loyalty to the company were used as material. As a result of the analysis, customer-oriented approach is presented in the work in the form of a frame that recreates the situation of the value attitude of the company and its employees to the client. The author of the article comes to the conclusion that it is the customer-oriented approach frame, where the situation of the company's special attitude towards consumers is modeled, gives the concept “Customer” a value status. The discursive model prescribes a certain code of conduct for company employees in communicating with consumers, forming not only a positive and attentive attitude towards them, but also con-

structuring quite real speech practices of CD. The analysis of corporate texts allows us to conclude that such a detailed discursive modelling of the speech situation of the value relationship provides ample opportunities for companies to design their social practices.

Key words: corporate discourse, discursive practices, values of discourse, social constructionism of discourse.

For citation:

Romashova, I.P. (2021), "Customer-oriented approach" as a value of corporate discourse. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 810-822. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).810-822. (in Russian).

About the author:

Romashova, Inna Petrovna, PhD, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: romashova.inna@gmail.com

Received: September 4, 2021

Revised: September 15, 2021

Accepted: November 8, 2021

Раздел IV

**КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Part IV

**COMMUNICATIVE ASPECTS
IN THE STUDY OF LITERARY TEXTS**

**МУХА ПОД МИКРОСКОПОМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ДОСТОЕВСКИЙ VS. ТОЛСТОЙ,
САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН, ТУРГЕНЕВ, ГОНЧАРОВ)**

М.М. Вознесенская

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Аннотация: Анализируется употребление существительного *муха* в языке Ф.М. Достоевского. Основными задачами исследования являлись: 1) определение, используется ли слово *муха* в прямом или переносном значениях, и представление количественного соотношения прямых и переносных значений; 2) выявление семантических признаков-коннотаций, реализующихся в переносных употреблениях рассматриваемого слова – во фразеологических конструкциях с компонентом *муха* и в метафорах и сравнениях, в которых *муха* относится к «области источника» (по Дж. Лакоффу); 3) сравнение особенностей употребления слова *муха* в языке Достоевского и в языке других писателей-современников (Толстого, Тургенева, Салтыкова-Щедрина и Гончарова). Результаты анализа показали, что из 78 употреблений слова *муха* в языке Достоевского только в 8 случаях *муха* имеет прямое значение ‘двукрылое насекомое’, остальные случаи употребления существительного *муха* (35 – в составе фразеологических единиц, 35 – в тропических конструкциях) демонстрируют актуализацию определенных семантических признаков-коннотаций, не связанных с прямым значением. Это такие признаки, как маленький размер, ничтожность, незначительность, многочисленность мух, их назойливость, бесшумность, слабость, беззащитность, уязвимость и нечистота. Таким образом, в функциональном тезаурусе Достоевского, репрезентирующем его художественную картину мира (по М. Гаспарову), *муха* должна быть отнесена к следующим семантическим таксонам: НАСЕКОМЫЕ; МАЛО; НЕВАЖНОСТЬ, ОТСУТСТВИЕ ЗНАЧИМОСТИ, ОТСУТСТВИЕ ЦЕННОСТИ; МНОГО; НАДОЕДЛИВОСТЬ; ТИХО, ТИШИНА; АГРЕССИЯ, ЖЕРТВА; УНИЧТОЖЕНИЕ, РАЗРУШЕНИЕ, ПОРЧА, – наиболее частотно представительны из которых таксоны НЕВАЖНОСТЬ, ОТСУТСТВИЕ ЗНАЧИМОСТИ, ОТСУТСТВИЕ ЦЕННОСТИ; ТИХО, ТИШИНА; АГРЕССИЯ, ЖЕРТВА, а наименее – таксон НАСЕКОМЫЕ.

Ключевые слова: язык художественной литературы, художественная коммуникация, художественная картина мира, функциональный частотный тезаурус языка писателя, Ф.М. Достоевский, коннотация, фразеологическая единица, троп, слово *муха*.

Для цитирования:

Вознесенская М.М. Муха под микроскопом русской литературы (Достоевский vs. Толстой, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Гончаров) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 825–850. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).825-850.

Сведения об авторе:

Вознесенская Мария Марковна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела экспериментальной лексикографии

Контактная информация:

Почтовый адрес: 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2

E-mail: voznesh-masha@yandex.com

Дата поступления статьи: 19.03.2021

Дата рецензирования: 04.05.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

Животные разделяются по обыденному отношению к человеку на три разряда: 1) одних мы любим, 2) других боимся и 3) которых не замечаем (насекомые и прочее)
Ф.М. Достоевский. Из записных книжек. 1863

1. Введение

В самом общем виде процесс художественной коммуникации представляет собой передачу художественной информации, заключенной в художественном тексте, от адресанта (автора) адресату (читателю, слушателю, зрителю). В случае литературной художественной коммуникации центральным звеном является литературное произведение, совокупность литературных текстов или всё творчество автора, которые репрезентируют авторскую художественную картину мира, зафиксированную в языке. Возможной лингвистической моделью феноменов «художественная картина мира», «художественный мир автора» является функциональный частотный тезаурус языка этого автора. Такое понимание было предложено М.Л. Гаспаровым в статье «Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный»: «Художественный мир текста... есть система всех образов и мотивов, присутствующих в данном тексте. А так как потенциальным образом является каждое существительное (с определяющим его прилагательным), а потенциальным мотивом – каждый глагол (с определяющими его наречиями), то описью художественного мира оказывается полный словарь знаменательных слов соответственного текста. Чтобы эта совокупность образов стала системой образов, а опись художественного мира превратилась в описание художественного мира, она требует количественного и структурного упорядоче-

ния: во-первых, словарь этот должен быть частотным, а во-вторых, он должен быть построен по принципу тезауруса. Частотный тезаурус языка писателя (или произведения, или группы произведений) – вот что такое "художественный мир" в переводе на язык филологической науки...» [Гаспаров 1995: 275]. Тезаурус этот должен быть не формальным, отражающим общеязыковую семантическую иерархию, а функциональным, фиксирующим «нестандартные семантические связи, присущие не языку вообще, а только данному автору (произведению, группе произведений)» [Гаспаров 1995: 282]

В качестве иллюстрации своей идеи М.Л. Гаспаров представил анализ имен существительных в 25 стихотворениях М. Кузмина из книги «Сети». В нашем случае мы сузили предмет исследования до одного существительного *муха*, но расширили материал – это всё творчество Ф.М. Достоевского. Таким образом, наша задача – проанализировать все случаи употребления слова *муха* в текстах Достоевского на материале всего творчества писателя и тем самым реконструировать фрагмент функционального тезауруса, репрезентирующего авторскую картину мира.

Наш предмет исследования – *муха*, – несмотря на кажущуюся незначительность, имеет достаточно большую историю изучения (см., напр., работы: [Словарь языка Достоевского 2012: 808–811; Ружицкий 2015: 202–229; Клейман 2007; Лукпанова 2008; Lönnqvist 2004; Hansen-Löve 1999; Хансен-Лёве 2003; Толстогузов 2017], – где рассматривается роль *мухи* в творчестве Достоевского и других русских писателей). Работы эти имеют преимущественно литературоведческий характер. Наша же цель – представить лингвистический анализ употреблений слова *муха* в языке Достоевского. Главное, что нас будет интересовать, является ли *муха* просто мухой («двукрылым насекомым») или же она является носителем каких-либо других признаков, качеств и свойств, которые характеризуют явления, относящиеся к иным, не энтомологическим, семантическим сферам.

Известно, что в языке зоонимы – названия животных, помимо номинации соответствующих объектов живой природы, могут употребляться в переносном смысле. В основе таких употреблений лежат различные коннотации лексемы, под которыми понимаются «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995: 159]. При этом эти коннотации могут отражать как свойства, реально присущие животным, так и приписываемые им. Обычно эти переносные употребления антропоцентричны, т. е. используются для характеристики различных сфер, связанных с человеком. Можно говорить и о двойной «антропоцентричности», особенно когда речь идет о каких-либо «психических» характеристиках того или другого животного. Действительно, когда мы говорим *смелый как лев*, то сначала мы это качество «приписали» животному, а потом

стали использовать для характеристики человека [Lakoff, Turner 1989: 195–196]. Некоторые из этих коннотаций носят достаточно универсальный характер, совпадая в разных, иногда весьма далеких, языках. Другие же специфичны именно для конкретного языка. Представляется, что аналогичным образом дело обстоит и с языками писателей внутри одного национального языка: какие-то признаки животных будут общими, а какие-то индивидуально-авторскими. «Материальным» (языковым) выражением этих коннотативных признаков зоонимов являются их вторичные значения, фиксируемые в словарях (полисемия), а также фразеологические единицы, в состав которых входят эти наименования, и различные тропы – метафоры и сравнения.

Таким образом, наше исследование слова *муха* в языке Достоевского будет включать следующие аспекты: определение того, используется ли слово в прямом или переносном значении, представление количественного соотношения прямых и переносных употреблений относительно общего числа употреблений слова *муха* в языке Достоевского; рассмотрение случаев переносных значений, а именно – фразеологических единиц с зоонимом *муха*, а также сравнений и метафорических контекстов и выявление тех коннотаций слова *муха*, которые лежат в основе подобных употреблений. Также мы проанализируем по этим же параметрам слово *муха* в языке писателей-современников Достоевского – Толстого, Тургенева, Гончарова и Салтыкова-Щедрина. Полученные результаты позволят представить фрагмент частотного функционального тезауруса языка Достоевского (в смысле Гаспарова) и выявить в нем как черты, сближающие его с языком того времени и с языком писателей-современников, так и индивидуально-авторские особенности передачи художественной информации.

2. Слово *муха* в языке Достоевского

2.1. Частота употребления слова *муха* в языке Достоевского. Соотношение прямых и переносных значений

Абсолютная частота употребления слова *муха* в языке Достоевского – 78, относительная частота – 0.268 (на 100 000 словоупотреблений при объеме Корпуса Достоевского 2 907 989 словоупотреблений)¹. Первое, что обращает на себя внимание, это то, что в подавляющем количестве употреблений слово *муха* используется в переносных значениях. Всего в 8 примерах представлена «реальная» муха – ‘двукрылое насекомое’:

(1) *С дядей разговоры были другого рода. – Прежде кто вы были? – говорит, например, Фома, развалиясь после сытного обеда в покойном кресле, причем слуга, стоя за креслом, должен был отмахивать от не-*

¹ Для анализа использовался Корпус Достоевского (2 907 989 словоупотреблений), созданный в Отделе экспериментальной лексикографии ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН.

го свежей липовой веткой мух (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

Некоторые случаи употребления слова *муха* в исходном значении требует некоторого комментария. Дело в том, что ряд исследователей творчества Достоевского (см., напр.: [Ружицкий 2015: 202–229; Клейман 2007; Лукпанова 2008; Карасев 1994]) усматривают символическую функцию *мухи* – связь *мухи* и смерти – в следующих контекстах:

(2) **а.** *На маленьком столике, у изголовья, блистали снятые и разбросанные бриллианты. В ногах сбиты были в комок какие-то кружева, и на белевших кружевах, выглядывая из-под простыни, обозначился кончик обнаженной ноги; он казался как бы выточенным из мрамора и ужасно был неподвижен. Князь глядел и чувствовал, что, чем больше он глядит, тем еще мертвее и тише становится в комнате. **Вдруг зажужжала проснувшаяся муха, пронеслась над кроватью и затихла у изголовья*** (Ф.М. Достоевский. Идиот); **б.** *Нащупав в кармане револьвер, он вынул его и поправил капсюль; потом сел, вынул из кармана записную книжку и на заглавном, самом заметном листке, написал крупно несколько строк. Перечитав их, он задумался, облокотясь на стол. **Револьвер и записная книжка лежали тут же, у локтя. проснувшиеся мухи лепились на нетронутую порцию телятины, стоящую тут же на столе. Он долго смотрел на них и наконец свободную правую рукой начал ловить одну муху. Долго истощался он в усилиях, но никак не мог поймать*** (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание); **в.** ***Проснувшаяся муха вдруг с налета ударила об стекло и жалобно зажужжала. В самую эту минуту, в углу, между маленьким шкапом и окном, он разглядел как будто висящий на стене салоп. "Зачем тут салоп? – подумал он, – ведь его прежде не было..." Он подошел потихоньку и догадался, что за салопом как будто кто-то прячется. Осторожно отвел он рукою салоп и увидел, что тут стоит стул, а на стуле в уголку сидит старушонка, вся скрючившись и наклонив голову, так что он никак не мог разглядеть лица, но это была она*** (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

Муха сопровождает сцену смерти Настасьи Филипповны (2а), присутствует во время принятия решения Свидригайловым о самоубийстве (2б), является «свидетелем» убийства Раскольниковым старухи-процентщицы (2в).

Отметим, что сопряженность *мухи* и смерти, то, что *муха* предстает как провозвестница смерти, появляется в пограничных состояниях между явью и сном, между жизнью и смертью, является «проводником» в иной мир, имеет глубокие мифологические корни. *Муха* представляет «силы нижнего мира» (ср. наименование Вельзевула – «повелитель мух») [Мифы народов мира 1980: 188], «как дионисийский символ *муха* связана со смертью: метафорически – как мотив разложения и превращения тела в труп, а метонимически – как индекс или симптом приближающейся смер-

ти, близкого конца» [Hansen-Löve 1999: 95]¹. Однако здесь мы уже выходим за пределы чисто лингвистического подхода к анализу языка писателя, поэтому отсылаем интересующегося читателя к вышеназванным исследованиям.

Таким образом, только в 8 случаях в языке Достоевского зооним *муха* используется в своем основном, первичном, значении. В 70 из 78 употреблений слово *муха* имеет коннотативные признаки, которые реализуются во фразеологических выражениях (35 употреблений) и тропеических контекстах – метафорах и сравнениях (35 употреблений). Рассмотрим эти случаи подробнее.

2.2. Фразеологические единицы с компонентом *муха* в языке Достоевского

Исследователи отмечают, что слово *муха*, входя в ядро лексико-семантической группы (ЛСГ) «Насекомые», обладает чрезвычайно высокой фразеологической активностью, являясь опорным компонентом большого количества русских идиом [Корнилов 1993: 14]. Действительно, в современной русской фразеологии зооним *муха* относится к наиболее частотным наряду с *кошкой* / *котом* и *собакой*². Во фразеологических словарях русского языка второй половины XX – начала XXI в. [Тезаурус русских идиом... 2018; АСРФ 2015; Лубенская 2004; БФСРЯ 2006; ФСРЯ 2006] содержится более 25 единиц с компонентом *муха*: *тепло, светло и мухи не кусают; делать / раздуть из мухи слона; отделять мух от котлет; мухи отдельно – котлеты отдельно; муха не сидела; муха не пролетит (где-л. куда-л. откуда-л.); бляха-муха; слышно как муха пролетит; липнуть как мухи; [лететь / слетаться...] как мухи на говно; [лететь / слетаться...] как мухи на мёд; какая муха тебя укусила?; что за муха тебя укусила?; муха цеце укусила; едят тебя / тя мухи!; мухи дохнут / мрут [на лету] (от чего-л.); прихлопнуть / раздавить... как муху (кого-л.); [и] мухи не обидит (кто-л.); под мухой; мрут как мухи (кто-л.); ловить мух, считать мух; как сонная муха; отмахиваться как от назойливой мухи (от кого-л.); белые мухи; до белых мух; муху проглотил; муху задавить; муху зашибить; муху раздавить; жужжать, липнуть, как мухи.*

Фразеологизмы с исследуемым словом присутствовали в русском языке середины XIX в. В словарях фиксируются следующие фразеологические единицы (ФЕ) *мух ловить; муха на возу; (какая) муха укусила?; мухи не обидит; мухи не убьет; как муха к меду льнет; мухи мрут; из мухи слона делать, из блохи верблюда; убить муху; муху задавить (косушку разда-*

¹ Использование мухи как символа смерти известно и в изобразительном искусстве. Так, ванитас (Vanitas), жанр живописи эпохи барокко, представлявший собой аллегорический натюрморт с человеческим черепом, наряду с другими символами, призванными напомнить о быстротечности жизни и неизбежности смерти, включал изображение мухи.

² Подробнее о фразеологических единицах с компонентом *муха* в современном русском языке см.: [Вознесенская 2010].

вить); *мрут будто мухи*; (*дожить на даче*) *до белых мух (до снегу)* [Словарь русского языка XVIII века 2003; Даль 1978; Михельсон 1997]¹. В произведениях Достоевского встречается 8 ФЕ с компонентом *муха* с общим количеством употреблений 35, что составляет чуть меньше половины от общего числа употреблений слова *муха* в языке писателя. Отметим, ни одна идиома не употребляется меньше двух раз.

Выражение *делать из мухи слона* является самым частотным из всех ФЕ, оно употреблено в языке Достоевского 8 раз. В современном русском языке рассматриваемое выражение имеет значение: 'неоправданно преувеличивать значимость какого-то отрицательно оцениваемого события (в том числе его следствий), как бы превращая нечто малое в нечто очень большое и с ним совершенно несопоставимое' [АСРФ 2015: 503–504]². Как показывают контексты употребления, выражение *делать из мухи слона* в языке Достоевского имеет такое же значение. Обращает на себя внимание то, что эта идиома только 2 раза употреблена в нетрансформированном виде:

(3) *На другой день он мне сказал, что чувствует себя очень дурно и всю ночь не спал. В его состоянии не надо было совсем заниматься какими бы то ни было делами. Малейшая неудача, какое-нибудь неприятное известие, и, в болезненном состоянии его, это яд. Он из мухи слона мог сделать, не спать и тревожиться всю ночь* (Ф.М. Достоевский. Письма. 29 июля 1864).

Во всех других случаях рассматриваемая ФЕ употреблена в модифицированном виде. Следующие контексты демонстрируют различные примеры языковой игры:

(4) **а.** *"Пусть я ипохондрик, – думал Вельчанинов, – и, стало быть, из мухи готов слона сделать, но, однако же, легче ль мне оттого, что все это, может быть, только одна фантазия? Ведь если каждая подобная шельма в состоянии будет совершенно перевернуть человека, то ведь это... ведь это..." Действительно, в этой сегодняшней (пятой) встрече, которая так взволновала Вельчанинова, слон явился совсем почти мухой: господин этот, как и прежде, юркнул мимо, но в этот раз уже не разглядывая Вельчанинова и не показывая, как прежде, вида, что его узнает, – а, напротив, опустив глаза и, кажется, очень желая, чтоб его самого не заметили* (Ф.М. Достоевский. Вечный муж); **б.** *"Старуха" Белоконская выслушала все лихорадочные и отчаянные признания Лизаветы Прокофьевны и нисколько не тронулась слезами сбитой с толку матери семейства, даже посмотрела на нее насмешливо. Это была страшная деспотка; в дружбе, даже в самой старинной, не могла терпеть равенства, а на Лизавету Прокофьевну смотрела решительно как на свою протеgee, как и три-*

¹ Из рассмотрения были исключены пословицы, поговорки, приметы, а также выражения, носящий ярко выраженный народный характер.

² Курсивом в толковании выделена экспликация внутренней формы.

дцать пять лет назад, и никак не могла примириться с резкостью и самостоятельностью ее характера. Она заметила между прочим, что, "кажется, они там все, по своей всегдашней привычке, слишком забежали вперед и **из мухи сочинили слона**; что сколько она ни вслушивалась, не убедилась, чтоб у них действительно произошло что-нибудь серьезное; что не лучше ли подождать, пока что-нибудь еще выйdet... (Ф.М. Достоевский. Идиот); **в.** – Вы меня слишком хвалите: я не стою того, – произнесла она с чувством. – Помните, что я говорила вам про ваши глаза? – прибавила она шутливо. – **Что у меня не глаза, а вместо глаз два микроскопа, и что я каждую муху преувеличиваю в верблюда!** Нет-с, тут не верблюд!.. (Ф.М. Достоевский. Подросток); **г.** Сидим мы, например, все без дела, и вдруг нам покажется, что кто-то что-то сказал, что-то сделал, что у нас собственным духом запахло, что дело нашлось, вот мы так все и накинемся непременно уверены, что сейчас начинается. **Муха пролетит, а мы уж думаем, что самого слона провели.** Неопытность юности, ну и голодуха к тому же (Ф.М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях); **д.** Не католическую веру он знал, а римское начало этой веры. О, без сомнения, он действовал как немец, хан протестант, он действовал против основной стихии крайнезападного, всегда враждебного Германии мира, но все же очень и очень многие из гениальнейших и либеральных мыслителей Европы **смотрели на этот поход великого Бисмарка против столь ничтожного папы, как на борьбу слона с мухой** (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1877).

В примере (4а) наряду с исходной, «нормативной», идиомой (*из мухи готов слона делать*) представлен окказиональный, игровой фразеологизм (*слон явился совсем почти мухой*) с «обратным», антонимичным значением 'какая-то проблема оказалась менее серьезной, значимой и важной, чем это представлялось раньше'. Контексты (4б) и (4в) содержат трансформированные выражения с лексической заменой компонентов – глагола (вместо *сделать* – *сочинить*, *преувеличить*) и существительного (вместо *слона* – *верблюд*). При этом идиома в обоих случаях сохраняет свои исходные значение и модель внутренней формы. По-другому дело обстоит с примерами (4г) и (4д), в которых образ, лежащий в основе выражения *делать из мухи слона*, художественно развивается. В контексте (4д) это сопоставление переосмысливается как противостояние противников, находящихся в разных «весовых категориях». В примере (4г) *муха* и *слон* осмысляются как 'нечто незначительное' и 'что-либо важное' соответственно. Все употребления идиомы *делать из мухи слона* (как «исходные», так и трансформированные) демонстрируют актуализацию такого признака мухи как 'маленький размер', переосмысляемый как 'незначительность, ничтожность'.

Следующим по частоте (7 употреблений) является выражение, образная основа которого отсылает к «любви» мух к сладкому. Выраже-

ние имеет форму как муха (мухи) к меду (тесту) (пристать, привязаться, лнуть) [Словарь русского языка XVIII века 2003]; как муха к меду лнет [Даль 1978; Михельсон 1997]. Как отмечается, в XVIII в. ФЕ имела значение 'очень настойчиво, неотвязно' [Словарь русского языка XVIII века]. По всей видимости, с течением времени значение менялось, и оборот стал характеризовать как 'чью-либо сильную заинтересованность в ком-либо / чем-либо', так и 'чрезвычайную привлекательность самого объекта интереса'. Именно это значение иллюстрирует контекст употребления, приведенный М.И. Михельсоном в соответствующей словарной статье: «Коли воспитанницы из себя пригожи, отбою от петиметров нет – так и лнут, как мухи к меду. П.И. Мельников. Бабушкины рассказы» [Михельсон 1997]. В современной русской фразеологии выражение представлено в форме липнуть как мухи; [лететь/слетаться...] как мухи на мёд и относится к таксону ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ [Тезаурус русских идиом... 2018]. В языке Достоевского выражение имеет другие значения, меняется как его компонентный состав, так и семантика. Неизменным остается образная составляющая, включающая отсылку к мухам и чему-либо сладкому. В зависимости от того, какой фрагмент яркой образной ситуации попадает в фокус внимания, происходит профилирование различных семантических признаков и, соответственно, формируются разные значения ФЕ. Так, в следующем контексте актуализируются такие признаки мух, как 'много', 'большое количество':

(5) Гм! про это, батюшка, я вам доподлинно не могу дать ответа. **Много теперь туда всякого бабья напихалось, как мух у варенья; да ведь не разберешь, которая замуж хочет** (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

В «Дневнике писателя» (1881) Достоевский неоднократно использует образ мухи, попавшей в патоку и увязнувшей в ней, создавая развернутый метафорический контекст:

(6) ...Высчитали, что у народа теперь, в этот миг, чуть ли не два десятка начальственных чинов, специально к нему определенных, над ним стоящих, его оберегающих и опекающих. И без того уже бедному человеку все и всякий начальство, а тут еще двадцать штук специальных! **Свобода-то движения ровно как у мухи, попавшей в тарелку с патокой.** А ведь это не только с нравственной, но и с финансовой точки зрения вредно, то есть такая свобода движения. А главное, народ один, без советников. <...> Но если бы только хоть обеспечена была правда народу в будущем, так чтобы он вполне уверовал, что придет она непременно, если б только хоть капельку **выбралась муха из тарелки с патокой**, то и тогда бы совершилось дело великое и неисчислимое. <...> Да ведь я именно и стою на том, чтоб нам отвернуться от многого в теперешнем нашем насущном и текущем и создать себе иное насущное и текущее, и несравненно даже реальнее, чем теперешнее, в которое мы въехали и в ко-

тором сидим, – извините, пожалуйста, **тоже как муха в патоке**, – в этом вся моя мысль. То есть именно в повороте голов и взглядов наших совсем в иную сторону, чем до сих пор, – вот моя мысль. Принципы, принципы наши некоторые надо бы совсем изменить, **мух из патоки повытащить и освободить**. Не популярна, кажется, эта мысль: без движения мы давно уже привыкли быть, а в патоке-то даже и сладко стало сидеть. <...> Это часто и в европейских колониях происходит. И не опустеет Россия, не бойтесь: начнется постепенно, пойдут сначала немногие, но скоро об них придут слухи и увлекут других. И все-таки для моря русского это будет даже и незаметно. **Освободите муху из патоки**, расправьте ей даже как можно крылья, и все-таки потянется туда самый ничтожный процент населения, будет даже и неприметно. А там – ух как там будет приметно! (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1881).

Лежащий в основе всех этих выражений образ (мухи, попавшие в патоку) переосмысливается как ‘трудное, практически безвыходное положение’, а у мухи профилируются признаки ‘беспомощность’ и ‘уязвимость’.

Эти же признаки мухи – ‘большое количество’ и ‘беспомощность’, ‘уязвимость’ – отражены во ФЕ *мрут будто мухи*, зафиксированной уже в XVIII в. [Словарь русского языка XVIII века 2003] и употребленной в языке Достоевского 2 раза:

(7) *Явились краснобаи, рассказчики, бонмотисты. Несколько лиц резко обрисовалось на первом плане. Разумеется, злословие, сплетни шли своим чередом, так как без них и свет не стоит, и миллионы особ **перемерли бы от тоски как мухи*** (Ф.М. Достоевский. Маленький герой).

В основе устойчивого сравнения *прихлопнуть / раздавить... как муху (кого-л.)* также лежит представление о ‘беспомощности’, ‘уязвимости’ ‘слабости’ мухи. Интересно, что эта идиома впервые получила словарную фиксацию только в начале XXI в. [Тезаурус русских идиом... 2018; АСРФ 2015]. В языке Достоевского выражение используется 6 раз, демонстрируя вариативность глагольного компонента:

(8) **а.** *Я положительно знал, что у меня чахотка, и неизлечимая; я не обманывал себя и понимал дело ясно. Но чем яснее я его понимал, тем судорожнее мне хотелось жить; я цеплялся за жизнь и хотел жить во что бы то ни стало. Согласен, что я мог тогда злиться на темный и глухой жребий, распорядившийся **раздавить меня как муху** и, конечно, не зная зачем; но зачем же я не кончил одною злостью?* (Ф.М. Достоевский. Идиот); **б.** *Ну, послушайте, я давно хотел вас спросить: зачем вы, когда входите, тотчас назад оглядываетесь? Это очень смешно. – Зачем оглядываюсь? А все мне кажется, батюшка, что меня сзади кто-нибудь хочет ладошкой **прихлопнуть, как муху**, оттого и оглядываюсь* (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели); **в.** – *Если вы вздумаете завтра убежать, как подлец Ставрогин, – иступленно накинулся он на Кириллова, весь бледный, заикаясь и неточно выговаривая слова, – то я вас на другом кон-*

це шара... **повешу как муху... раздавлю... понимаете!** (Ф.М. Достоевский. Бесы).

Вариативность характеризует и употребление выражения, образная основа которого отсылает к бесшумному полету мухи. В современном русском языке идиома имеет форму *слышно как муха пролетит* (впервые зафиксированна в: [МАС]) и обозначает 'полную тишину'. В языке Достоевского выражение встречается 5 раз, имеет несколько другой, варьирующийся, компонентный состав, но те же образ и значение:

(9) **а.** *Ну, в какую же я труппу попал, Варвара Алексеевна! Ну, уж квартира! Прежде ведь я жил таким глухарем, сами знаете: **смирно, тихо; у меня, бывало, муха летит, так и муху слышно.** А здесь шум, крик, гвалт!* (Ф.М. Достоевский. Бедные люди); **б.** *Пока шла вся эта сцена между Николаем Всеволодовичем и Марьей Тимофеевной, **все молчали в изумлении; муху бы можно услышать;** но только что они вышли, все вдруг заговорили* (Ф.М. Достоевский. Бесы).

Такие признаки мухи, как 'навязчивость' и 'надоедливость', отмечаются в словарях: так, касательно XVIII в. выделяется отдельное переносное значение слова муха 'навязчивый, надоедливый человек' [Словарь русского языка XVIII века 2003], В. Далем приводится выражение *неотвязчив, пристаёт, как муха* [Даль 1978]. Следующие контексты содержат употребления устойчивых сравнений, основанных на этих представлениях о мухе:

(10) **а.** *Но что мучило меня до боли (мимоходом, разумеется, сбоку, мимо главного мучения) – это было одно неотвязчивое, ядовитое впечатление – **неотвязчивое, как ядовитая, осенняя муха, о которой не думаешь, но которая вертится около вас, мешает вам и вдруг пребольно укусит*** (Ф.М. Достоевский. Подросток); **б.** *Насчет замечания вашего о моей непрактичности напомню вам одну мою давнишнюю мысль: что у нас в России целая бездна людей тем и занимаются, что всего яростнее и с особенным **надоеданием, как мухи летом,** нападают на чужую непрактичность, обвиняя в ней всех и каждого, кроме только себя* (Ф.М. Достоевский. Бесы).

В заключение рассмотрения ФЕ с компонентом муха назовем выражение *муху задавить*, обозначающее употребление спиртного и встречающееся в языке Достоевского 3 раза¹:

(11) *Да, слушай, – прибавил он останавливаясь, – ты, я вижу, малый теплый; сочини-ка ты мне того... понимаешь? ромео, так только, **чтоб муху задавить... единственно, чтоб муху задавить,** одну то есть рюмочку* (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

Таким образом, в результате анализа ФЕ с компонентом муха в языке Достоевского были выявлены следующие коннотативные признаки мухи, отраженные во внутренней форме рассматриваемых выражений: маленький размер, большое количество, бесшумность, назойливость, сла-

¹ Подробнее об истории выражения см.: [Виноградов 1994: 332–338].

бость, уязвимость, беспомощность. Перейдем к рассмотрению функционирования слова *муха* в различных тропеических конструкциях и контекстах – сравнениях и метафорах, – и выявлению признаков *мухи*, лежащих в их основе.

2.3. Метафоры, сравнения

Муха, относящаяся к «области источника» (Дж. Лакофф) различных метафор и сравнений в языке Достоевского, демонстрирует следующий набор свойств:

МУХА МАЛЕНЬКАЯ, НИЧТОЖНАЯ, НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ. Такой признак, как маленький размер *мухи*, переосмысляемый как 'ничтожность, незначительность', лежит в основе тропеических контекстов, в которых *муха* используется для характеристики различных персонажей Достоевского, которых не замечают, которыми пренебрегают:

(12) **а.** *Я застал у него еще двух моих школьных товарищей. Они толковали, по-видимому, об одном важном деле. На приход мой ни один из них не обратил почти никакого внимания, что было даже странно, потому что я не видался с ними уж годы. Очевидно, меня считали чем-то вроде самой обыкновенной мухи* (Ф.М. Достоевский. Записки из подполья); **б.** *Рассказывали, что он [Кармазинов] вас встретит, обласкает, прельстит, обворочит своим простодушием, особенно если вы ему почему-нибудь нужны и, уж разумеется, если вы предварительно были ему зарекомендованы. Но при первом князе, при первой графине, при первом человеке, которого он боится, он почитет священнейшим долгом забыть вас с самым оскорбительным пренебрежением, как щепку, как муху, тут же, когда вы еще не успели от него выйти...* (Ф.М. Достоевский. Бесы).

МУХА СЛАБАЯ, БЕЗЗАЩИТНАЯ, УЯЗВИМАЯ. Маленький размер *мухи* имеет своим следствием то, что она осмысливается как существо слабое и уязвимое:

(13) *Я шмыгал, как вьюн, самым некрасивым образом, между прохожими, уступая непрерывно дорогу то генералам, то кавалергардским и гусарским офицерам, то барыням; я чувствовал в эти минуты конвульсивные боли в сердце и жар в спине при одном представлении о мизере моего костюма, о мизере и пошлости моей шмыгающей фигурки. Это была мука-мученская, непрерывное невыносимое унижение от мысли, переходившей в непрерывное и непосредственное ощущение того, что я муха, перед всем этим светом, гадкая, непотребная муха, – всех умнее, всех развитее, всех благороднее, – это уж само собою, – но непрерывно всем уступающая муха, всеми униженная и всеми оскорбленная* (Ф.М. Достоевский. Записки из подполья).

В приведенном выше примере признаки 'беззащитности', 'уязвимости' *мухи* воплощаются словами «униженная и оскорбленная», имеющими чрезвычайную значимость в художественном мире Достоевского. Как известно, именно так называется один из первых романов писателя,

в котором были сформулированы темы, ставшими основными на протяжении всего творчества Достоевского, главная из которых любовь и жалость к угнетенному, «униженному и оскорбленному», «маленькому человеку».

Общепозитическое противопоставление «мухи-жертвы» и «паука-мучителя» в языке Достоевского представлено в ряде развернутых метафорических контекстов:

(14) **а.** *В то, что Шатов донесет, наши все поверили; но в то, что Петр Степанович играет ими как пешками – тоже верили. А затем все знали, что завтра все-таки явятся в комплекте на место, и судьба Шатова решена. Чувствовали, что вдруг как мухи попали в паутину к огромному пауку; злились, но тряслись от страху* (Ф.М. Достоевский. Бесы); **б.** *Я не знаю, может ли паук ненавидеть ту муху, которую наметил и ловит? Миленькая мушка! Мне кажется, жертву любят; по крайней мере можно любить* (Ф.М. Достоевский. Подросток).

МУХА НЕЧИСТАЯ. До этого мы рассматривали случаи, когда мухи (как во фразеологии, так и в метафорах и сравнениях, используемых в языке Достоевского) характеризовались как маленькие, многочисленные, уязвимые, иногда надоедливые существа, и по большей части эти признаки не являлись отрицательными. Вместе с этим муха имеет коннотацию 'нечистоты, порчи' которой присуща ярко негативная оценка, что реализуется в следующем метафорическом контексте:

(15) *Молчи, Алеша, молчи, милый... Эта шельма Грушенька знаток в человеках, она мне говорила однажды, что она когда-нибудь тебя съест. Молчу, молчу! Из мерзостей, с поля, загаженного мухами, перейдем на мою трагедию, тоже на поле, загаженное мухами, то есть всякою низостью. Дело ведь в том, что старикашка хоть и соврал об оболещении невинностей, но в сущности, в трагедии моей, это так ведь и было, хотя раз только было, да и то не состоялось* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы).

Этот же признак 'нечистоты, порчи', основанный на способности мух пачкать своими испражнениями различные предметы, фиксируется в выражениях *мухи засидели* (что-л.), *засиженный мухами*, обозначающих нечто 'грязное, испачканное, практически не пригодное к использованию' (ср. типичные контексты употребления: *засиженная мухами люстра; окна, засиженные мухами; мухи засидели зеркало*)¹. В творчестве Достоевского представлено метафорическое употребление этих выражений, когда они используются для характеристики не материальных предметов, а «психических» сущностей – идей, мыслей:

(16) *"Но без сомнения всего более способствуют заблуждению публики некоторые вислоухие и юродствующие, которые с ухарскою развяз-*

¹ Обычно эти словосочетания рассматриваются как свободные, хотя, на наш взгляд, им присуща слабая степень идиоматичности.

ностью прикомандировывают себя к делу, делаемому молодым поколением... Одним своим участием они **делают неузнаваемым всякое дело, до которого прикасаются, подобно тому, как мухи летом в одну минуту засиживают какую угодно вещь, хотя бы самую драгоценную...** Нет мысли, которой наши вислоухие не обесславили бы, нет дела, которого они не **засидели бы**". <...> Но я не крал у "Времени", я только сошелся с ним мыслями... Что ж, и я могу сходиться мыслями... У меня и выражения другие. У меня тут есть: "**засидели идею, как мухи**". Это прекрасное словечко, и жаль, что вы его не понимаете! (Ф.М. Достоевский. Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах).

В результате семантического переосмысления выражение *мухи засидели (что-л.)* приобретает значение 'испортить, извратить какую-л. идею, дело, начинание'.

Такие свойства мух, как их **МНОГОЧИСЛЕННОСТЬ** и **БЕСШУМНОСТЬ**, лежат в основе следующих сравнительных конструкций:

(17) **а.** *Пиши, мой друг, переводи. За успех я ручаюсь головою, и тебя без денег не оставлю. Подожди, к нам **как мухи налетят**, когда в руках наших увидят переводы. Не одно будет предложение от книгопродавцев и издателей* (Достоевский Ф.М. Письма. июль–август 1844); **б.** – *Только ты мать не буди, – прибавил он, как бы вдруг что-то припомнив. – Она тут всю ночь подле суетилась, да **неслышно так, словно муха**; а теперь, я знаю, прилегла* (Достоевский Ф.М. Подросток).

Являются ли описанные выше особенности употребления слова *муха* в языке Достоевского уникальными и свойственными только его художественному миру или имеют точки пересечения с творчеством других писателей того времени, станет понятно из анализа функционирования слова *муха* в языке писателей-современников (Салтыкова-Щедрина, Толстого, Гончарова, Тургенева).

3. Слово *муха* в языке Салтыкова-Щедрина, Толстого, Гончарова, Тургенева

В начале рассмотрения употребления слова *муха* в творчестве Салтыкова-Щедрина, Толстого, Гончарова и Тургенева приведем количественные данные. Общее количество употреблений слова *муха* у Салтыкова-Щедрина – 110 (0.510)¹, у Тургенева – 67 (0.440), у Гончарова – 49 (0.433), Толстого – 66 (0.238). При этом половину (как у Салтыкова-Щедрина) или больше (как у Тургенева, Гончарова и Толстого) употреблений составляет

¹ Для анализа использовались Корпусы Салтыкова-Щедрина (2 155 189 словоупотреблений); Толстого (2 769 492 словоупотребления); Гончарова (1 131 813 словоупотреблений) и Тургенева (1 519 537 словоупотреблений), созданные в Отделе экспериментальной лексикографии ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. Здесь и далее, когда говорится о частоте употребления лексемы, первое число обозначает абсолютную частоту, а следующее далее число в круглых скобках – относительную частоту на 10 000 словоупотреблений.

использование слова *муха* в прямом значении. На переносные значения приходится 55 (0.255) употреблений у Салтыкова-Щедрина, 30 (0.197) употреблений у Тургенева, 20 (0.177) употреблений у Гончарова и 24 (0.086) у Толстого. Нас будут интересовать переносные употребления, реализующиеся во ФЕ, сравнениях и метафорических контекстах. Естественно, что описание результатов анализа функционирования слова *муха* в языке этих писателей будет производиться с меньшей степенью подробности и детализации, чем это было сделано в отношении Достоевского. Основное внимание будет уделяться так называемым «диагностирующим пятнам» (термин Т.М. Николаевой), т. е. случаям (согласно проведенному анализу), наиболее характерным для языка того или иного писателя и тем самым представляющим особый интерес.

Среди особенностей использования ФЕ с компонентом *муха* отметим следующее. В языке всех рассматриваемых писателей наряду со «словарными» ФЕ (содержащимися в словарях того времени) появляются и новые выражения, еще не получившие словарной фиксации, но хорошо известные современному носителю русского языка. Так, в языке Салтыкова-Щедрина 1 раз употребляется выражение, являющееся «предком» знакомой всем идиомы *слышно как муха пролетит*:

(18) *Еще за полчаса, едва послышалось возделенное стучание тарелок, едва начали расставлять в зале столы, все как-то вдруг присмирело и замолкло; даже на лице Позикова, обыкновенно осклабляющемся, выразилось нечто серьезное, мыслящее. <...> Зато, когда подали ужин, все заняты были одним только делом – едою, **и в комнате, в полном смысле слова, можно было расслышать полет мухи, если б не звуки, производимые усердным стучаньем ножей и вилок** (М.Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия).*

Выражение имеет немного другой компонентный состав, но те же образ (бесшумный полет мухи) и значение ('полная тишина'), что и современная идиома.

У Тургенева встречается выражение *муха не проскочит*. В современном русском языке представлены два выражения, близкие по смыслу, – *муха не пролетит где-л. / куда-л. / откуда-л.* и *мышь не проскочет / прошмыгнет где-л. / куда-л. / откуда-л.*, имеющие в своей внутренней форме отсылку к маленькому, незаметному животному и обозначающие 'недоступность, хорошую защиту какого-л. места'. Видно, что оборот *муха не проскочит* представляет собой как бы контаминацию этих двух выражений. По всей видимости, мы имеем дело с формированием ФЕ, и впоследствии каждое животное «получит» свой глагол, обозначающий свойственный ему способ передвижения:

(19) – *Извольте тотчас взять эту девушку, – воскликнул Семен Матвейч, обращаясь к моему вотчиму и повелительно указывая на меня дрожащей рукой. – Извольте отвести ее к себе в дом и запереть на ключ, на*

замок... чтоб она... пальцем пошевелить не могла, чтобы **муха** к ней **не проскочила!** *Впредь до моего приказа!* (И.С. Тургенев. Бретер).

В языке Гончарова появляется новая идиома как сонная муха (2 употребление), в которой мухе приписывается признак 'медленное движение':

(20) **а.** *Над домом лениво висел голландский флаг; у ворот, как сонные мухи, чуть ползали от зноя часовые с ружьями* (И.А. Гончаров. Фрегат Паллада); **б.** *По огромному заливу кое-где ползают лодки, как сонные мухи* (И.А. Гончаров. Фрегат Паллада).

В текстах Толстого встречается 2 употребления идиомы *какая муха тебя укусила?*:

(21) **а.** – *Что это за бессмыслица!- говорил Степан Аркадьич, узнав от приятеля, что его выгоняют из дому, и найдя Левина в саду, где он гулял, дожидаясь отъезда гостя. – Mais c'est ridicule! Какая тебя муха укусила? Mais c'est du dernier ridicule! Что же тебе показалось, если молодой человек... Но место, в которое Левина укусила муха, видно, еще бодело, потому что он опять побледнел, когда Степан Аркадьич хотел объяснить причину, и поспешно перебил его: – Пожалуйста, не объясняй причины! Я не мог иначе!* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина); **б.** *И что с ним сделалось, нельзя понять. Какая его муха укусила? И отец его почтенный такой человек, кандидат наш* (Л.Н. Толстой. Два гусара).

Идиома является калькой французского выражения *Quelle touche vous à riqué?*. Интересен пример (21а), в котором оборот, приведенный по-русски, «обрамлен» французскими восклицаниями Облонского, а в авторском комментарии содержится игровое употребление идиомы, основанное на материализации ее внутренней формы. Контекст (21б), судя по данным Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorgo.ru/>), представляет собой одно из первых зафиксированных употреблений идиомы в русском языке.

Всего в языке Толстого встречается 4 идиомы с компонентом *муха* с общей частотой употребления 9. У каждого из остальных писателей (Салтыкова-Щедрина, Тургенева и Гончарова) – по 7 идиом. И если в текстах Тургенева и Гончарова они употребляются примерно с одинаковой частотой (10 и 9 употреблений соответственно), то у Салтыкова-Щедрина одно выражение характеризуется высокой частотой употребления. Из 18 употреблений 11 приходится на идиому *муха не обидит*. Помимо этого варианта, встречается вариант *мухе зла не сделает*:

(22) **а.** *Дедушка Матвей Иванович обидел многих – и жил! Я, его внук, клянусь честью, именно мухи не обидел – и чувствую себя находящимся от жизни в отставке!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге); **б.** *Ни один исправник не уходил от нее без утешения, ни один частный пристав не миновал того, чтоб не прийти в восторг от ее ласкового обращения. – Вот уж именно можно сказать: мухе зла не сделала!*

– восклицали хором эти ревностные исполнители начальственных предначертаний (М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадурсы и помпадурши).

Больше половины из всех переносных употреблений слова муха в языке рассматриваемых писателей составляют тропеические контексты (сравнения и метафоры). Отметим некоторые особенности их использования. В языке Салтыкова-Щедрина встречается много сравнительных конструкций, в которых «областью источника» являются различная скорость движения мухи. 'Быстрота' мухи отражена в следующих примерах¹:

(23) **а.** *Постоянно застегнутый на все пуговицы и имея наготове фуражку и перчатки, он представлял собой тип градоначальника, у которого ноги во всякое время готовы бежать неведомо куда. Днем он, как муха, мелькал по городу, наблюдая, чтоб обыватели имели бодрый и веселый вид; ночью – тушил пожары, делал фальшивые тревоги и вообще заставал врасплох* (М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города); **б.** *Живомы пообедали. Он служил расторопно и, несмотря на тучность и немолодые лета, как муха летал из сада в ресторан и обратно, ничего не уронив* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); **в.** *Рестораны переполнены; шампанское льется рекой; облитые потом татары бегают, не слыша под собою ног; ассигнации мелькают в воздухе, как мухи в жаркий летний день...* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы).

С беспорядочным, хаотичным, медленным движением мух сравнивается разброд мыслей:

(24) **а.** *Мысли, зарождающиеся в усадьбах, вдали от всяких учебных пособий, вдали от возможности обмена мыслей – ведь это все равно что мухи, бродящие в летнее время по столу. Поди собери их в одну кучу* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге); **б.** *Сомнение (на помпадурском языке) – это не что иное, как разброд мыслей. Мысли бродят, как в летнее время мухи по столу; побродят, побродят и улетят* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадурсы и помпадурши).

В ряде примеров медленность мух, бесцельность их движения «объясняется» тем, что они «отравленные»:

(25) **а.** *Но мы отвлеклись опять, и потому постараемся сдержать себя. Не станем бродить с пером в руках по газетному листу, как отравленные мухи, но выскажем кратко наши надежды и упования* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге); **б.** *Но, несмотря на то что внутренние враги были побеждены и польская интрига посрамлена, атаманам-молодцам было как-то не по себе, так как о новом градоначальнике все еще не было ни слуху ни духу. Они слонялись по городу, словно отравленные мухи, и не смели ни за какое дело приняться, потому*

¹ В современном русском языке признак 'быстроты', характеризующий муху, присутствует в наречии мухой: – Простите, Государыня, только что прилетел. – Лети сюда. Мухой. – Слушаюсь. Опять в Кремль (В. Сорокин. День опричника).

что не знали, как-то понравятся ихние недавние затеи новому начальнику (М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города).

Из неожиданных коннотаций мухи отметим признак 'счастливая', который реализуется в языке Тургенева в следующих контекстах:

(26) **а.** *Но когда наконец минует это "очарование", человеку иногда становится досадно и жаль, что он посреди счастья так мало наблюдал за самим собою, что он размышлением, воспоминанием не удвоивал, не продолжал своих наслаждений... как будто "блаженствующему" человеку есть когда, да и стоит размышлять о своих чувствах! Счастливый человек – что муха на солнце* (И.С. Тургенев. Бретер); **б.** *Край здесь прекрасный – погода не совсем была благоприятная, – но выдавались дни чудесные. Под старость я начинаю уподобляться мухе: солнце светит, ничего не болит – так и ничего больше не нужно* (И.С. Тургенев. Письма).

4. Муха Достоевского vs. муха Салтыкова-Щедрина, Толстого, Гончарова, Тургенева

Сопоставим данные, полученные в результате анализа употребления слова муха в языке Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Гончарова и Толстого. Так, наибольшее количество употреблений слова муха представлено в языке Салтыкова-Щедрина (0.510)¹, наименьшее – в языке Толстого (0.238). Немного большее количество (0.268) – в языке Достоевского. Это касается общего числа употреблений. Если же сравнивать количество переносных употреблений, то картина меняется: самая высокая частота у Достоевского (0.241) и Салтыкова-Щедрина (0.255), самая низкая – у Толстого (0.086). Соотношение количества прямых и переносных употреблений следующее: Достоевский 0.11, Салтыкова-Щедрин 1, Тургенев 1.2, Гончаров 1.45, Толстой 1.75. Также у каждого автора различается распределение частоты употребления внутри переносных значений. Если у Достоевского поровну ФЕ и тропеических контекстов, то в языке других писателей преобладают сравнения и метафоры. Все данные суммированы в табл. 1.

Таблица 1

Муха	Достоевский 2 907 989	Салтыков-Щедрин 2 155 189	Тургенев 1 519 537	Гончаров 1 131 813	Толстой 2 769 492
Общее количество употреблений	78 (0.268)	110 (0.510)	67 (0.440)	49 (0.433)	66 (0.238)
Прямое значение	8 (0.027)	55 (0.255)	37 (0.243)	29 (0.256)	42 (0.152)
Переносные значения	70 (0.241)	55 (0.255)	30 (0.197)	20 (0.177)	24 (0.086)

¹ Здесь и далее скобках приводится относительная частота на 10 000 словоупотреблений.

Окончание табл. 1

<i>Муха</i>	<i>Достоевский</i> 2 907 989	<i>Салтыков-Щедрин</i> 2 155 189	<i>Тургенев</i> 1 519 537	<i>Гончаров</i> 1 131 813	<i>Толстой</i> 2 769 492
ФЕ (количество употреблений)	35 (0.120)	18 (0.083)	10 (0.066)	9 (0.080)	9 (0.032)
Сравнения, метафоры (количество употреблений)	35 (0.120)	37 (0.172)	20 (0.131)	11 (0.097)	15 (0.054)
Соотношение прямых и переносных значений	0.11	1	1.2	1.45	1.75

Остановимся более подробно на сопоставлении употребления ФЕ с компонентом *муха* у разных авторов. Как видно из табл. 1, наибольшее количество употреблений ФЕ характеризует язык Достоевского (0.120), наименьшая частота у Толстого (0.032). При этом интересно, что количество самих фразеологических оборотов с исследуемым словом у Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Тургенева и Гончарова примерно одинаково – 8 ФЕ у Достоевского и по 7 идиом у Салтыкова-Щедрина, Тургенева и Гончарова. В языке Толстого – 4 ФЕ. Таким образом, если сравнивать количество употреблений и количество самих идиом, то в языке рассматриваемых авторов присутствует разная частота использования каждой из идиом (см. табл. 2).

Таблица 2

ФЕ	<i>Достоевский</i> (8 ФЕ)	<i>Салтыков-Щедрин</i> (7 ФЕ)	<i>Тургенев</i> (7 ФЕ)	<i>Гончаров</i> (7 ФЕ)	<i>Толстой</i> (4 ФЕ)
<i>Делать из мухи слона</i>	8	-	-	1	-
<i>Как муха к меду льнет</i>	7	-	2	2	3
<i>Прихлопнуть / раздавить... как муху</i>	6	-	1	1	-
<i>Слышно как муха пролетит</i>	5	1	-	-	-
<i>Убить муху, муху задавить</i>	3	1	-	-	-
<i>Неотвязчив, пристаёт как муха</i>	3	2	3	1	1
<i>Мрут будто мухи</i>	2	1	1	1	
<i>Какая муха укусила</i>	-	-	-	-	3
<i>Муха не пролетит</i>	-	-	1	-	-
<i>Белые мухи</i>	-	-	1		
<i>Мухи не обидит</i>	-	11	1	1	2
<i>Мухи мрут</i>	-	1	-	-	-
<i>Как сонная муха</i>	-	-	-	2	-
<i>Муха крылом перешибет</i>	1	-	-	-	-
<i>Бедняк, что муха: где забор, там и двор, где щель, там и постель</i>	-	1	-	-	-

У Тургенева, Гончарова и Толстого представлено «равномерное» низкочастотное употребление – каждая ФЕ употребляется 1 или 2 раза, но не более 3 раз; у Салтыкова-Щедрина одна идиома является частотной (11 употреблений из 18), а у Достоевского 4 идиомы, т. е. половина от всего количества, употребляются более 5 раз. Любопытно, что именно наиболее частотная идиома Салтыкова-Щедрина *мухи не обидит* (употребляющаяся и в языке других авторов) отсутствует в языке Достоевского.

Одной из наиболее частотных идиом по суммарной частоте употребления у всех авторов (14 вхождений) является выражение *как муха к меду льнет*, подробно рассмотренное выше (см. раздел 2.2). Было показано, что его употребление в языке Достоевского характеризуется модификацией компонентного состава, сопровождаемой профилированием различных признаков в исходной образной ситуации, что приводит к формированию двух значений, отличающихся от словарных значений этого выражения. Сопоставление с употреблением данной ФЕ в языке других писателей позволяет уточнить сделанные выводы. Так, в текстах Толстого выражение, внутренняя форма которого отсылает к любви мух к сладкому, встречается 3 раза. В каждом случае идиома имеет различный компонентный состав, отражающий высвечивание разных аспектов образной ситуации, и разные значения:

(27) **а.** ...*Первое начало доброй жизни и конец ее – это постоянная борьба с роскошью, а вследствие того и с участием в насилии и зле общественном и в труде, искупающем эту роскошь. Все мы, как мухи в вареньи, завязли в этой роскоши, и нельзя делать достаточно усилий, чтобы выбираться из нее* (Л.Н Толстой. Избранные письма. 30 марта 1897 г.); **б.** *Придет какой-нибудь: где тут бумага какая или еще что, а я вижу, что ему не бумага нужна, а меня так глазами и ест, – говорила она, улыбаясь и как бы в недоумении покачивая головой. – Тоже – артисты. – Да уж это как есть, – подхватила сторожиха, и тотчас полилась ее певучая речь. – Это как мухи на сахар. На что другое их нет, а на это их взять. Хлебом не корми ихнего брата...* (Л.Н Толстой. Воскресение); **в.** *Пропуская спешащих вперед, он вошел последним в помещение, назначенное для свиданий. Первое, что поразило его, когда он, отворив дверь, вошел в это помещение, был оглушающий, сливающийся в один гул крик сотни голосов. Только ближе подойдя к людям, точно как мухи насадившим на сахар, прилепившимся к сетке, делившей комнату надвое, Нехлюдов понял, в чем дело* (Л.Н. Толстой. Воскресение).

В контексте (27а) реализуется коннотация беспомощности мух, увязших в варенье, а само выражение имеет значение ‘трудная, почти безвыходная ситуация’. В примере (27в) отражена многочисленность мух и сравнение обозначает ‘большое количество людей’. Именно в этих двух значениях выражение употребляется в языке Достоевского. В контексте (27б) представлено третье значение, отражающее любовь мух к сладкому

и характеризующее как чей-либо повышенный интерес к кому-л. / чему-л., так и сам объект этого интереса.

Таким образом, можно предположить, что в русском языке середины XIX в. существовало три ФЕ, имеющие одну образную основу, но отличающиеся профилируемыми признаками, компонентным составом и значением: 1) 'заинтересованность' – как мухи к меду льнуть; как мухи на мед / сахар / варенье [лететь]; 2) 'много, большое количество' – как мухи сахар, варенье... облепить что-л.; как мухи на сахар, варенье... насесть на что-л.; 3) 'проблема, безвыходная ситуация' – увязнуть как мухи в варенье, патоке...; попасть как муха в варенье, патоку...¹ При этом яркая образная ситуация, лежащая в основе выражений, имеет потенциал и для других семантических переинтерпретаций. Например, в следующем авторском примере употребления выражения реализуются такие признаки мух, как 'маленький размер' и 'черный цвет':

(28) *Берег постепенно удалялся, утесы уменьшались в размерах; роца в ущелье по-прежнему стала казаться пучком травы; кучки негров на берегу толпились, точно мухи, собравшиеся около капли меду; двое наших, отправившихся на маленький пустой остров, лежащий в заливе, искать насекомых, раковин или растений, ползали, как два муравья* (И.А. Гончаров. Фрегат Паллада).

Вообще, использование ФЕ в языке рассматриваемых авторов характеризуются достаточно широкой вариативностью компонентного состава. Представляется, что это вызвано разными причинами. Во-первых, вариативность существующих «словарных» идиом демонстрирует различные случаи языковой игры. Во-вторых, вариативность может свидетельствовать о развитии полисемии или о том, что перед нами не одна, а несколько идиом. И, в-третьих, варьирующий компонентный состав отражает процесс формирования идиомы, поиск языковой формы выражения.

В основе всех переносных значений мухи (как в ФЕ, так и в тропеических контекстах) лежат определенные коннотации мухи. Некоторые из них встречаются только у одного автора, другие представлены у нескольких. Помимо набора признаков, языки разных авторов различаются и по количественной представленности каждого из признаков. Например, для текстов Салтыкова-Щедрина являются уникальными коннотации мухи по способу движения – «быстрота / медленность» и «хаотичность». У Тур-

¹ Отметим, что образ мух, увязших в меду, восходит к басне Эзопа «Мухи»: *В одной кладовой пролился мед, и на него налетели мухи; они его отведали и, почуяв, какой он сладкий, набросились на него. Но когда увязли у них ноги и не могли они улететь, то сказали, утопая: "Несчастные мы! за недолгую сладость погубили мы свою жизнь"* (пер. М.Л. Гаспарова), – мораль которой формулируется следующим образом: *Так для многих сластолюбие становится причиной великих несчастий*, – что позволяет осуществить семантический переход к другому значению выражения как мухи к меду льнуть; как мухи на мед / сахар / варенье [лететь] – 'сильной заинтересованности кого-л. в ком-л. / чем-л., обычно о чрезмерном интересе мужчин по отношению к женщинам'.

генева встречается неожиданный признак мухи – «счастливая». Большая часть коннотаций *мухи* в языке Достоевского присуща и *мухам* других авторов. Различие заключается в том, что такие признаки *мухи* Достоевского, как маленький размер, ничтожность, незначительность и слабость, незащитность, уязвимость, характеризуются значительно более высокой частотой реализации, чем у других авторов.

5. Заключение

Проведенный анализ употребления слова *муха* в языке Достоевского выявил следующие особенности. Практически во всех случаях (70 из 78 словоупотреблений) *муха* имеет переносное значение, употребляясь в составе фразеологических оборотов, сравнительных конструкций и метафорических контекстов. Половина переносных употреблений приходится на ФЕ с компонентом *муха*. В языке Достоевского используется 8 ФЕ с общей частотой 35. Вторая половина переносных употреблений слова *муха* реализуется в сравнениях и метафорах (35 употреблений). Среди тропических преобразований преобладают сравнительные конструкции.

Переносные употребления слова *муха* в языке Достоевского основаны на актуализации определенных коннотативных признаков *мухи*. Это ее маленький размер, ничтожность, незначительность, многочисленность мух, их назойливость, бесшумность, слабость, незащитность, уязвимость и нечистота. Таким образом, в функциональном тезаурусе Достоевского *муха* должна быть отнесена к следующим семантическим таксонам: НАСЕКОМЫЕ; МАЛО; НЕВАЖНОСТЬ, ОТСУТСТВИЕ ЗНАЧИМОСТИ, ОТСУТСТВИЕ ЦЕННОСТИ; МНОГО; НАДОЕДЛИВОСТЬ; ТИХО, ТИШИНА; АГРЕССИЯ, ЖЕРТВА; УНИЧТОЖЕНИЕ, РАЗРУШЕНИЕ, ПОРЧА. Каждый из таксонов характеризуется разной частотной нагруженностью. Наиболее представительны таксоны НЕВАЖНОСТЬ, ОТСУТСТВИЕ ЗНАЧИМОСТИ, ОТСУТСТВИЕ ЦЕННОСТИ; ТИХО, ТИШИНА; АГРЕССИЯ, ЖЕРТВА, а наименее – таксон НАСЕКОМЫЕ.

Именно эти особенности – преимущественно переносные употребления слова *муха* и высокая частота реализации определенных коннотаций этого зоонима – являются отличительными особенностями идиолекта Достоевского по сравнению с другими писателями-современниками и находят корреляцию с основными чертами его поэтики в целом. Так, почти полное отсутствие реальных мух в функциональном тезаурусе писателя и актуализация в слове *муха* различных коннотативных признаков согласуется с определением Достоевского как городского, «петербургского», писателя – создателя идеологического романа. Самые частотные коннотации *мухи* Достоевского – ее ничтожность и уязвимость – выражают идеи и понятия, чрезвычайно значимые для творчества Достоевского, относясь к характеристике «униженного и оскорбленного» «маленького человека». Не случайно, что при описании Башмачкина, первого «ма-

ленького человека» в русской литературе, в повести «Шинель» (из которой, как известно, «вышла» вся русская реалистическая литература середины и второй половины XIX в.) Н. Гоголь использует образ мухи:

(29) **а.** В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, **как будто бы через приемную пролетела простая муха** (Н.В. Гоголь. Шинель); **б.** И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание и естествонаблюдателя, **не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп** (Н.В. Гоголь. Шинель).

Список литературы

- АСРФ 2015 – Академический словарь русской фразеологии / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСПУС, 2015. 1164 с.
- Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Апресян Ю.Д. Избр. тр. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 156–177.
- БФСРЯ 2006 – Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. 2-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2006. 784 с.
- Вознесенская М.М. Какая бывает муха // Русская речь. 2010. № 2. С. 116–121.
- Гаспаров М.Л. Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Гаспаров М.Л. Избр. тр. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 275–285.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978.
- Карасев Л.В. О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 90–111.
- Клейман Р.Я. Достоевский в творческой интерпретации Иосифа Бродского: эхо преемственности // Достоевский и XX век. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 495–513.
- Корнилов О.А. Лексико-семантическая группа энтомосемизмов в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 23 с.
- Лубенская С.И. Большой русско-английский фразеологический словарь. 2-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. 1017 с.
- Лукпанова Г.Г. Энтомологические и хтонические мотивы в романах Ф.М. Достоевского // Культура и текст. 2008. № 11. С. 186–195.
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 1. 1981. 696 с.; Т. 2. 1982. 736 с.; Т. 3. 1983. 750 с.; Т. 4. 1984. 784 с.
- Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. 720 с.
- Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: в 2 т. М.: Терра, 1997. Т. 1. 800 с.; Т. 2. 832 с.
- Ружицкий И.В. Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 647 с.

- Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. СПб.: Наука, 2003. Вып. 13: Молдавский – напрокудить. 273 с.
- Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2012. Вып. И–М. 848 с.
- Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2018. 888 с.
- Толстогузов П.Н. Муха в гоголевском тексте // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2017. № 1 (26). С. 121–125.
- ФСРЯ 2006 – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: АСТ, 2006. 524 с.
- Ханзен-Лёве А. Муха и смерть // Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. С. 550–555.
- Hansen-Löve A.A. Mukhi – russkie, literaturnye // *Studia Litteraria Polono-Slavica*. Warszawa, 1999. T. 4. S. 95–132.
- Lakoff G., Turner M. *More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor*. The University of Chicago Press, 1989. 230 p.
- Lönnqvist B. Муха у Толстого и у Хлебникова // *Russian Literature*. 2004. Vol. 55. Iss. 1–3. P. 299–306.

References

- Apresyan, Yu.D. (1995), *Konnotatsii kak chast' pragmatiki slova (leksikograficheskii aspekt)* [Connotations as Part of the Pragmatics of the Word (lexicographic aspect)]. Apresyan, Yu.D. *Selected Works*, Vol. 2, Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., pp. 156-177. (in Russian).
- Baranov, A.N., Dobrovolskii, D.O. (eds.) (2018), *Thesaurus of Russian Idioms: Semantic Groups and Contexts*, 2nd ed., Moscow, LEKSRUS publ., 888 p. (in Russian).
- Baranov, A.N., Dobrovolskii, D.O. (eds.) (2015), *Academic Dictionary of Russian Phraseology*, 2nd ed., Moscow, LEKSRUS publ., 1164 p. (in Russian).
- Dal', V. (1978), *Explanatory Dictionary of the living Great Russian language*, in 4 volumes, Moscow, Russkii yazyk publ. (in Russian).
- Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981-1984), *Dictionary of the Russian Language*, in 4 volumes, Moscow, Russkii yazyk publ., Vol. 1, 1981, 696 p.; Vol. 2, 1982, 736 p.; Vol. 3, 1983, 750 p.; Vol. 4, 1984, 784 p. (in Russian).
- Gasparov, M.L. (1995), *Khudozhestvennyi mir M. Kuzmina: tezaurus formal'nyi i tezaurus funktsional'nyi* M.L. [The artistic world of M. Kuzmin: the formal thesaurus and the functional thesaurus]. Gasparov, M.L. *Selected Works*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., pp. 275-285. (in Russian).
- Hansen-Löve, A.A. (2003), *Mukha i smert'* [Fly and death]. *Russkii simbolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskii simbolizm. Kosmicheskaya simbolika* [Russian symbolism. The system of poetic motifs. Mythopoetic symbolism. Cosmic symbolism], St. Petersburg, Akademicheskii proekt publ., pp. 550-555. (in Russian).
- Hansen-Löve, A.A. (1999), *Mukhi – russkie, literaturnye* [Russian, literary flies]. *Studia Litteraria Polono-Slavica*, Vol. 4, Warszawa, pp. 95-131. (in Russian).
- Karasev, L.V. (1994), *O simbolakh Dostoevskogo* [On Dostoevsky's Symbols]. *Voprosy Filosofii*, No. 10, pp. 90-111. (in Russian).

- Karaulov, Yu.N. (ed.) (2012), *Dostoevsky's Dictionary. Idioglossary*, Iss. 3, Moscow, Azbukovnik publ., 848 p. (in Russian).
- Kleiman, R.Ya. (2007), Dostoevskii v tvorcheskoi interpretatsii Iosifa Brodskogo: ekho preemstvennosti [Dostoevsky in the creative interpretation of Joseph Brodsky]. *Dostoevskii i 20 vek* [Dostoevsky and the 20th century], Moscow, Gorky Institute of World Literature of the RAS publ., pp. 495-513. (in Russian).
- Kornilov, O.A. (1993), *Leksiko-semanticheskaya gruppа entomosemizmov v sovremennom russkom yazyke* [Lexico-semantic Group of Entomosemisms in Modern Russian], Author's abstract, Moscow, 23 p. (in Russian).
- Lakoff, G., Turner, M. (1989), *More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor*, The University of Chicago Press, 230 p.
- Lönnqvist, B. (2004), A fly in the Tolstoy's and at Khlebnikov's texts. *Russian Literature*, Vol. 55, iss. 1-3, pp. 299-306. (in Russian).
- Lubenskaya, S.I. (2004), *Large Russian-English Phraseological Dictionary*, 2nd ed., Moscow, AST-PRESS KNIGA publ., 1056 p.
- Lukpanova, G.G. (2008), Entomologicheskie i khtonicheskie motivy v romanakh F.M. Dostoevskogo [Entomological and chthonic motifs in the Dostoevsky's novels]. *Kul'tura i tekst*, No. 11. pp. 186-195. (in Russian).
- Mikhel'son, M.I. (1997), *Russkaya mysl' i rech': Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii* [Russian thought and speech. Experience of Russian phraseology], in 2 volumes, Moscow, Terra publ., Vol. 1, 800 p; Vol. 2, 832 p. (in Russian).
- Molotkov, A.I. (ed.) (2006) *Phraseological Dictionary of the Russian Language*, Moscow, AST publ., Astrel' publ., 524 p. (in Russian).
- Ruzhitskii, I.V. (2015), *Yazykovaya lichnost' F.M. Dostoevskogo: leksikograficheskoe predstavlenie* [The Linguistic Identity of F.M. Dostoevsky: Lexicographic Representation], Prof. Thesis, Moscow, 647 p. (in Russian).
- Sorokin, Yu.S. (ed.) (2003), *Dictionary of the Russian Language of the 18 Century*, Iss. 13, St. Petersburg, Nauka publ., 273 p. (in Russian).
- Teliya, V.N. (2006), *Large phraseological Dictionary of the Russian Language*, Moscow, AST-PRESS Kniga publ., 784 p. (in Russian).
- Tokarev, S.A. (ed.) (1980), *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World], in 2 volumes, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya publ., Vol. 2, 720 p. (in Russian).
- Tolstoguzov, P.N. (2017), The fly in Gogol's text. *Sholom-Aleichem Priamursky state university bulletin*, No. 1 (26), pp. 121-125. (in Russian).
- Voznesenskaya, M.M. (2010), Kakaya byvaet mukha [What kind of fly is there]. *Russian Speech*, No. 2. pp. 116-121. (in Russian).

**A FLY IS UNDER THE MICROSCOPE OF RUSSIAN LITERATURE
(DOSTOEVSKY VS. TOLSTOY,
SALTYKOV-SHCHEDRIN, TURGENEV, GONCHAROV)**

M.M. Voznesenskaya

Vinogradov Russian Language Institute of the RAS (Moscow, Russia)

Abstract: The article considers the analysis of the usage of the noun *mukha* (fly) in the language of F. Dostoevsky. The main linguistic research tasks were: 1) determining whether the word *mukha* (fly) is used in direct or figurative meanings and

presenting a quantitative ratio of direct and figurative meanings, 2) identifying semantic features-connotations that are realized in figurative uses of the word in question – in phraseological constructions with the *mukha* component and in metaphors and comparisons in which *mukha* (fly) refers to the “source domain” (according to G. Lakoff). 3) comparison of the usage features of the word *mukha* (fly) in Dostoevsky's language and in the language of the main Russian writers of the mid-19th century (Tolstoy, Turgenev, Saltykov-Shchedrin and Goncharov). The results of the analysis showed that out of 78 uses of the word *mukha* (fly) in Dostoevsky's texts, only in 8 cases the *mukha* (fly) has a direct meaning ‘two-winged insect’. The remaining cases of the usage of the noun *mukha* (35 – as part of phraseological units, 35 – in metaphors and comparative constructions) demonstrate the actualization of certain semantic features-connotations that are not related to the direct meaning. These are such features as small size, insignificance, the big number of flies, their importunity, noiselessness, weakness, defenselessness, vulnerability and impurity. Thus, in the functional frequency thesaurus of Dostoevsky, representing the author's picture of the world (according to M. Gasparov), *mukha* (fly) should be attributed to the following semantic groups: INSECTS; LITTLE; UNIMPORTANCE, LACK OF SIGNIFICANCE, LACK OF VALUE; MUCH; ANNOYANCE; QUIET, SILENCE; AGGRESSION, VICTIM; DESTRUCTION, DAMAGE, the most frequent use is the following: UNIMPORTANCE, LACK OF SIGNIFICANCE, LACK OF VALUE; QUIET, SILENCE; AGGRESSION, VICTIM, and the least – the group INSECTS.

Key words: language of fiction, artistic communication, author's picture of the world, functional frequency thesaurus of the writer's language, F. Dostoevsky, connotation, phraseological unit, trope, the word *mukha* (fly).

For citation:

Voznesenskaya, M.M. (2021), *A fly is under the microscope of Russian literature (Dostoevsky vs. Tolstoy, Saltykov-Shchedrin, Turgenev, Goncharov)*. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 825-850. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).825-850. (in Russian).

About the author:

Voznesenskaya, Maria Markovna, PhD, Senior Researcher of the Department of Experimental Lexicography

Corresponding author:

Postal address: 18/2, Volkhonka ul., Moscow, 119019, Russia

E-mail: voznesh-masha@yandex.com

Received: March 19, 2021

Revised: May 4, 2021

Accepted: November 8, 2021

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ РОМАНА Э.Т.А. ГОФМАНА
«ЖИТЕЙСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ КОТА МУРРА»
(ТИПОЛОГИЯ ЧТЕНИЯ И ПРОЦЕСС «ПОРОЖДЕНИЯ» ТЕКСТА)**

Н.Н. Мисюров

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Прецедентные тексты рассматриваются связующими элементами гипертекста – дискурса романтического искусства. Создаваемые с помощью прецедентных текстов (фрагментов «чужих» жанрово разнородных художественных структур и «смыслов») «собственные структуры» реализуют авторский замысел. Функции прецедентных феноменов в художественном тексте «эмблематического» для немецкого романтизма и для русской «воспринимающей» культуры шедевра рассматриваются на стыке лингвистики, культурологии и литературоведения. Экзистенциальный выбор писателя превращает всякое «объяснение мира» в «театральное представление» – такова формула творчества Э.Т.А. Гофмана. Романтическая модель мира обусловлена «единством противоположностей» индивидуума и универсума; взаимопроникновение «идеального» и обыденного, музыкального и театрального – ее специфика. Практика литературного письма ориентирована на «диалогический» характер взаимоотношений автора и читателя, текста и литературного произведения; в таком ракурсе раскрываются смысловые уровни текста, конкретизируются «конструкты» авторского мифотворчества. Читательская рецепция авторского дискурса зависит от интерпретации (декодирования) текста, его кодов и знаков. Анализ текстовых вкраплений в художественную «ткань» романа подтвердил исследовательские тезисы: во-первых, прецедентность – действительно является важнейшей характеристикой фоновых знаний; во-вторых, дифференцирующей характеристикой прецедентных феноменов является их способность выполнять роль эталона культуры, функционировать как «свернутая метафора», выступать символом «биографической» ситуации; в-третьих, когнитивная и эмоциональная значимость прецедентных текстов делает их «маркером» принадлежности субъекта к романтической эпохе и ее богатейшей культуре. Функциональная роль их в романе состоит в совместном – автора и читателя – «порождении» нового, мозаичного и вместе с тем синкретичного текста.

Ключевые слова: автор, произведение, текст, текстовая структура, ценности и смыслы.

Для цитирования:

Мисюров Н.Н. Прецедентные феномены романа Э.Т.А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» (типология чтения и процесс «порождения» текста) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 851–868. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).851-868.

Сведения об авторе:

Мисюров Николай Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры журналистики и медиалингвистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: journalist-omgu@yandex.ru

Дата поступления статьи: 23.04.2021

Дата рецензирования: 15.05.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

1. Введение

Автор, произведение и читатель – характерные для литературы «производственные процессы» (написания, освоения и обмена) – взаимосвязаны и образуют сложную систему коммуникативных отношений. Эта специфическая, подвижная (в смысле вариативности и условности «прочитывания» смысловых содержаний текста, субъективности читательской интерпретации), вместе с тем постоянная, неизменная (детерминированная законами художественного творчества, когнитивными смыслами) структура связана как эвристически понимаемое целое «непосредственно и опосредованно в диахроническом плане с историческим процессом, а в плане синхронном – с материальными условиями и идеологическими отношениями, свойственными соответствующей общественной формации» [Общество. Литература. Чтение 1978: 29]. Произведение – «письмо, производящее некий эффект»; литература включается в качестве предмета потребления в круговорот обмена (реальность – автор – произведение – публика); потребление литературы есть «транслингвистическая работа» [Кристева 2004: 226].

Необходимость различения «содержания» и «смысла» всякого текста (не только художественного) обусловлена необходимостью различения знания, объективируемого в тексте автором, и знания, получаемого реципиентом при восприятии текста; понимание текста обусловлено, «помимо непосредственно текста, рядом факторов (коммуникативный контекст – социокультурный и ситуативный, эмоциональное состояние реципиента, фоновые знания)» [Каменская 1990: 40]. Текст является условной структурой, «репрезентирующей литературное произведение,

предоставляющее читателю возможность воспринимать его и интерпретировать, но на самом деле не адекватное ему» [Гришунин 1998: 37]. «Диапазон знаковости» интерпретаций текста зависит от позиции «получателя» (относительная объективность и относительная субъективность в восприятии одинаково важны); «оба аспекта бытия текста трудноотделимы друг от друга» [Лукин 2005: 250].

Вся человеческая культура в целом представляет собой «гипертекст» (как «способ ассоциативного представления информации», предоставляющий читателю свободу в выборе последовательности прочтения текста), состоящий из самых разнообразных текстов религии, законов, философии, произведений искусства; важным элементом владения культурой является знание прецедентных текстов (рассматриваемых как элемент гипертекста, связующее звено его текстовых структур и образований), «базовый набор их различен для каждой культуры (субкультуры)» [Чилингир 2011: 16].

Таким образом, задача междисциплинарных (учитывая многообразие аспектов изучения вопроса) исследований на стыке лингвистики и культурологии, литературоведения и истории литературы состоит в выяснении целей и самого механизма «введения в дискурс» (в литературный) определенных «вторичных» текстов, в установлении «адекватных языковых средств, выражающих ту или иную культурную единицу в дискурсе», и основных «прагматических функций апелляции к данной культурной единице в различных коммуникативных ситуациях» [Слышкин 2000: 7].

2. Методология исследования проблемы

Итак, текст художественного произведения рассматривается «материально-идеальным единством», обладающим определенной семантической структурой (на уровне «онтологической схемы объекта») и соответствующей внутренней (существующей в своей одновременности) организацией «становящегося целого» [Белоусов 2008: 180]. «Смысловое содержание» текста является результатом определенных «интерпретационных процедур», ими устанавливаются взаимосвязи с текстовыми структурами и элементами (компонентами, «единицами» структур); сама же целостная деятельность интерпретатора предстает как «целенаправленно организованная последовательность приемов, действий»; «значение» (отличное от содержания) формируется «языковыми формами» [Белоусов 2008: 13]. В процессе чтения, восприятия и последующей интерпретации изменяется изначальное (авторское) содержание; изменения означают трансформацию «семантических контуров» пространства художественного текста. Дуализм формы и содержания преодолевается художественной идеей, реализующейся в адекватной структуре и не существ-

вующей вне ее; «измененная структура» доносит до читателя уже совершенно «иную идею» [Лотман 2000: 24].

«Жизнь текста» продолжается вне зависимости от воли его создателя, принципиальная множественность его интерпретаций является проблемой как лингвистики, так и культурологии; в этой связи возрастает значимость прецедентных текстов как «единицы» текстовой концептуальной сферы [Слышкин 2000: 26]. Текст рассматривается уже не как «зафиксированная материальная форма», но как процесс; он по природе своей подвижен [Барт 1994: 415]. Готовность индивида обогатить порождаемый им текст фрагментами из воспринятых ранее текстов или текстовыми реминисценциями характерна для всех видов дискурса. Такими могут быть осознанные или неосознанные, точные или же преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее текстам в составе более позднего текста; частотность текстовых реминисценций, умение использовать их в соответствии с коммуникативными целями, жанровая принадлежность текстов, служащих основой для текстовых реминисценций, являются показателями характеристики языковой личности; «писатели, рисуя портрет того или иного персонажа, уделяют существенное внимание его приверженности тем или иным текстам» [Супрун 1995: 27]. Текст Р. Барта сравнивал с тканью, «некоей завесой, за которой с большим или меньшим успехом скрывается смысл»; текст «порождается» нескончаемым плетением множества нитей [Барт 1994: 135]; субъекту важно не заблудиться в этой «текстуре».

Как взаимодействуют «вторичные» текстовые образования (мотивом и причиной их возникновения становится совместное – автора с читателем – «порождение» литературного произведения), в том числе прецедентные феномены, с авторскими «собственными структурами», каковы результаты их «симбиоза»?

«Интервербальное воображение» реципиента не следует смешивать с читательским воображением вообще, проявляющимся в результате восприятия текста, оно видоизменяет «действенную силу» художественного слова и представляет собой предварительную работу нашего переживания всего содержания; чтение есть прежде всего «процесс комбинированный» (комбинирование интимных читательских переживаний наряду с переживаниями героев), а значит – творческий. «Обыкновенно эти плоды интервербального воображения исчезают, вытесняются другими» [Рубакин 1977: 117]. «Библиопсихологический коррелят», затрагивающий человеческую «природу», есть не только явление культуры (общечеловеческой и внутренней, духовной), но особый инструмент «настройки» коммуникации [Рубакин 1977: 86]. С лингвистической точки зрения, «отношение субъекта речи, равно как и слушающего к действительности – отношение ценностное» [Телия 1986: 21]. Иначе говоря, автор-

ский замысел реализуется в аксиологической рефлексии читателя в процессе культурной коммуникации¹.

Проследим взаимосвязь типологии чтения с процессом «порождения» текста, чтобы, во-первых, уточнить семантическую «конструкцию» авторского замысла и весьма оригинальную даже для художественной практики романтизма реализацию, во-вторых, выявить «содержания» и когнитивное значение для развития сюжета и для создания и углубленной разработки художественных образов многочисленных прецедентных феноменов в романе. Задача осложняется (и одновременно упрощается, поскольку сопоставления позволяют выявить общее и особенное) тем обстоятельством, что предметом анализа становится переводной текст романтического сочинения, породившего собой целый «гипертекст культуры»; на почве русской культуры сформируется самобытная традиция. Закон «единства в многообразии» – универсальный эстетический принцип, «равно применимый к материальной и духовной среде» [Синергетическая парадигма 2002: 222]. Во взаимоотношениях двух национальных культур (русской и немецкой) романтическая эпоха – лучшее время «узнавания». «Локализация» объекта исследования позволяет обозначить перспективы изучения предмета: природу, смысловое содержание, эстетические и когнитивные **цели и функции прецедентных феноменов** в структуре «открытого произведения».

Лингвокультурологические аспекты исследования

«Текстовыми преобразованиями» называют различные «способы введения в дискурс» текстов, известных говорящему и слушающему (автору и читателю) и потому не требующих воспроизведения в процессе общения; такие тексты не приводятся целиком, во-первых, из-за достаточно большого их объема, сравнимого с объемом всего дискурса личности, во-вторых, по причине их включенности в фонд обязательных знаний в данной национальной культуре и в силу этого – общеизвестности. В структуре языковой личности образы прецедентных текстов занимают особое место, выполняя роль стандартных средств (знаков, символов) для оценки определенных фактов, отношений и ситуаций; «любая оценка или самооценка есть модальная реакция» [Караулов 2003: 237].

В действительности одновременно с авторской существует читательская концепция восприятия произведения; понимание многомерности связей завит от уровня «познавательной активности» читателя; в результате читатель становится ближе к пониманию авторского замысла, «интертекст является маркером стимула для более углубленного понимания текста» [Фатеева 2007: 17]. Различные уровни языка (текста) и при-

¹ См. специально опубликованную в этом же издании статью автора: [Мисюров 2020].

надлежащие им единицы обладают разной степенью культурной «наполненности» и культурной обусловленности [Гудков 2003: 141].

Прецедентные феномены¹ основываются на общности социальных, культурных или языковых «фоновых знаний» адресанта и адресата, реципиента (автора и его читателя); целесообразность целенаправленного использования прецедентных феноменов в художественной литературе обусловлена эстетическими задачами автора; ценность хрестоматийного по характеру и принадлежащего общекультурному фонду языка прецедентного текста любой протяженности подтверждается частотностью обращений к нему при создании («порождении») на его основе новых текстовых структур. Вторичные номинации возникают из употребления языковых единиц вне их прямой функции для выражения «не стереотипного» отражения пропущенной через сознание субъекта объективной действительности [Гак 1998: 222]. Это применимо к художественному образу: многогранность и глубина эмоционально-психологической разработки обеспечивается разнообразными выразительными языковыми средствами – как собственно авторскими, так и «порожденными» читательским восприятием. Общеизвестность прецедентных текстов обуславливает их интерпретируемость: они выходят за рамки словесного искусства, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств (опере и балете, живописи, скульптуре), становясь «фактом культуры в широком смысле слова и получая интерпретацию у новых поколений; жанровые переходы здесь возможны самые неожиданные» [Караулов 2003: 217].

За любым прецедентным феноменом стоит «образ-представление, включающий в себя ограниченный набор признаков самого феномена, входящий в когнитивную базу лингвокультурного сообщества», это – «национально детерминированное минимизированное представление» [Гудков 1999: 147]. Прием введения прецедентного текста в дискурс языковой личности (тем самым актуализируется в «интеллектуально-эмоциональном поле коммуникации») близок языковой номинации; прецедентный текст редко вводится целиком, а всегда только в сжатом виде – пересказом, фрагментом [Караулов 2003: 217]. Номинативное употребление текстовых реминисценций мотивировано особыми коммуникативными задачами; «в большинстве случаев передаваемая информация может быть актуализирована в сознании адресата с помощью стандартных языковых единиц» [Слышкин 2000: 92]. Наиболее часто используемым в номинативной функции видом текстовой реминисценции является прямое ци-

¹ К числу прецедентных относят «интеллектуально-эмоциональные блоки, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации» [Караулов 2003: 104]. Различные реминисценции, в виде которых прецедентные тексты функционируют в дискурсе, являются ассоциативными стимулами, оживляющими в сознании носителя языка концепты прецедентных текстов [Слышкин 2000: 38].

тирование, дословное воспроизведение языковой личностью части текста в своем дискурсе в том виде, в котором этот отрывок текста сохранился в памяти цитирующего; характерно отсутствие ссылки на источник цитирования [Слышкин 2000: 39].

Литературоведческие основания исследования

Роман «Житейские воззрения кота Мурра» задуман Гофманом как обобщение творческого опыта (тяжело болевший, воевавший с «власть предержащими», он успел издать в 1819–1821 гг. два тома, третий не появился). В «Приписке издателя» сообщалось о «прискорбном событии» – безвременной кончине «бедного Мурра» (реальный любимец писателя): *Худо, что покойный не успел завершить изложение своих житейских воззрений и запискам его суждено так и остаться фрагментом* (Э.Т.А. Гофман. Житейские воззрения кота Мурра). «Эти два тома составляют вполне целостную структуру; присутствуют все темы предшествующих произведений, «Гофман, сам талантливый музыкант, развивает на материале их богатейшую полифонию романа» [Карельский 2007: 294].

Итак, весьма оригинальное художественное пространство романа, соединяющего собой почти автобиографию, историю жизненных страданий «безумного капельмейстера» Иоганнеса Крейсlera с «философским» и ироничным жизнеописанием ученого кота Мурра, организуется «суггестивно заряженными» способами и приемами с помощью семантически окрашенных языковых средств; прецедентные тексты здесь занимают особое место. Задача – **доставить удовольствие «истинному» читателю**, наделенному умом и душой.

Остроумная типология «удовольствий от чтения», предложенная Р. Бартом, весьма точно обозначает возможные аспекты «прочтения» (восприятия и всякого иного использования текста) литературного произведения; «эта типология не будет социальной, ибо удовольствие не принадлежит ни произведенному продукту, ни самому процессу производства; она может быть только "психоаналитической": одному читателю подходит текст, раздробленный на множество цитат, близко удовольствие от отдельного слова; другой будет "вожделеть к букве", ко "вторичным метаязыкам"; третий станет производить сюжетные ходы, развивающиеся подобно играм с хитроумными правилами; четвертый принимает всё за чистую монету, погружается в "комедию языка", теряет способность быть субъектом какого-либо критического взгляда и смело продирается сквозь текст (что отнюдь не равносильно тому, чтобы проецировать себя в него)» [Барт 1994: 515]. Доминанта всей этой конструкции – **«литература для чтения»**.

В современной теории литературы взаимодействие текстов (различных жанров, разного объема, стилей, различающихся эмоциональностью окрашенности), порождающее «новый» текст, применяется для характе-

ристики способа анализа и оценки художественного текста, вообще для описания специфики художественного творчества. «Практика литературного письма онтологически сориентирована на диалогический характер, ибо природа диалогического слова раскрывает смысловые уровни текста, конкретизирует авторский мировоззренческий комплекс, создает эффект мерцания эстетической перспективы»; создавая новый текст писатель, попадает в «условную матрицу межтекстовых взаимодействий, преломлений и трансформаций»; читатель, в свою очередь, декодируя текст, «преодолеывает наличный состав языка, манипулирует кодами, играет знаками, ориентированно слагает рецепцию авторского дискурса» [Безруков 2018: 8].

3. Описание результатов исследования

В романе главным героем, ученым котом Мурром, «вводятся в дискурс» в качестве прецедентных текстов фрагменты, цитаты, перифразы, реминисценции, отсылки и прочие прецедентные феномены (разной длительности и значимости), этот массив «чужих» сюжетов, образов и характеров используется в процессе «порождения» – вместе с читателем (непосредственно в обращениях к читателю и опосредованно в читательской реакции) – текста романа. Важную роль этих «вкраплений» в мозаичную панораму жизни, в создании авторских «собственных структур» этого литературного шедевра переоценить трудно.

По поводу предельной эмоциональной окрашенности прецедентных феноменов, адресующих читателя к музыкальным «бестселлерам» оперного театра («Дон Жуан» Моцарта, «Орфей и Эвридика» Гайдна, «Армида» Глюка, «Севильский цирюльник» Россини), к драматическим шедеврам европейских и национальных классиков («Гамлет» и «Как вам это понравится» Шекспира, «Отец семейства» Дидро, «Смерть Валленштейна» Шиллера, «Эгмонт» Гёте, поставленный на сцене Венского оперного театра, увертюру к постановке написал Бетховен), заметим, что романтики вообще требовали от искусства «энергии переживания, сопереживания и сочувствия» [Берковский 2001: 500].

Наблюдения выходят за рамки обозначенной в статье парадигмы, поскольку особое отношение к Э.Т.А. Гофману (выделенному из всех немецких «классиков» и романтиков [Ботникова 1977]) в русской культуре обусловлено и «германофильским комплексом» (идушим от увлечения немецкой идеалистической философией) русских интеллектуалов, и извечной, согласно Н.А. Бердяеву, дихотомией «русской души» и «немецкого духа»; но это тема другого исследования. Коды культуры универсальны по природе своей; «однако их проявления, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой»; очевидно, условно универсальный характер носят также некоторые «базовые метафоры»; однако, это – «гипо-

тетически возможные универсалии» [Красных 2001: 5]. Анализ художественного текста подтверждает «хрестоматийность» прецедентных текстов, что делает их пригодными для **«интервенции» в другие формы искусства, в иные по природе художественные структуры**.

В качестве прецедентных текстов используются реминисценции из опубликованных произведений – «Крейслериана» (1815), «Ночные рассказы» (1817), «Мадемуазель де Сюдери» (1820). Обширен список «чужих» произведений, так или иначе включенных в состав текстовых структур его сочинения, вплетенных в «ткань» (воспользуемся обозначением Р. Барта) романа, их почти под сотню. Драматические шедевры – на первом месте: «Эгмонт» (1778) и «Фауст» (1808) Гёте, «Смерть Валленштейна» (1799) и «Орлеанская дева» (1801) Шиллера, «Минна фон Барнхельм» (1767) Лессинга, «Гамлет» (1600), «Ромео и Джульетта» (1597), «Буря» (1623) Шекспира, «Отец семейства» (1758) Дидро, «Император Октавиан» (1804) Тика и др. Мастерски обыгрываются сюжетные ситуации и образы известных комедий: шекспировские «Как вам это понравится?» (1623) и «Сон в летнюю ночь» (1623), «Рыцарь Синяя Борода» (1796) и «Кот в сапогах» (1797) Тика, «Любовь к трем апельсинам» (1761), «Турандот» (1762) и другие «театральные сказки» Гоцци.

Прецедентными текстами становятся фрагменты, сделавшиеся «крылатыми выражениями» реплики героев известных литературных произведений, преимущественно романов: «Хромой бес» (1707) А. Лессажа, «Сентиментальное путешествие» (1768) Стерна, конечно же, «Годы учений Вильгельма Мейстера» (1795) Гёте, малоизвестный ныне многотомный «Титан» (1800–1803) Жан-Поля, книга путешествий «Прогулка в Сиракузы» (1803) И.Г. Зейме; «Новелла о беседе двух собак» (в сборнике «Назидательные новеллы», 1613) Сервантеса и «Необычайные приключения Петера Шлемиля» (1813) Шамиссо; отсылки к «Исповеди» (1789) Руссо и диалогу «Племянник Рамо» (1805) Дидро, а также к сказкам «Тысячи и одной ночи» и древнегреческим мифам. Обширны цитаты, музыкальные и вербальные (поликодовая их природа – предмет отдельного разговора), из популярных опер: «Армида» (1777) Глюка, «Дон Жуан» (1787) Моцарта, «Остров духов» (1790) Ф. Готтера, «Швейцарское семейство» (1809) Й. Вейгеля, а также Россини и «всяких прочих» (в критической оценке Гофмана как музыканта, увлеченного искусством «романтической оперы» [Художественный мир Гофмана 1982: 114]) их немецких подражателей.

Источником прецедентных текстов становятся философские сочинения И. Канта (лекции его Гофман слушал в студенческие годы) и «загадочного» Й. Гаманна, педагогические труды И. Песталоцци и И. Базедова, трактаты «Обхождение с людьми» (1788) моралиста А. фон Книнге и «Замечания о языке» (1800) Г.К. Лихтенберга, а также такие «опусы», как «Опыт изложения животного магнетизма» (1782) К.А. Клуге, «Этюд о сне» (1786) Д. Вольфа, «Опыт теории сна» (1791) Г. Нудова и «Символика сна»

(1814) Г. фон Шуберта (Гофман увлекался этими сочинениями в связи с прогрессирующим недугом, лишавшим его сна).

В рамках данной статьи мы сможем разобрать лишь два-три примера.

В «театральной» сцене приготовлений кота Мурр к дуэли с обидчиком, повествователь переходит на язык шекспировских героев: *Это был вызов, – с чрезвычайным гневом воскликнул Муций. – Завтра я потребую объяснения от этого пестрого нахала! На следующее утро Муций отправился к нему и спросил его от моего имени, задел ли он мой хвост? Тот попросил передать мне, что да, он задел мой хвост. На это я ответил, что если он задел мой хвост, то я вынужден считать это вызовом. Он заявил, что я могу считать это чем угодно. На это я решительно сказал: итак, и сочту это вызовом. На что он дерзко высказал суждение, что я решительно не в состоянии определить, что такое вызов. Я ему ответил на это, что знаю это отлично и даже куда лучше, чем он... На это он зашипел, что я еще юнец и болван. Ну, возразил я, дабы за мной осталось превосходство, ежели я болван и недоросль, то он подлейший шпиц! – Вслед за этим последовал формальный вызов. (Примечание издателя на полях: О, Мурр, о, котик мой! Либо дела чести не изменились со времен Шекспира, либо я ловлю тебя на сочинительской лжи. Это значит, на такой лжи, которая должна служить тому, чтобы придать происшествию, о котором ты повествуешь, больше блеска и огня! – Не является ли история о том, как ты вызвал на дуэль пестрого кота-задиру, несомненной пародией на семь раз отвергнутую ложь Оселка в «Как вам это понравится». Разве я не нахожу в твоих препирательствах перед дуэлью все ступени лестницы, от вежливого осведомления, изящной колкости, грубого возражения, резкой отповеди вплоть до дерзновенного отпора?) (Э.Т.А. Гофман. Житейские воззрения кота Мурра).*

В комедии Шекспира «Как вам это понравится» это место выглядит так:

О с е л о к: О, мессир, мы ссоримся по-печатному, по книге – есть такие книги для людей с хорошими манерами. Я вам назову все степени. Первая – вежливый ответ; вторая – скромная насмешка; третья – грубое возражение; четвертая – энергическое опровержение; пятая – драчливое противоречие; шестая – улика условная; седьмая – улика прямая. Все эти степени можно удачно обойти, исключая улику прямую... (У. Шекспир. Как вам это понравится).

Ученый кот Гинцман произносит «последнее слово» над бранными останками друга в манере принца Датского: *Взгляните, как лежит сей благородный муж на холодной охапке соломы, вытянув все четыре лапы! Ничто не разомкнет его навеки сомкнувшиеся уста! Глаза его, которые прежде излучали то сладчайшее любовное пламя, то все уничтожающий гнев, о, эти сверкающие, о эти золотисто-зеленые глаза! – увы, они за-*

крылись! Смертельная бледность заливает лицо усопшего, вяло свисают уши, бессильно повис хвост! О, брат Муций, где нынче твои веселые прыжки, где твоя ликующая веселость и жизнерадостность, столь отчетливое и бодрое «мяу», наполнявшее ликованием все сердца; где твое мужество, твоя стойкость, твое остроумие? Все, все похитила у тебя безжалостная смерть... (Э.Т.А. Гофман. Житейские воззрения Кота Мурра).

Вот этот известный эпизод: *Г а м л е т : Бедный Йорик! Это был человек бесконечного остроумия, неистощимый на выдумки. Он тысячу раз таскал меня на спине. А теперь это само отвращение. Здесь должны были двигаться губы, которые я целовал не знаю сколько раз. – Где теперь твои каламбуры, твои смешные выходки, твои куплеты? Где заразительное веселье, охватывавшее всех за столом? Ничего в запасе, чтоб позубоскалить над собственной беззубостью?* (У. Шекспир. Гамлет, принц Датский).

Наконец, примеры «свернутых» цитат и отсылок: у Гофмана капельмейстер Крейслер обсуждает с «милостивейшей» принцессой Гедвигой подоплеку и перспективы мезальянса (неравного брака): *Пожалуй, вполне безразлично, будет ли возлюбленная, живущая в груди артиста, княгиней или дочерью простого булочника, лишь бы не была индюшкой* (Э.Т.А. Гофман. Житейские воззрения Кота Мурра); у Шекспира Клавдий беседует с сошедшей с ума Офелией: *К о р о л ь : Как вам живется, милочка моя? О ф е л и я : Хорошо, награди вас Бог. Говорят, сова была раньше дочкой пекаря. Вот и знай после этого, что нас ожидает. Благослови Бог вашу трапезу!* (У. Шекспир. Гамлет, принц Датский); обе сцены трагические и прецедентное использование не является пародийным вариантом. Вот комическая трансформация: у Гофмана оголодавший герой восклицает: *О, аппетит, имя тебе – кот!* (Э.Т.А. Гофман. Житейские воззрения Кота Мурра); у Шекспира полубезумный Гамлет порицает родную мать: *Что поминать! Она к нему влеклась, как будто голод рос от утоленья... О, женщины, вам имя – вероломство!* (У. Шекспир. Гамлет, принц Датский).

Основные выводы

Итак, знаменитый принцип «двоемирия» – романтически заостренное выражение «извечной проблемы» искусства, трагического противоречия между идеалом и действительностью; обыденность прозаична и убога, это «не подлинная» жизнь; идеал прекрасен и поэтичен, но в каждом творении художника присутствует непреложный закон «земного притяжения» [Карельский 2007: 278, 395].

Гофман, поделивший всё человечество на две неравных половины – «хороших людей, но плохих музыкантов или вовсе не музыкантов» и «истинных музыкантов», – наделяет своего ироничного alter ego всеми качествами истинного художника, одновременно наделяет его некоторыми отталкивающими чертами филистера, язык его высокопарен, велеречив, скроен из каких-то особых «блоков» и «элементов» (выразительных средств,

способствующих «усилению эффективности коммуникации при чтении»), стиль и лексикон его как романтического поэта пародийны. Вот образчик: *Мои сочинения, несомненно, зажгут в груди не одного юного, одаренного разумом и сердцем кота высокий пламень поэзии, иной благородный кот-юнец проникнется возвышенными идеалами книги, которую я вот сейчас держу в лапах, и воскликнет в восторженном порыве: «О Мурр, божественный Мурр, величайший гений нашего достославного кошачьего рода!»* (Э.Т.А. Гофман. Житейские воззрения кота Мурра).

Неудивительно, что решение такой художественной задачи требовало особых языковых средств, прецедентные тексты (**обозначенные ими «фрагменты действительности» несут в себе определенные «культурные коды»**) в этом перечне занимают первостепенное место. Эксперимент Гофмана подтверждает существование еще одной сферы номинативной деятельности, «в которой субъект заинтересован не в объективном отображении мира или нормативно-ценностного отношения к нему, а в достижении определенного воздействия на адресата путем выражения собственнo своего отношения к миру, к выделению в нем ценностей (с положительной или отрицательной оценкой) таким образом, чтобы явно осознавалась субъективность этого выделения» [Телия 1986: 10]. Мир художественной литературы при этом представляет собой «виртуальную реальность», которая тоже является частью действительности; персонажи художественных произведений, населяя «вторичную действительность», созданную автором, также входят в действительность «первичную» [Красных 2003: 10].

Слово – это «структура мира»; но писатель теряет свою «собственную структуру»; слово подвергается бесконечно обработке, действительность служит ему лишь предлогом; «если слово и объясняет мир, то лишь затем, чтобы позднее мир вновь предстал неоднозначным» [Барт 1994: 135]. Помимо прецедентных феноменов, организующих пространство художественного текста, конституирующими факторами стилистического порядка являются «типы выдвижения» (конвергенция, обманутое ожидание, семантический повтор и др.); «их важнейшие функции в тексте состоят в придании тексту структурности, установлении иерархии смыслов в тексте, установлении связи между элементами и целым, усилении эстетического и эмоционального воздействия, создании избыточности»; «семантически релевантные отношения между элементами разных уровней текста» помогают ориентироваться читателю [Арнольд 2016: 155].

4. Заключение

Наше время можно назвать «веком размышлений о том, что такое литература»; такие поиски ведутся внутри самой литературы, на самом ее пограничье, где она начинает разрушаться как «язык-объект» и сохраняется лишь в качестве «метаязыка»; этим определяется ее трагизм; об-

щество оставляет без ответа диалектически поставленный старый вопрос: что делать? «Истина нашей литературы – не в области действия, но она не принадлежит уже и области природы: это маска» [Барт 1994: 132]. Проблема, обозначенная им с известной долей преувеличения, как следует понимать, не только методологического характера (эпистемология «неклассической рациональности» не в состоянии предложить подходящий инструментарий «философствования» на эту и другие темы, потому так много говорится о возможностях эпистемологии «нелинейности»). Для писателя вопрос «почему мир таков?» полностью поглощается вопросом «как о нем писать?»; труд писателя обретает самодостаточную ценность, он осознает литературу как цель, но она превращается в средство отображения окружающего мира (как и его внутреннего мира); «литература беспрестанно обманывает ожидания писателя, в этой обманчивости воссоединяется со странным миром» (одновременно реальным и ирреальным) [Барт 1994: 134].

Структура литературного произведения, объединяющая «конкретные сообщения» и «отдельные воплощения» (которыми она вовсе не исчерпывается, будучи только «звеном цепи» более элементарных или более фундаментальных структур), по мнению У. Эко, есть исследовательский инструмент для адекватного описания этих разнообразных явлений. За **структурными моделями, которыми мы оперируем**, скрываются «неясные ускользающие структуры»; одно описание должно быть соотносено с другим описанием; эта «корреляция дискурсов» способствует прояснению «модификаций самих явлений» и только лишь; в поисках «кодов» исчезает смысл [Эко 1998: 327]. Иначе говоря, литературу необходимо оставить в ее **эстетической цельности**.

Список литературы

- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: URSS, 2016. 448 с.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
- Безруков А.Н. Функции интертекстуальности в пределах дискурсивной практики // Интертекстуальность художественного дискурса: материалы Всерос. науч. конф. (г. Астрахань, 20 апр. 2018 г.). Астрахань: Изд-во Астрах. гос. ун-та, 2018. С. 8–13.
- Белюсов К.И. Синергетика текста: От структуры к форме. М.: ЛИБРОКОМ, 2008. 248 с.
- Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 510 с.
- Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература (первая половина XIX в.): К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 206 с.
- Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 763 с.
- Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. 416 с.

- Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
- Гудков Д.Б.* Прецедентные имена и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.
- Каменская О.Л.* Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990. 152 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 261 с.
- Карельский А.В.* Немецкий Орфей: беседы по истории западных литератур. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. 608 с.
- Красных В.В.* Свой среди чужих: Миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
- Красных В.В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19.
- Кристева Ю.* Избранные труды. Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. 656 с.
- Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
- Лукин В.А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005. 560 с.
- Мисюров Н.Н.* Аксиологическая рефлексия в коммуникации // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 1. С. 7–18. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(1).7-18.
- Общество. Литература. Чтение: Восприятие литературы в теоретическом аспекте / пер. с нем. под ред. О.В. Егорова. М.: Прогресс, 1978. 293 с.
- Рубакин Н.А.* Психология читателя и книги. М.: Книга, 1977. 263 с.
- Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / сост. и отв. ред. В.А. Копчик. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 496 с.
- Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. 142 с.
- Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–29.
- Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 144 с.
- Фатеева Н.А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007. 280 с.
- Чилингир Е.Ю.* Гипертекст в литературе, журналистике и пиаре: социокультурный аспект // Вестник славянских культур. 2011. № 1. С. 15–22.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.

Источники

- Гофман Э.Т.А.* Крейслериана. Житейские воззрения Кота Мурра. Дневники. М.: Наука, 1972. 667 с.
- Гете И.В.* Годы учения Вильгельма Мейстера. М.: Художественная литература, 1978. 526 с.
- Лессаж А.Р.* Хромой бес. М.: Иолос, 1993. 620 с.
- Лессинг Г.Э.* Драмы. Басни в прозе. М.: Художественная литература, 1972. 98 с.
- Немецкая романтическая комедия: сб. пер. СПб.: Гиперион, 2004. 720 с.

- Сервантес М. де*. Назидательные новеллы. М.: Наука, 2020. Кн. 1. 548 с.; Кн. 2. 396 с.
- Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М.: Художественная литература, 1968. 715 с.
- Шекспир У.* Великие трагедии в русских переводах. Гамлет. М.: ПРОЗАиК, 2014. 591 с.
- Шекспир У.* Комедии. М.: Эксмо, 2010. 762 с.
- Шекспир У.* Укрощение строптивой. Ромео и Джульетта. Сон в летнюю ночь. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2003. 240 с.
- Шекспир У.* Как вам это понравится? СПб.: Кристалл, 2002. 159 с.
- Шекспир У.* Трагедии. Сонеты. М.: Художественная литература, 1968. 792 с.
- Шиллер Ф.* Валленштейн: драмат. поэма. М.: Наука, 1981. 592 с.

References

- Arnol'd, I.V. (2016), *Semantika. Stil'. Intertekstual'nost'* [Semantics. Style. Intertextuality], Moscow, URSS publ., 448 p. (in Russian).
- Barthes, R. (1994), *Selected Works: Semiotics. Poetics*, Moscow, Progress publ., 616 p. (in Russian).
- Belousov, K.I. (2008), *Sinergetika teksta: ot struktury k forme* [Text Synergetics: from structure to form], Moscow, LIBROKOM publ., 248 p. (in Russian).
- Berkovskii, N.Ya. (2001), *Romatizm v Germanii* [Romanticism in Germany], St. Petersburg, Azbuka-klassika publ., 510 p. (in Russian).
- Botnikova, A.B. (1977), *E.T.A. Hoffmann i russkaya literatura (pervaya polovina 19 veka): k probleme russko-nemetskikh literaturnykh svyazei* [E.T.A. Hoffmann and Russian literature (the first half of the 19th century): to the problem of Russian-German literary ties], Voronezh, University of Voronezh publ., 206 p. (in Russian).
- Chilingir, E.Yu. (2011), Hypertext in literature, journalism and pr: social and cultural aspect. *Bulletin of slavic cultures*, No. 1, pp. 15-22. (in Russian).
- Eco, U. (1998), *Missing structure. Introduction to semiology*, St. Petersburg, Petropolis publ., 432 p. (in Russian).
- Fateeva, N.A. (2007), *Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti* [Inter-text in the world of texts: Counterpoint of intertextuality], Moscow, KomKniga publ., 280 p. (in Russian).
- Gak, V.G. (1998), *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformation], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 763 p. (in Russian).
- Grishunin, A.L. (1998), *Issledovatel'skie aspekty tekstologii* [Research aspects of textology], Moscow, Nasledie publ., 416 p. (in Russian).
- Gudkov, D.B. (2003), *Teoriya i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication], Moscow, Gnozis publ., 288 p. (in Russian).
- Gudkov, D.B. (1999), *Pretsedentnye imena i problema pretsedentnosti* [Precedent names and problems of precedent], Moscow, Moscow State University publ., 152 p. (in Russian).
- Kamenskaya, O.L. (1990), *Tekst i kommunikatsiya* [Text and communication], Moscow, Vysshaya shkola publ., 152 p. (in Russian).

- Karaulov, Yu.N. (2003), *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality], 3rd ed., Moscow, Editorial URSS publ., 261 p. (in Russian).
- Karel'skii, A.B. (2007), *Nemetskii Orfei* [German Orpheus], conversations on the history of Western literature, Moscow, RSUH publ., 608 p. (in Russian).
- Koptsik, V.A. (ed.) (2002), *Synergeticheskaya paradigma: nelineinoie myshlenie v nauke i iskusstve* [Synergistic paradigm. Nonlinear thinking in science and art], Moscow, Progress-Traditsiya publ., 496 p. (in Russian).
- Krasnykh, V.V. (2003), *Svoi sredi chuzhikh: mif ili real'nost'?* [Embraced by strangers: Myth or reality?], Moscow, Gnozis publ., 375 p. (in Russian).
- Krasnykh, V.V. (2001), Kody i etalony kul'tury (priglasenie k razgovoru) [Codes and standards of culture (invitation to talk)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication], Iss. 19, Moscow, MAKS Press publ., pp. 5-19. (in Russian).
- Kristeva, Yu. (2004), *Selected works. Destruction of poetry*, Moscow, ROSSPEN publ., 656 p. (in Russian).
- Lotman, Yu.M. (2000), *Ob iskusstve* [About art], St. Petersburg, Iskusstvo publ., 704 p. (in Russian).
- Lukin, V.A. (2005), *Khudozhestvennyi tekst: osnovy lingvisticheskoi teorii. Analiticheskii minimum* [Artistic text: basics of linguistic theory. Analytical minimum], Moscow, Os'-89 publ., 560 p. (in Russian).
- Misyurov, N.N. (2020), Axiological reflection in communication. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, No. 1, pp 7-18. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(1).7-18. (in Russian).
- Naumann, M., Dieter S., Karlheinz, B. Society. (1978), *Literature. Reading: The perception of literature in the theoretical aspect*, Moscow, Progress publ., 293 p. (in Russian).
- Rubakin, N.A. (1977), *Psikhologiya chitatelya i knigi* [Psychology reader and book], Moscow, Kniga publ., 263 p. (in Russian).
- Slyshkin, G.G. (2000), *Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov* [Linguocultural concepts of case texts], Moscow, Academia publ., 142 p. (in Russian).
- Suprun, A.E. (1995), Textual reminiscences as a linguistic phenomenon. *Voprosy Jazykoznanija*, No. 6, pp. 17-29. (in Russian).
- Theliya, V.N. (1986), *Konnativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspect of semantics of nominative units], Moscow, Nauka publ., 144 p. (in Russian).

Sources

- Cervantes, M. de. (2020), *Instructive novels*, in 2 books, Moscow, Nauka publ., Bk. 1, 548 p.; Bk. 2, 396 p. (in Russian).
- (2004), *German Romantic Comedy*, A collection of translations, St. Petersburg, Giperion publ., 720 p. (in Russian).
- Goethe, J.W. (1978), *Wilhelm Meister's Apprenticeship*, Moscow, Khudozhestvennaya literatura publ., 526 p. (in Russian).
- Hoffman, E.T.A. (1972), *Kreislerian. The Life and Opinions of the Tomcat Murr. Diaries*, Moscow, Nauka publ., 667 p. (in Russian).

- Lesage, A.R. (1993), *Lame demon*, Moscow, Iolos publ., 620 p. (in Russian).
- Lessing, G.E. (1972), *Dramas. Fables in prose*, Moscow, Khudozhestvennaya literatura publ., 98 p. (in Russian).
- Shakespeare, W. (2010), *Comedies*, Moscow, Eksmo publ., 762 p. (in Russian).
- Shakespeare, W. (2002), *As You Like It*, St. Petersburg, Kristall publ., 159 p. (in Russian).
- Shakespeare, W. (2003), *The Taming of the Shrew. Romeo and Juliet. A Midsummer Night's Dream*, Moscow, OLMA Media Grupp, 240 p. (in Russian).
- Shakespeare, W. (1968), *Tragedies. Sonnets*, Moscow, Khudozhestvennaya literatura publ., 792 p. (in Russian).
- Sterne, L. (1968), *The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman. A Sentimental Journey Through France and Italy*, Moscow, Khudozhestvennaya literatura publ., 715 p. (in Russian).

**PRECEDENT PHENOMENA IN E.T.A. HOFFMANN'S NOVEL
"THE LIFE AND OPINIONS OF THE TOMCAT MURR"
(READING TYPOLOGY AND PROCESS OF TEXTS PRODUCTION)**

N.N. Misyurov

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: Precedent texts are considered as the connecting elements of hypertext – the discourse of romantic art. “Own structures” created with the help of precedent texts (fragments of other genre heterogeneous artistic structures and “meanings”) implement the author's idea. The functions of precedent phenomena are considered at the intersection of linguistics, cultural studies, and literary studies in the artistic text of the “emblematic” for German romanticism and for the Russian “perceiving” culture of the masterpiece. The existential choice of the writer turns every “explanation of the world” into a “theatrical performance”; this is the expression of E.T.A. Hoffmann's work. The romantic model of the world is conditioned by the “unity of opposites” of the individual and the university; the interpenetration of the “perfect” and ordinary, musical and theatrical – its specificity. The very practice of literary writing is focused on the “dialogue” nature of the relationship between the author and the reader, the text and the literary work; in this perspective, the semantic levels of the text are revealed, the “constructs” of the author's “myth-making” are specified. The readership of the author's discourse depends on the interpretation (decoding) of the text, its codes and signs. Analysis of textual interspersed into the artistic “tissue” of the novel confirmed research talking points: first, precedent is indeed the most important characteristic of background knowledge; secondly, the differentiating characteristic of case phenomena is their ability to play the role of the “standard” of culture, to function as a “collapsed metaphor”, to act as a symbol of the “biographical” situation; thirdly, the cognitive and emotional significance of case texts makes them a “marker” of the subject's belonging to the romantic era and its rich culture. Their functional role in the novel consists in the joint – author and reader – the “birth” of the new, mosaic and at the same time syncretic text.

Key words: author, literary work, text, text structure, values and meanings.

For citation:

Misyurov, N.N. (2021), Precedent phenomena in E.T.A. Hoffmann's novel "The Life and Opinions of the Tomcat Murr" (reading typology and process of texts production). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 851-868. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).851-868. (in Russian).

About the author:

Misyurov, Nikolay Nikolaevich, Prof., Professor of the Department of Journalism and Media Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: journalist-omgu@yandex.ru

Received: April 23, 2021

Revised: May 15, 2021

Accepted: November 8, 2021

Раздел V

РЕЦЕНЗИИ

Part V

REVIEWS

СМЫСЛЫ В КОНТЕКСТАХ
Рецензия на монографию В.Е. Чернявской
«Текст и социальный контекст: социолингвистический
и дискурсивный анализ смыслопорождения»
(М.: URSS: ЛЕНАНД, 2021. 208 с.)

Е.С. Кара-Мурза

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

Аннотация: Рецензия посвящена монографии В.Е. Чернявской, которая предлагает новые исследовательские ракурсы рассмотрения традиционной темы – роли контекста в интерпретации смысла. Авторская концепция лингвистического контекстуализма имеет опору в зарубежной и отечественной лингвистике текста и дискурса. В книге предложена методология и понятийный аппарат для описания функционирования контекста как научного инструмента: социальный контекст, контекстуализация, политизация контекста, управление контекстом и др. Автор демонстрирует яркие образцы анализа, которые дают доступ к адекватному толкованию сложных, в том числе конфликтных и манипулятивных речевых практик, а через них – к пониманию социума.

Ключевые слова: контекст, социальный контекст, контекстуализация, социолингвистика, дискурсивный анализ, политизация контекста.

Для цитирования:

Кара-Мурза Е.С. Смыслы в контекстах. Рецензия на монографию В.Е. Чернявской «Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения» (М.: URSS: ЛЕНАНД, 2021. 208 с.) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 871–881. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).871-881.

Сведения об авторе:

Кара-Мурза Елена Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 9/1

E-mail: Kara-murza-elena@yandex.ru

Дата поступления статьи: 26.08.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

Для нашей цифровой эпохи характерны информационная перенасыщенность, сопровождаемая недостатком осознания смыслов и целей, и одновременно конфликтогенное противоборство идеологий и этик, которое обнаруживает, с одной стороны, массированное наступление СМИ на человека, а с другой – сверхплотные дискуссии в соцсетях и на других интернет-площадках. Всё это делает особенно актуальными проблему интерпретации смыслов, а значит, интерпретативные направления в лингвистике.

Актуальный и ПЕРСПЕКТИВНЫЙ взгляд предложен в новой монографии В.Е. Чернявской, которую автор в рамках магистральных тем ее научного творчества – лингвистики текста и лингвистики дискурса – посвятила феномену контекста как одного из основных в гуманитаристике объяснительных инструментов, предназначенного для изучения механизмов (не)понимания.

Особенностью данной книги является акцент на контексте социальном; название книги перекликается с названием классической работы У. Лабова по социолингвистике – «Изучение языка в его социальном контексте» [Labov 1970]. В новой монографии В.Е. Чернявская предлагает собственную концепцию контекста как доступа к смыслам: «Цель предлагаемого анализа – показать процессы смыслопорождения и понимания текстов в коммуникации внутри общества, в социальных отношениях. Рассматривается, как лингвистические формы и высказывания становятся частью широкой деятельности человека в социуме» (с. 6). Их взаимообусловленность автор описывает следующим образом: «Социальная среда, в которой язык функционирует, рассматривается как контекст. В таком исследовательском ракурсе язык, функционирующий в контексте и рассматриваемый в контексте, может быть определен термином дискурс. Интерпретация и понимание в таком ракурсе означает процесс извлечения из текста информации о дискурсе» (с. 7), а также: «Основополагающее значение в анализе получает тезис о включенности процессов семантизации и смыслопорождения в социальный контекст» (с. 11).

Опираясь на мнение М.А. Хэллидея, что «наивысшим уровнем лингвистического анализа является объяснение использования языка в социальном контексте» (с. 11), автор обобщает: «В книге представлен еще один этап и следующий уровень в дискурсивном анализе процессов порождения и понимания смысла текста» (с. 190). И мы видим: эта новая книга встраивается – как замыкающее (но, конечно, не завершающее) звено в цепь публикаций В.Е. Чернявской (статей, монографий, учебников – см. библиографию), которые, всегда обладая методологической значимостью, посвящены, с одной стороны, разным аспектам «языка в действии»; с другой – вопросам речевого воздействия в историческом, политическом и рекламном дискурсе; и одновременно выявляют болевые проблемы современной научной коммуникации, глобализированной и маркетизированной.

Новая монография (с подготавливавшими ее журнальными публикациями) встраивается в мировую междисциплинарную традицию. Как всегда в своих работах, автор обеспечивает энциклопедически широкий диахронический и синхронный обзор данного проблемного поля в зарубежном языкознании (преимущественно в его немецко- и англоязычных вариантах): в функциональной лингвистике (М. Хэллидей), в дискурс-анализе, в том числе критическом (Т. ван Дейк и др.), в интерпретационной социолингвистике (Д. Гамперц и др.). Учитывает достижения социологов (И. Гофман и др.). И, конечно, опирается на идеи отечественных ученых (М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, Г.И. Богина), ссылаясь на работы И.В. Арнольд, Е.А. Гончаровой, В.З. Демьянкова, С.Т. Золяна, В.Б. Кашкина, Ю.М. Лотмана, Е.Н. Молодыхенко, Г.П. Щедровицкого, И.А. Щировой.

Отметим, что и в советской, и в российской лингвистике феномену контекста придавалось и придается большое значение (обзоры см. в: [Мощанская 2014; Доминикан 2017]). Некогда его концентрированным выражением стала монография «Контекстная семантика» (1980), написанная Г.В. Колшанским – известным германистом, переводчиком и вузовским деятелем, основателем школы коммуникативной лингвистики и одним из зачинателей отечественных когнитивно-дискурсивных штудий: «Контекст является одним из факторов, который разрешает противоречие конечности языка и бесконечности познания мира благодаря универсальной комбинации всех языковых и неязыковых средств, участвующих в общении людей» [Колшанский 1980: 134]. Вообще говоря, показателем научной важности темы может считаться наличие монографических исследований. Так вот, за рубежом вышло много книг со словом «контекст» и его производными в названии, тогда как у нас всего две. Между первой лингвистической монографией (Г.В. Колшанского) и второй (В.Е. Чернявской) прошло более 40 лет. Между концепциями этих монографий есть отчетливая, на наш взгляд, разница, обусловленная в том числе временем их создания. По утверждению Г.В. Колшанского, «изучение языка в качестве системы, характерное для современной лингвистики... потребовало включения всех содержательных связей слов и предложений соответственно через словосочетания и периоды. Именно эта необходимость изучения семантики единиц только в их отношениях, образуемых при формировании коммуникативных единиц (т. е. текстов. – Е. К.-М.), выдвинула на повестку дня изучение всех видов окружения этих единиц, другими словами, всех контекстных связей, что по существу и привело к созданию важнейшего аспекта лингвистики – контекстной семантики» [Колшанский 1980: 4–5]. В этих (и многих других) высказываниях ученого нам видится языкоцентризм и текстоцентризм, тогда как концепция В.Е. Чернявской дискурсоцентрична, что доказывается в том числе оригинальной терминосистемой, непривычной для отечественного «контекстоведения», которую автор «пересобирает» из актуальных, преимущественно зарубежных направлений, изучающих *language in use*.

Композиция книги о смыслопорождении имеет концентрический характер и предназначена для того, чтобы читатели постепенно и неуклонно овладевали ее понятийной системой и углублялись в ее содержание. Основные термины, во-первых, вынесены на лицевую сторону обложки; во-вторых, содержатся в названиях глав и параграфов, где, в-третьих, они подробно раскрываются; в-четвертых, их экспликации посвящен специальный параграф во введении – «Ключевые понятия». Это 1) **практика**, или социальная реальность, с широким диапазоном составляющих, как-то субъекты дискурса (индивидуальные или коллективные), идеологические установки, культурно-специфические нормы и конвенции, т. е. основные внеязыковые факторы контекста; 2) **индексальность** – она связывает использование языка с социальными характеристиками людей и с ожидаемыми от них действиями, манифестируя нормативность языка и стандартность общения; 3) **рефлексивность** и изучающая ее 4) **метапрагматика**, которая «обращена на эффекты использования языка и других семиотических систем в дискурсе» (с. 18). Когда, по словам автора, «рефлексия человека и его метапрагматическое знание о том, как используется язык, выходят на уровень устойчивых фреймов восприятия и интерпретации», можно говорить 5) о **языковой идеологии**, которая «ориентирована на сложившуюся практику использования языка» (с. 16). 6) Важнейшее понятие – **контекстуализация**, т. е. речемыслительные процессы выдвижения говорящим и понимания адресатом внешних неязыковых факторов как существенных смысловых опор, которые задают рамки для интерпретации и понимания высказываний / текстов. При контекстуализации возникают 7) **социальные значения** как смысловые приращения слова / высказывания в ситуации; эти значения автор рекомендует отличать от личностных смыслов: первые отражают опыт сообщества и его общие оценки (в том числе политкорректность). А ключевыми в монографии являются 8) парные термины **понимание** и **непонимание**; последнее – прагматически значимое измерение коммуникации: в постграйсовской парадигме, которую подробно разбирает автор, оно считается допустимым и естественным, а не только ошибкой понимания как презумптивной нормы.

Кроме того, само введение имеет теоретический характер и сложный состав и, помимо этого параграфа, содержит еще два. В первом («Методологические основания исследования») автор начинает *ab ovo* – с вопроса, «что сегодня может и должен изучать лингвист» (с. 7), «насколько далеко может зайти лингвист, интерпретируя речевую структуру внутри коммуникативной практики» (с. 8), и приходит к выводу, что «сегодня действительным, реально изучаемым объектом является не отдельная речевая структура, но коммуникативная ситуация и коммуникативная практика, в которых порождается и воспринимается высказывание» (с. 11), а «данные об использовании языка информативны для характеристики социальных процессов и структур» (с. 9), и «это по-новому ставит вопрос о том, как лин-

гвистический анализ вносит свой склад в действительно комплексные и междисциплинарные феномены» (с. 11). А в третьем параграфе («Структура книги») автор демонстрирует логику изложения в монографии и еще раз выявляет связь ключевых понятий. Таким образом, информационная инфраструктура монографии обнаруживает старания автора быть адекватно понятым читательской аудиторией как важнейшую ценность коммуникативного процесса, в данном случае – в научной коммуникации, проблемам которой профессор Чернявская посвятила много своих работ.

Монография состоит из восьми глав, в каждой из которых несколько параграфов.

Тот факт, что данная монография пронизана проблематикой понимания и интерпретации, метапрагматики и рефлексии, позволяет вписать книгу в контекст отечественных школ дискурсологии и интерпретативизма, каковы, например, белгородская школа современного дискурс-анализа, воронежская школа коммуникативистики и переводоведения с ее акцентом на метакоммуникации, кемеровская школа изучения обыденного метаязыкового сознания, омская школа изучения коммуникативных стратегий, тактик и дискурсивных практик, новосибирская школа интерпретационной лингвистики, тверская школа филологической герменевтики. Проблематика (не)понимания обсуждается и в научном сообществе, которое сложилось вокруг многолетней международной конференции «Понимание в коммуникации» и главным «мотором» которого много лет является профессор Е.Г. Борисова.

Можно также провести параллели между предложенным профессором Чернявской вариантом лингвистики текста и дискурс-анализа и функциональной стилистикой (прежде всего – в пермской школе М.Н. Кожинной). Автор рассматривает ее как влиятельный подход в прагматически ориентированной лингвистике (с. 27). Ее доминанта – экстралингвистические факторы стилиобразования и текстопорождения – соотносится с составляющими социальных практик: субъектами дискурса, индивидуальными и коллективными; идеологическими установками, культурно-специфическими нормами и конвенциями (с. 12). А возможность управлять контекстами изменяет представления о речевой системности.

Очевидно, что публикация монографии В.Е. Чернявской означает новый этап развития этих направлений отечественной лингвистики.

Более того, рецензируемая книга может быть рассмотрена и в более широком интеллектуальном поле. Ведь в результате «лингвистического поворота» понятие «контекст» стало органичным элементом самых разных областей науки и практики, хотя метафорический характер его употребления в них вызывает сомнения [Порус 2006]. Типология контекстов является важнейшим инструментом IT-технологий [Елькина, Конова, Прокудин 2019]. Термины «контекст» и «контекстуализм» применяются в искусствознании и в психологии, в архитектуре и в средовом ди-

зайне. В эпистемологии контекстуализм рассматривается как методологическая программа [Касавин 2005].

Ряд положений наиболее близки мне как преподавателю стилистики русского языка на факультете журналистики МГУ и как лингвисту-эксперту ГЛЭДИС. Так, для студентов факультета журналистики (включая слушателей программ переподготовки) очень важно осознать антитезу «свобода смыслопорождения или предзаданность понимания» (с. 26). В преподавании (медиа)стилистики основной единицей изучения является медиатекст, а объяснение «языка в действии» (как нормативных, так и экспрессивных его вариантов) изначально опирается на контекст – и на узкий (собственно языковой, т. е. на локализацию обсуждаемого фрагмента в жанрово- и дискурсивно-определенном произведении), и на широкий (как дискурсивный, т. е. в контексте издания, так и внеязыковой, т. е. в ситуации порождения и восприятия с ее многочисленными экстралингвистическими факторами). Соответственно, начинающим журналистам надо помочь осознать множественность этих объяснительных контекстов, которые вовлечены в осмысление медиапродуктов (включая их собственные), в том числе как конфликтогенный фактор: контекст автора, вложившего в произведение свой смысл; контексты массовой аудитории, извлекающей из него свои смыслы; контексты персонажей, которые могут стать истцами; контексты правоприменителей, которые могут усмотреть в публикации речевой деликт и инкриминировать его автору и/или изданию. Здесь особое внимание привлекает глава 4 «Контекстуализация и управление контекстом». Учитывая идеи социолога И. Гоффмана об интерпретации с опорой на фреймы, автор формулирует: «Участник коммуникации может выбирать, какой фрейм, т. е. какие понятия и какая связь понятий, актуален для него здесь и сейчас» (с. 84). Взяв в качестве основных понятий «индексальность» и «рефлексивность», «мы получаем возможность, – говорит автор, – подойти к контексту как к исследовательскому объекту и получить ответы на вопрос о том, как можно управлять процессами порождения и восприятия смыслов» (с. 76). С помощью термина «управление контекстом» можно метафорически описать важную способность коммуникантов и потенциальное их умение в конфликтных ситуациях – менять / подменять контексты интерпретации¹.

¹ См., напр., резонансное высказывание депутата регионального парламента Марий Эл В. Кожанова на встрече с избирателями в июне 2021 г.: «Назло власти делать нельзя. Вот как евреи сказали: встретил начальника – что надо сделать? Поклониться! Власть – она от Бога». Помощница В. Кожанова Ю. Юрасова заявила изданию «Подъем», что фраза была вырвана из контекста. По ее словам, политик якобы под властью подразумевал народ, который, согласно Конституции, является высшим носителем суверенитета России, и имел в виду, что нет ничего плохого в том, чтобы поклониться народу. Ю. Юрасова подчеркнула, что этот скандал является предвыборной провокацией, которую проплатили конкуренты (<https://lenta.ru/news/2021/08/11/ray/>; https://lenta.ru/news/2021/08/11/vlast_klanyatsya).

Еще одна важная тема книги отражена в названии главы 5 – «Метапрагматика коммуникации». С одной стороны, это изучение «рефлексивной составляющей коммуникации» (с. 97), на которую способны сами коммуниканты, с другой – это особый уровень гуманитарного знания: «Развитая рефлексия выражается во внимании к метауровню теории» (с. 97).

Рефлексивность и управление контекстами работают и при толковании полисемиотических произведений, учитывая их конфликтогенный и манипулятивный потенциал. Этой проблематике посвящена глава 8 «Поликодовая коммуникация». Здесь (как и в других главах) В.Е. Чернявская продемонстрировала блестящие образцы интерпретации провокаций в области спорта, в том числе с использованием жестовых и предметных знаков (вроде банана от болельщика петербургского «Зенита» в адрес Р. Карлоса – темнокожего капитана махачкалинской команды «Анжи», что было расценено как проявление расизма). Причем важны и демаскирующая техника анализа, и его разоблачительный пафос. Этому надо учить и журналистов, и (по возможности) функционеров. Поскольку, вопреки прокламированной аполитичности спорта, и в частности олимпийского движения, его мероприятия всё чаще становятся аренами демаршей со стороны спортсменов или болельщиков, причем часто после таких выходов «смельчаки» или их покровители, боясь штрафов, пытаются реинтерпретировать их смысл или отмежеваться от содеянного.

В монографии обсуждается политическая корректность как коммуникативная практика. Анализ помогает понять агрессивный характер теперешней политкорректности, борьбу «новой» и «старой» этик, cancel culture («культуру исключения»). Такие рамки, срезающие, ограничивающие возможности адекватной интерпретации, можно соотнести с погашающим контекстом [Торсуева 1990]. В качестве примера В.Е. Чернявская анализирует в том числе мизинтерпретацию коммерческой рекламы с употреблением маркированных прилагательных black и white или их производных, дискурсивную сущность которой активисты игнорируют и насильственно встраивают в ценностный контекст движения BLM.

А в главе 7 главный интерес, на наш взгляд, представляет идея политически мотивированного конструирования контекста, причем эта возможность предоставлена прежде всего ученым, но используется и носителями языка. Политизацию В.Е. Чернявская трактует как «придание политически значимого характера темам и действиям в тех сферах общества, которые изначально не связывались с политикой. <...> Создаются множественные коннотации смыслов, вовлеченных в политический контекст. Политические смыслы приобретают разного рода семиотические ресурсы, участвующие в репрезентации социальных практик, в том числе цвета, жесты, детали одежды, несущие надписи, знаки... Политизация характерна тем, что требует осуществления идеологически мотивированных действий, в том числе санкционных» (с. 161–162). В качестве приме-

ров политизации (как гиперинтерпретации) автор приводит практики идеологического контроля в советский период, например «вчитывание» антисоветских смыслов в детские стихи Корнея Чуковского или запрет на театральные постановки, в которых цензоры Главлита или партийные чиновники усматривали «антисоветчину».

Такая большая цитата понадобилась для того, чтобы показать, что всё политизированное может юридизироваться (в цитате это предвосхищается указанием на санкции). А юридизация, согласно Большому юридическому словарю, – это «придание фактам, отношениям правового характера; преувеличенное подчеркивание юридической стороны какого-либо вопроса, явления» (<https://gufo.me/dict/law/юридизация>). Сейчас в России отсутствует консенсус между государством, населением и общественностью по поводу юридизации многих видов социальной активности. И это уже рефлексивная проблема такой прикладной дисциплины, как лингвоэкспертология (с ее иноназваниями: лингвокриминалистика, юрислингвистика, судебное речеведение.). Поскольку в ее основе лежит юридическая аксиология и представление о том, что речевой поступок и/или текст может быть делинквентным (что не отменяет, конечно, презумпцию невиновности и наличие пределов экспертной компетенции, которые не позволяют выносить суждения о речевом поступке / тексте в юридических терминах), постольку лингвоэкспертология может рассматриваться как вариант критического дискурс-анализа [Кара-Мурза 2016].

Значимо заявление, сделанное автором еще во введении и подчеркивающее социальную ответственность дискурсологии: «Адекватный анализ должен включать взгляд со стороны общества с привлечением экстралингвистической информации о политических, идеологических, экономических обстоятельствах, а не останавливаться только на взгляде изнутри лингвистики» (с. 9) – здесь, по нашему мнению, представителями общества и носителями социальной ответственности выступают лингвисты. А в заключении монографии автор утверждает, что «презумпция рефлексивной установки – это признак свободной деятельности, это признак демократического общества, сильной научной школы, сильной образовательной традиции. Рефлексия над использованием языка в социальных отношениях создает высший уровень в лингвистической теории» (с. 192).

Автор предлагает новаторскую дискурсологическую концепцию контекста, но делает это настолько убедительно, что у рецензента не возникло желания полемизировать. В книге есть спорные, на наш взгляд, моменты, но они непринципиальны. Так, представляется излишне категоричным противопоставление семантики и прагматики, латентного и маркированного, эксплицитных и имплицитных значений, которое показано как одна из причин функционирования контекста в качестве объяснительного инструмента. Стремление к междисциплинарности, кажется, нарушает принцип «бритвы Оккама»: на фоне термина «языковая идео-

логия» избыточен термин «габитус». Есть терминологические недочеты: термин «визуальное изображение» не самый удачный из-за плеонастичности. А термин «визуальные знаки» в выводах главы 8 представляется недостаточно конкретным: проанализированные в ней объекты и события воспринимаются визуально, но в них информация передается не только через изобразительные, но и через жестовые и предметные знаки. Однако все эти замечания касаются частных, а не сущности предлагаемой концепции.

Данная монография будет полезна лингвистам разного профиля и в разных ипостасях: и теоретикам, и практикоориентированным преподавателям педагогических и медиавузов, разработчикам пользовательских интерфейсов, лингвистам-экспертам.

Сфокусировавшись на проблематике смыслопорождения и понимания в социальном контексте, В.Е. Чернявская поставила ее в фокус интеллектуальной повестки отечественной науки: за универсальным и лаконичным объяснительным термином «контекст» стоит сложный многоаспектный феномен, анализ которого важен и для методологии современной лингвистики, и для междисциплинарных дискурсивных исследований, и для профессиональной рефлексии ученых.

Список литературы

- Доминикан А.И. Виды контекстов при разных научных подходах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2017. № 4. С. 125–131.
- Елькина Е.Е., Кононова О.В., Прокудин Д.Е. Типология контекстов и принципы контекстного подхода в междисциплинарных научных исследованиях // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2019. Т. 15. № 1. С. 141–153. DOI: 10.25559/SITITO.15.201901.141-153.
- Кара-Мурза Е.С. Правовые основания критического анализа рекламного дискурса // *Język a media: zjawiska komunikacyjne we współczesnych mediach / pod redakcją naukową B. Skowronka, E. Horyń i A. Waleckiej-Rynduchl*. Krakow: Collegium Columbinum, 2016. С. 83–97.
- Касавин И.Т. Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 6. № 4. С. 5–17.
- Колишанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 154 с.
- Мощанская Е.Ю. Роль невербального контекста в восприятии и понимании устного дискурса // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. Вып. 9. С. 29–36.
- Порус В.Н. Гуманитарное знание и последствия «лингвистического поворота» // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 10. № 4. С. 53–58.
- Торсуева И.Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/238b.html> (дата обращения: 01.09.2021).
- Labov W. The Study of Language in its Social Context // *Studium Generale*. 1970. Vol. 23. P. 30–87.

References

- Dominikan, A.I. (2017), Types of contexts according to different scientific approaches. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, no. 4, pp. 125-131. (in Russian).
- Kara-Murza, E.S. (2016), Pravovye osnovaniya kriticheskogo analiza reklamnogo diskursa [Legal grounds for the critical analysis of advertising discourse]. Skowronka, B., Horyń, E., Waleckiej-Rynduchl, A. (eds.) *Język a media: zjawiska komunikacyjne we współczesnych mediach* [Language and media: Language phenomena in contemporary media], Krakow, Collegium Columbinum publ., pp. 83-97. (in Russian).
- Kasavin, I.T. (2005), Kontekstualizm kak metodologicheskaya programma [Contextualism as a methodological program]. *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 6, no. 4, pp. 5-17. (in Russian).
- Kolshanskii G.B. (1980), *Kontekstnaya semantika* [Contextual semantics], Moscow, Nauka publ., 154 p. (in Russian).
- Labov, W. (1970), The Study of Language in its Social Context. *Studium Generale*, Vol. 23, pp. 30-87.
- Moshanskaya, E.Yu. (2014), Role of a nonverbal context in perception and understanding of oral discourse. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, Iss. 9, pp. 29-36. (in Russian).
- Porus, V.N. (2006), Gumanitarnoe znanie i posledstviya lingvisticheskogo povorota [Humanitarian knowledge and the consequences of the “linguistic turn”]. *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 10, no. 4, pp. 53-58. (in Russian).
- Torsueva, I.G. (1990), Context. Yartseva, V.N. (ed.) *Linguistic Encyclopedic Dictionary*, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya publ., available at: <http://tapemark-narod-rules-238b.html>. (in Russian).
- Yelkina, E.E., Kononova, O.V., Prokudin, D.E. (2019), Typology of contexts and contextual approach principles in multidisciplinary scientific research. *Modern Information Technologies and IT-Education*, Vol. 15, no. 1, pp. 141-153. DOI: 10.25559/SITITO.15.201901.141-153. (in Russian).

MEANINGS IN CONTEXTS

**Review of V.E. Chernyavskaya's monograph
"Text and social context: sociolinguistic
and discursive analysis of meaning generation"
(Moscow, URSS publ., LENAND publ., 2021, 208 p.)**

E.S. Kara-Murza

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Abstract: The review is devoted to the monograph by V.E. Chernyavskaya, which offers new research perspectives on the traditional topic – the role of context in the interpretation of meaning. The author's concept of linguistic contextualism has a support in foreign and Russian linguistics of a text and discourse. The book offers a methodology and conceptual construct for describing the functioning of context as a scientific tool: social context, contextualization, politicization of context, context management, etc. The author demonstrates vivid examples of analysis

that give access to an adequate interpretation of complex, including conflict and manipulative speech practices, and through them – to an understanding of society.

Key words: context, social context, contextualization, sociolinguistics, discursive analysis, politicization of context.

For citation:

Kara-Murza, E.S. (2021), Meanings in contexts. Review of V.E. Chernyavskaya's monograph "Text and social context: sociolinguistic and discursive analysis of meaning generation" (Moscow, URSS publ., LENAND publ., 2021, 208 p.). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 871-881. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).871-881. (in Russian).

About the author:

Kara-Murza, Elena Stanislavovna, PhD, Associate Professor of the Department of Stylistics of the Russian Language of the Faculty of Journalism

Corresponding author:

Postal address: 9/1, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russia

E-mail: Kara-murza-elena@yandex.ru

Received: August 26, 2021

Accepted: November 8, 2021

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«КУЗБАСС: КОМПЛЕКСНОЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА РЕГИОНА» (М.: Перо, 2020. 308 с.)**

Е.Г. Мальшева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Монография «Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное моделирование образа региона» в соответствии с названием представляет многоуровневое, сложное исследование образа Кузбасса, реконструированное на материале текстов, объективированных в различных типах дискурсов: медийном, политическом, туристическом, поэтическом. Кроме того, в монографии представлены результаты проведенной на основе методов и методик психолингвистики реконструкции образа региона в языковом быденном сознании различных социальных групп – жителей региона. Выводы, сделанные авторами монографии, обоснованны и подкреплены репрезентативностью представленного в монографии языкового материала. Главными достоинствами книги, по мнению автора рецензии, являются комплексный, методологически выверенный подход к моделированию образа региона и разноаспектный характер предпринятого описания, который, однако, позволяет создать в итоге целостную модель образа Кузбасса.

Ключевые слова: дискурс, медиаобраз, имидж региона, лингвокогнитивное моделирование, контент-анализ.

Для цитирования:

Мальшева Е.Г. Рецензия на коллективную монографию «Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное моделирование образа региона» (М.: Перо, 2020. 308 с.) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 882–890. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).882-890.

Сведения об авторе:

Мальшева Елена Григорьевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики и медиалингвистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: malysheva_eg@mail.ru

Дата поступления статьи: 23.05.2021

Дата принятия в печать: 08.11.2021

Современные исследования образа, медиаобраза, имиджа и брендов различных территорий характеризуются мультидисциплинарными подходами к объектам исследования, разнообразием предлагаемых учеными методов и методик и широким спектром используемых теоретических оснований для такого рода описаний (см., напр.: [Абышева 2005; Каминская 2006; Шабунин 2006; Богдан 2007; Кузина 2008; Таранова 2010; Сушненкова 2011; Актуальный срез... 2011; Всеволодова 2013; Малышева 2014; Терских, Маленова 2015; Василенко, Люлько, Василенко 2016] и др.).

Обзор научных публикаций, так или иначе связанных с теорией и практикой изучения репрезентации территорий в дискурсах разного типа, займет сегодня не один десяток страниц: в этом смысле показательно, что в рецензируемой монографии каждая глава и даже параграф сопровождается достаточно внушительным списком научной литературы, который демонстрирует вписанность представленного исследования кузбасских филологов (монография издана под редакцией доктора филологических наук О.Н. Кондратьевой) в современную научную парадигму.

Рецензируемую монографию выделяет в ряду подобных научных работ прежде всего заявленный авторами и воплощенный в исследовании **полидискурсивный подход** к описанию образа Кузбасса: комплексное изучение образа региона базируется на эмпирическом материале, репрезентированном в дискурсах с разными характеристиками и дискурсообразующими доминантами: в медиадискурсе, политическом дискурсе – с одной стороны, в туристическом и художественном дискурсе – с другой. Также в монографии представлены результаты реконструкции образа Кузбасса в обыденном языковом сознании разных групп населения Кемеровской области: взрослых и школьников, представителей малочисленных народов Кузбасса – телеутов.

Отметим релевантность выбора объектов исследования и разнообразного языкового материала, что позволяет в итоге сделать репрезентативные выводы относительно когнитивно-дискурсивной специфики образа Кузбасса.

Кроме того, нетривиальным, но абсолютно обоснованным оказывается включение в комплексное описание медиаобраза региона раздела, который касается анализа проводимых кемеровскими филологами лингвистических экспертиз фирменных наименований Кемеровской области и наименований кузбасских СМИ.

Очевидно, что весьма существенным, если не определяющим при проведении такого рода комплексных исследований становится вопрос об отборе базовых, конституирующих методологических подходов к эмпирическому материалу, а также определение основных аспектов комплексного описания.

В первой главе монографии «**Методологические основания изучения образа региона**» авторы, представив подробный сопоставительный

анализ содержания смежных терминов «образ», «имидж» и «бренд региона», заключают, что «первичен образ региона (зачастую этот образ стереотипный), имидж региона вторичен, он всегда является результатом целенаправленного конструирования, формирование бренда региона происходит на основе ярко выраженного положительного имиджа региона и является высшим проявлением потребительских предпочтений, бренд детерминирован конкурентными преимуществами региона, активом региональной экономики» (с. 24), и делают последовательный вывод о том, что для данного исследования релевантным является термин «образ территории», являющийся центральной единицей имажинальной (образной) географии, развивающейся на стыке культурной географии, культурологии, культурной антропологии, культурного ландшафтоведения, когнитивной географии, мифогеографии, истории, философии, политологии, когнитивных наук, искусствоведения, языкознания и литературоведения, социологии, психологии» (с. 8).

Вообще первая глава рецензируемой монографии ценна еще и с точки зрения представленного в ней обзора многочисленных методов и методик различных парадигм современной лингвистики, имиджологии, политологии, использованных в ходе проведенного исследования, а также аннотаций научных исследований последних лет, где описанные методики использованы для изучения специфики репрезентации регионов.

Впрочем, первую главу монографии нельзя охарактеризовать как только вводную, теоретическую, поскольку уже в ней представлено показательное лексикографическое парадигматическое описание различных синонимических номинаций одного региона, синтагматический анализ контекстов употребления топонимов *Кузбасс* и *Кемеровская область* и, наконец, предваряющее вторую главу исследование результатов ассоциативных экспериментов, позволяющее прийти к выводу о том, что «с лингвистической точки зрения топонимы *Кузбасс* и *Кемеровская область* представляют собой синонимичную пару, каждый элемент которой является в высокой степени актуальным в сознании рядовых носителей русского языка», и что «признание анализируемых топонимов юридически равнозначными позволяет с лингвистической точки зрения квалифицировать их как альтернативные наименования, т. е. как аллонимы» (с. 49).

Вторая глава монографии посвящена моделированию образа Кузбасса в обыденном языковом сознании, при этом выводы делаются на основании анализа посредством комплекса методов и методик различного эмпирического материала: результатов массового анкетирования жителей Кузбасса от 15 до 65 лет – применена экспериментальная психолингвистическая методика, включающая три взаимодополняющие процедуры: 1) метод субъективных дефиниций; 2) направленный ассоциативный эксперимент; 3) метод незавершенных предложений (с. 53); сочинений кузбасских школьников – использован метод субъективных лингвис-

тических факторов текстообразования – тематических групп и ключевых слов; языковой картины мира, отраженной в языке малочисленного коренного народа Кузбасса – алеутов, и результатов опроса телеутов (около 130 человек).

Сделав выводы относительно специфики восприятия Кузбасса каждой из представленных групп, авторы монографии констатировали: «образ региона должен целенаправленно конструироваться, поддерживаться и развиваться, создаваемый образ должен быть реалистичным, подчеркивающим специфичность и уникальность территории, вызывающим положительный эмоциональный отклик. Результатом целенаправленно и грамотно созданного образа региона станет его общественно-политическая, культурно-историческая и инвестиционная привлекательность, т. е. его позитивный имидж» (с. 95–96).

Анализ медиаобраза Кузбасса, представленного в региональных и федеральных СМИ разного типа, – тема **третьей главы** рецензируемой монографии. В данной главе, несомненно, привлекательным является решение авторов реконструировать медиаобраз на весьма показательном эмпирическом материале с привлечением разного рода подходов к анализу медиатекстов.

Так, чрезвычайный интерес представляет параграф об особенностях интерпретации событий в кузбасских массмедиа, в котором основой для лингвопрагматического и семантического анализа стали медиатексты, посвященные пожару в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня» (81 текст из 15 региональных и федеральных печатных и интернет-СМИ, вышедших в течение недели после трагедии).

Исследователи справедливо делают вывод о «моноцентрическом типе интерпретационного поля события-трагедии, который проявляется посредством доминирования ключевых характеристик. Формируя медиаобраз региона, данная интерпретационно-когнитивная модель отражает результат сложившихся и существующих в нем социальных и политических проблем» (с. 105).

Посредством применения метода тематического анализа в монографии исследован дискурс региональных печатных СМИ Кузбасса и определены особенности репрезентации в них тематических сфер, которые отражают ценностные составляющие формируемого медиаобраза: «Региональная власть», «Региональная экономика» (рынок труда, повышение цен), «Экология», «Происшествия и криминал», «Здравоохранение», «ЖКХ», «Спорт», «Культура», «Образование».

Наконец, в этой же главе представлено описание медиаобраза Кузбасса, объективированное в федеральных и региональных СМИ. По нашему мнению, заслуживает внимания анализ концептуальных доминант – концептуальных моделей – с означаемым 'Кузбасс', репрезентированных в российских медиа, таких как «*Кузбасс – регион № 1 за Уралом*», «*Кузбасс –*

регион инноваций», «Кузбасс – регион, в котором хочется жить», «Кузбасс – культурный центр Сибири», «Кузбасс – центр туризма».

Кроме того, несомненно репрезентативным и перспективным является вывод авторов монографии о том, что ряд новых концептуальных доминант определяет изменения во «внутреннем» медиаобразе региона: «перечисленные доминанты, безусловно, не являются отражением реальной ситуации в данный момент, но представляют собой ориентиры, к которым стремится руководство области, что и отражается в масс-медиа (прежде всего – региональных)» (с. 123).

Данный вывод подтверждает неоднократно высказываемые идеи автора рецензии о том, что в формировании образа и имиджа региона важнейшая роль принадлежит региональным СМИ, которые, кроме несомненно важной функции освещения проблем города и области / края, должны принимать участие в позитивном позиционировании места, где живут и трудятся миллионы россиян, тем более что информационных поводов для такого позиционирования достаточно.

Не менее значимой и содержательно насыщенной является и **четвертая глава** монографии – **«Кузбасс в политическом дискурсе»**.

Применение лингвокогнитивных и прагматилистических методов и методик анализа позволило реконструировать образ Кузбасса в предвыборном дискурсе Кемеровской области на основе отображения в предвыборных материалах различных партий концептуальных оппозиций «прошлое – будущее», «свой – чужой».

Оригинальная методика создания модели имиджа региона предложена при описании имиджа Кузбасса в текстах губернатора Кемеровской области С.Е. Цивилева (на материале официальной страницы в социальной сети «ВКонтакте»).

В результате исследования выделен круг субимиджей Кузбасса (политический, экономический, социальный, культурно-исторический, научно-образовательный, валео-экологический, спортивный, туристический), раскрыто содержание каждого из них: на основе тщательно проведенного контент-анализа выделены языковые индикаторы субимиджей, наконец, определена иерархия субимиджей.

Заключает данную главу интересное исследование О.Н. Кондратьевой речевых стратегий и тактик губернатора Кемеровской области С.Е. Цивилева, которое, как справедливо заключает автор, является весьма уместным в изучении медиаобраза и имиджа региона, поскольку «особенности речевого поведения политического лидера региона играют решающую роль не только в формировании его собственного политического имиджа, но и во многом определяют успешность имиджа территории, главным представителем которой он является» (с. 154).

Глава пятая – «Кузбасс в туристическом дискурсе» – привлекает сочетанием дискурсивного и лингвокогнитивного подхода к анализу отражения образа Кузбасса в важнейшем для региона типе дискурса.

Автором, И.В. Савельевой, с одной стороны, представлена характеристика дискурса туристических интернет-отзывов о Шерегеше и проведено дискурсивное конструирование образа этого курорта на крупнейшей интернет-платформе для путешественников – «Трипадвизор». С другой – этот же материал послужил основой для моделирования фрейма «Шерегеш» и его структуры и позволил сделать ряд нетривиальных выводов, например таких: в вербальной деятельности авторов отзывов преобладает рациональный, а не аффективный компонент, следовательно, ядерная зона фрейма «Шерегеш» заполняется «функционально-признаковыми структурами знания» (с. 201).

Новый эмпирический материал введен в научный оборот в **шестой главе** рецензируемой монографии – **«Кузбасс в художественном дискурсе»**. Поэтический образ Кузбасса реконструируется на материале произведений региональной литературы и на материале любительской поэзии.

При этом поэтический образ региона анализируется с нескольких взаимодополняющих позиций: статистический анализ ключевых слов, тематический анализ лексики поэтов-профессионалов и поэтов-любителей, когнитивный и лингвокультурологический анализ образа Кузбасса.

Общие выводы авторов этой главы не вызывают сомнений и выглядят весьма репрезентативными: «образ кузбасского города сложен, многомерен, иерархичен, гибок и изменчив. Границы города (пространственные и временные) условны и имеет тенденцию к изменению. Автор текста стремится вписать город в общекультурную картину мира, определяя для него различные роли и функции. В оценке города превалируют положительные установки, реализуемые различными лингвистическими средствами. Дальнейшее исследование может быть чрезвычайно перспективным, особенно если осуществлять его с привлечением дополнительного материала... Подобное исследование позволит углубить представления о кузбасском городе, сделать его более детальным и объективным, а также верифицировать уже полученные данные» (с. 244).

Как уже отмечалось ранее, заключительная глава представленной монографии – **«Кузбасс в зеркале лингвистической экспертизы»** – вносит свой вклад в реконструкцию медиаобраза региона, поскольку в параграфах этой главы описаны лингвистические экспертизы, связанные с фирменными наименованиями Кемеровской области и наименованиями региональных печатных СМИ.

Таким образом, следует заключить, что коллектив авторов Кемеровского государственного университета (среди которых есть как известные ученые, так и студенты и магистранты) предложил научной обществу весьма актуальное, содержательное и неординарное исследование, выполненное на высоком научно-методологическом уровне и отличающееся, кроме прочего, демонстрацией неподдельного интереса и человеческой привязанности коллег-кемеровчан к своему региону. Выполни-

ненное многоаспектное исследование образа Кузбасса имеет и прикладное значение, поскольку содержит множество полезных рекомендаций, адресованных специалистам в области территориального брендинга и регионального имиджбилдинга.

Список литературы

- Абышева Ю.Ю.* Проблема формирования имиджа города. Н. Новгород: Символ, 2005. 173 с.
- Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифология: моногр. / науч. ред. О.В. Орлова. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. 223 с.
- Богдан Е.Н.* Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 224 с.
- Василенко И.А., Люлько А.Н., Василенко Е.В.* Имидж регионов России: инновационные технологии и стратегии ребрендинга: моногр. М.: Международные отношения, 2016. 288 с.
- Всеволодова А.Н.* Медиаобраз городов России в федеральных печатных СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 2. С. 152–158.
- Каминская Т.Л.* Имидж Великого Новгорода в СМИ для разных целевых аудиторий // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 38. С. 78–80.
- Кузина К.А.* Роль СМИ в формировании имиджа Каспийского региона: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2008. 25 с.
- Малышева Е.Г.* «Город мёртв»: концентрация негативного в медиаобразе Омска // Коммуникативные исследования. 2014. № 2 (2). С. 50–59.
- Сушненкова И.А.* Лингвокогнитивное исследование регионального имиджа (на примере Омской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 27 с.
- Таранова Ю.В.* Формирование имиджа региона в условиях информационного общества (на примере Ленинградской области): автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2010. 29 с.
- Терских М.В., Малёнова Е.Д.* Медиаобраз сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование: моногр. Омск: ЛИТЕРА, 2015. 160 с.
- Шабунин А.С.* Формирование имиджа региона: теоретические аспекты и перспективные применения (на примере Владимирской, Ивановской, Костромской, тверской и Ярославской областей): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2006. 23 с.

References

- Abysheva, Yu.Yu. (2005), *Problema formirovaniya imidzha goroda* [The problem of forming the image of the city], Nizhny Novgorod, Simvol publ., 173 p. (in Russian).
- Bogdan, E.N. (2007), *Mediaobraz Rossii kak sredstvo konsolidatsii obshchestva: strukturno-funktional'nye kharakteristiki* [Media image of Russia as a means of consolidating society: structural and functional characteristics], PhD Thesis, Moscow, 224 p. (in Russian).

- Kaminskaya, T.L. (2006), *Imidzh Velikogo Novgoroda v SMI dlya raznykh tselevykh auditorii* [The image of Velikiy Novgorod in the media for different target audiences]. *Vestnik of Novgorod State University*, No. 38, pp. 78-80. (in Russian).
- Kuzina, K.A. (2008), *Ro' SMI v formirovanii imidzha Kaspiiskogo regiona* [The role of the media in shaping the image of the Caspian region], Author's abstract, Krasnodar, 25 p. (in Russian).
- Malysheva, E.G. (2014), "City of the dead": the concentration of negative mediaimage of Omsk. *Communication Studies (Russia)*, No. 2 (2), pp. 50-59. (in Russian).
- Orlova, O.V. (ed.) (2011), *Aktual'nyi srez regional'noi kartiny mira: kul'turnye kontsepty i neomifologemy* [Actual statistics of the regional picture of the world: cultural concepts and neomythologemes], Monograph, Tomsk, Tomsk State Pedagogical University publ., 223 p. (in Russian).
- Shabunin, A.S. (2006), *Formirovanie imidzha regiona: teoreticheskie aspekty i perspektivnye primeneniya (na primere Vladimirskoi, Ivanovskoi, Kostromskoi, tverskoi i Yaroslavskoi oblastei)* [Formation of the image of the region: theoretical aspects and promising applications (on the example of Vladimir, Ivanovo, Kostroma, Tver and Yaroslavl regions)], Author's abstract, Yaroslavl, 23 p. (in Russian).
- Sushnenkova, I.A. (2011), *Lingvokognitivnoe issledovanie regional'nogo imidzha (na primere Omskoi oblasti)* [Linguo-cognitive study of the regional image (on the example of the Omsk region)], Author's abstract, Kemerovo, 27 p. (in Russian).
- Taranova, Yu.V. (2010), *Formirovanie imidzha regiona v usloviyakh informatsionnogo obshchestva (na primere Leningradskoi oblasti)* [Formation of the image of the region in the information society (on the example of the Leningrad region)], Author's abstract, St. Petersburg, 29 p. (in Russian).
- Terskikh, M.V., Malenova, E.D. (2015), *Mediaobraz sibirskogo regiona: lingvokognitivnoe modelirovanie* [Media image of the Siberian region: linguo-cognitive modelling], Monograph, Omsk, LITERA publ., 160 p. (in Russian).
- Vasilenko, I.A., Lyul'ko, A.N., Vasilenko, E.V. (2016), *Imidzh regionov Rossii: innovatsionnye tekhnologii i strategii rebrendinga* [Image of Russian regions: innovative technologies and rebranding strategies], Monograph, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya publ., 288 p. (in Russian).
- Vsevolodova, A.N. (2013), Media figure of Russian cities in federal print media. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, No. 2, pp. 152-158. (in Russian).

**REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH “KUZBASS:
COMPLEX COGNITIVE-DISCURSIVE MODELLING
OF THE REGION'S IMAGE” (Moscow, Pero publ., 2020, 308 p.)**

E.G. Malysheva

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: The monograph “Kuzbass: complex cognitive-discursive modelling of the region's image”, in accordance with the title, presents a multi-level, complex study of the Kuzbass image, reconstructed on the basis of texts objectified in various types of discourses: media, political, tourism, and poetry. Furthermore, the monograph presents the results of the reconstruction of the image of the re-

gion in the linguistic everyday consciousness of various social groups-residents of the region, carried out on the basis of the methods and techniques of psycholinguistics. The conclusions made by the authors of the monograph are substantiated and supported by the representativeness of the linguistic material presented in the monograph. The main advantages of the book, in the opinion of the author of the review, are a comprehensive, methodologically verified approach to modelling the image of the region and the multidimensional nature of the description undertaken, which, however, makes it possible to create as a result a holistic model of the image of Kuzbass.

Key words: discourse, media image, image of the region, linguo-cognitive modeling, content analysis.

For citation:

Malysheva, E.G. (2021), Review of the collective monograph “Kuzbass: complex cognitive-discursive modelling of the region's image” (Moscow, Pero publ., 2020, 308 p.). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 8, no. 4, pp. 882-890. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).882-890. (in Russian).

About the author:

Malysheva, Elena Grigoryevna, Prof., Head of the Department of Journalism and Media Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: malysheva_eg@mail.ru

Received: May 23, 2021

Accepted: November 8, 2021

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления авторами рукописей

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся коммуникативными исследованиями и смежными проблемами. Публикация материалов осуществляется на русском и английском языках.

Журнал выходит четыре раза в год. Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакции других журналов.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям международных рецензируемых изданий (РИНЦ, Web of Science, Scopus и др.) т.е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на **русском и английском** языках:

1. УДК.

2. Название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилию автора (-ов); аннотацию (резюме); ключевые слова (5–8 слов через запятую) – на русском языке. Обращаем внимание авторов на то, что объем аннотации к статье в международном журнале обычно составляет около **150–200 слов**. Аннотация должна быть составлена самостоятельно, а не повторять фрагменты статьи. **Структура аннотации:** введение (постановка проблемы), цель и задачи, материал, методы исследования, результаты, заключение (выводы).

3. Информацию п. 2 в той же последовательности – на английском языке (ФИО автора (ов) – в транслитерации) – после основного текста статьи (см. образец оформления статьи).

4. Полный текст статьи на русском или английском языке. Объем статьи – 8–15 страниц (14 шрифт, интервал – 1), 20000–40000 знаков с пробелами.

Основной текст должен быть разделен на озаглавленные смысловые части и содержать: 1. Введение (постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы). 2. Описание материала и методов исследования. 3. Представление результатов/Обсуждение (описание проведенного анализа и полученные результаты). Возможны подразделы. 4. Заключение (основные выводы исследования).

5. Рисунки и графики принимаются только в высоком качестве (не менее 300 пикселей). Убедитесь в том, что таблицы и рисунки пронумерованы в порядке появления в статье и снабжены соответствующими пояснениями в тексте. Подписи к таблицам оформляются более мелким шриф-

том и располагаются над таблицей; подписи к рисункам оформляются более мелким шрифтом и располагаются под рисунком. Таблицы и рисунки не должны выходить за поля текста.

6. Список литературы на русском языке. Нумерация в списке литературы идет по алфавиту, в случае нескольких ссылок на одного автора – по хронологии. В список литературы включаются только те источники, на которые есть ссылки в тексте статьи. Количество ссылок должно содержать не менее 20 наименований. Ссылки на работы автора статьи – не более 20 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 30 %. Работы, опубликованные за последние 5–10 лет, – не менее 30 %. Во всех источниках должны быть проставлены страницы, год выпуска, город и издательство. Список литературы оформляется по ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Список литературы в латинице (References): транслитерация имени автора; год публикации (в круглых скобках); выделенная курсивом транслитерация названия источника и – в квадратных скобках – его перевод; если речь идет о публикации внутри сборника или журнала, то прежде по аналогичному принципу указывается название материала, на который дается ссылка – без выделения курсивом и отделенное от названия источника точкой; английский вариант названия места издания и транслитерация названия издающей организации (с указанием publ.). Прочие данные (сведения о редакторе или составителе, сведения об издании, номер выпуска, объем) приводятся в переводе на английский язык с использованием принятых сокращений (см. ниже образец оформления статьи). При оформлении References используется стандарт «Harvard».

В случае, если выходные сведения источника уже содержали перевод необходимых элементов записи (как правило, если речь идет о журнальных публикациях или переводной литературе), равно как если речь идет о «типовых» названиях (например, «собрание сочинений» или «толковый словарь»), в описании источника достаточно привести лишь перевод, без сопровождения его транслитерацией, но в конце описание дав в круглых скобках указание на язык источника (in Russian).

Источники в списке литературы на латинице представляются в том же порядке, что и в списке на русском.

8. Список источников речевых иллюстраций, если автор считает необходимым его представление. Оформляется отдельно по представленным выше правилам под заголовком «Источники», на латинице – «Sources».

9. Данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; должность с указанием организации; юридический адрес организации (не домашний); электронная почта автора (-ов).

10. Информацию п. 8 на английском языке в той же последовательности: фамилия, имя, отчество автора (-ов); ученая степень; ученое звание; должность; название организации; юридический адрес организации; электронная почта.

Требования к оформлению

Гарнитура – Times New Roman. Кегль основного текста – 14 pt, списков литературы, аннотации и ключевых слов – 12 pt. Везде используется абзац 1,0 см и одинарный интервал. Все поля – по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать **30 000 знаков** с учетом пробелов, включая примечания и литературу.

Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется в виде [Иванов 2008: 25].

Речевые иллюстрации набираются курсивом без заключения в кавычки, выделения делаются жирным шрифтом.

Ссылка на источник фактического материала оформляется в круглых скобках следующими способами:

(Л. Улицкая. Священный мусор),

(Огонек. 2013. №1),

(НТВ. Сегодня. 7.08.2013),

(<http://file-rt.ru/analytics/54> 3.03.2013).

Сноски желательно минимизировать. В случае необходимости следует давать их в сквозной нумерации в конце страницы.

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

Обращаем внимание авторов на то, что в международном журнале часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Ответственность за качество перевода возлагается на автора. Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, должна быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Образец оформления списка литературы

Список литературы

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по курсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>.

References

Книга: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [The General Linguistics], Moscow, Progress publ., 448 p. (in Russian).

Статья в журнале: Kibrik, A.A. (1994), Kognitivnye issledovaniya po diskursu [Cognitive research on discourse]. *Topics in the study of language*, no. 5, pp. 126-139. (in Russian).

Часть книги: Searle, J. (1986), Indirect speech acts. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], translated from English by N.V. Pertsov, Moscow, iss. XVII, pp. 195-222. (in Russian).

Материалы конференции: Kabakova, Yu.A. (2000), Ubezhdenie kak slozhnyi kompleksnyi rechevoi akt [Persuasion as a complex integrated speech act]. *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov* [Theory and practice of German and Romance Languages], Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98. (in Russian).

Электронный ресурс: Guseinov, G.Ch. (2000), Zametki k antropologii russkogo Interneta [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. *New Literary Observer*, no. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>. (in Russian).

Образец оформления статьи

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Петров В.В.

Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Подготовлено при поддержке гранта...

Аннотация:

Ключевые слова:

Сведения об авторе (авторах):

Петров Виктор Васильевич, профессор, доктор филологических наук.

Контактная информация:

Почтовый адрес:

E-mail:

Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [2]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи.

Список литературы
References

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (на английском языке)

Petrov V.V.

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Abstract:

Key words:

About the author (authors):

Corresponding author:

Postal address

E-mail:

Acknowledgements: (ссылка на грант)

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или оформленные не в соответствии с перечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

Каждая поступившая в редакцию журнала статья рецензируется двумя анонимными рецензентами из числа российских и зарубежных ученых, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить соответствие статьи проблематике журнала, актуальность и оригинальность работы, анализ материала и научный стиль, написать краткое обоснование / рекомендации. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи (без указания имени рецензента). Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Контакты

644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
Факультет филологии и медиакоммуникаций. Тел.: +7 (3812) 229-815
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики. Тел.: +7 (3812) 670-620

Гл. редактор Иссерс Оксана Сергеевна

Отв. секретарь Терских Марина Викторовна (terskihm@mail.ru)

INFORMATION FOR AUTHORS

Submission Guidelines

The Editorial Board invites to cooperate all experts interested in Communication Studies and related subjects. The materials are published both in Russian and English languages.

The Journal is published four times a year. Authors should not submit an article to the journal that is already published in another journal, as well as an article that is under consideration in another journal.

The article should comply with Russian Science Citation Index (RSCI), Web of Science and Scopus, i.e. in addition to the main text the article should include the following information in Russian and English languages:

1. Universal Decimal Classification.

2. Title of the article (in capital letters); initials and surname of the author (s); abstract (summary); key words (5-8 words separated by a comma) provided in Russian. Please, pay attention to the fact that the volume of an abstract to the article in the international Journal is usually about 150-200 words. The abstract should be prepared independently, and not to repeat the pieces of a paper.

3. Information of the item 2 in the same sequence – in English (full name of the author (s) – transliterated) – after the main text of the article (See an example below).

4. The full text of the article in English or Russian. The length of the article is 8-15 pages (14 pts font, single-spaced).

The main text should be divided into the semantic parts with headlines and include: 1. Introduction (the formulation of the issue, relevance, a brief review of the scientific literature on the topic, a clear object of the work). 2. Description of the material and methods of research. 3. Presentation of results / Discussion (description of the analysis and results obtained). Possible subsections. 4. Conclusion (main findings of the research).

5. Pictures and graphics are accepted only in high resolution (at least 300 pixels). Make sure that the tables and figures are numbered in the order in which they appear in the article and are provided with corresponding explanations in the text. The captions to the tables are made in a smaller font and are placed above the table; the captions to the pictures are made in a smaller font and are placed under the picture. Tables and pictures should not be outside the text area.

6. References in Russian. References should be listed alphabetically, in the case of multiple references to one author – chronologically. The list of references should include all and only references that are actually mentioned in the text. The number of references must be at least 20. References to your works – no more than 20 %. References to sources in a foreign language at least 30 %.

Works published for the past 5-10 years – not less than 30 %. All sources should be presented with pages, year of issue, city and publishing house.

7. References in the Latin alphabet: transliteration of the author's name; year of publication (in parentheses); the italicized transliteration of the source name and – in square brackets – its translation into English; if it is a publication in a collected articles or a journal, the name of the material should be given by a similar principle mentioned above, not emphasizing in italics and separating from the source name by a point; English version of the publication and transliteration of the name of the publishing organization (indicating publ.). Other data (information about the editors or contributors, information about the publication, issue number, volume) are translated into English using the adopted abbreviations (See an example below).

If imprint of the source has already some translation of the necessary elements (usually in the case of journal publications or translated literature), as well as in the case of common titles (for example, “collected works” or “explanatory dictionary”), in the description of the source it is enough to provide only the translation, without any transliteration, but, please, give the source language in parentheses at the end of the description (in Russian).

Sources in the references in the Latin alphabet are presented in the same order as in the references in Russian.

8. Provide a list of sources of speech illustrations in case if the author considers it is necessary to present. It is made out separately under the name “Sources” according to the above mentioned rules.

9. Information about the authors: name, surname, academic degree; academic title; position at the organization, organization; legal address of the organization (not your home address); E-mail of the author (s).

10. Information of the item 8 in English in the same sequence: surname, name of the author (s); academic degree; academic title; position; name of the organization; the legal address of the organization; E-mail.

Key Formatting Issues

Use Times New Roman: 14 pts fonts for the main text, 12 pt for references, abstracts and key words. All text should be single-spaced. Indent the first line of each paragraph by 10 mm. All margins are 20 mm. When submitting the article including notes and references, keep the text for your manuscript under 30,000 characters, including spaces, remarks and references.

It is essential that the references are formatted to the specifications given in these guidelines. This Journal uses the “Author-Date” style [Ivanov 2008:25].

Speech illustrations are typed in italics, bold, and without quotation marks.

Reference to the source of actual material is made in parentheses in the following ways:

(Ulitskaya L. Sacred garbage),
(Elsevier. 2013. No.1),

(NTV. Today. 7.08.2013),
(http://file-rf.ru/analitics/54_3.3.2013).

Footnotes should be kept to an absolute minimum. Note indicators in the text should appear at the end of sentences or phrases, and follow the respective numeration. Footnotes should preferably be placed at the end of the page.

Abbreviations, symbols and citations are made in accordance with generally accepted standards.

We draw authors' attention to the fact that in the international journal some information is presented in English (the headings of articles, abstracts, key words, the names of organizations to which the author is assigned, and imprint). Authors are responsible for the quality of the translation. The other part, which is not translated into English (authors' names, Russian names of primary sources in references, names of organizations and publishers), presented in the original in Cyrillic, must be represented in the Roman (Latin) alphabet in one of the adopted transliteration systems (BSI is preferable).

This requirement is mandatory in journals peer-reviewed by the international scientific citation systems Web of Science and Scopus.

Example of references in Russian and English

Список литературы

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (дата обращения: 01.06.2006).

References

Book: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [The General Linguistics], Moscow, Progress publ., 448 p. (in Russian).

Article: Kibrik, A.A. (1994), *Kognitivnye issledovaniya po diskursu* [Cognitive research on discourse]. *Topics in the study of language*, no. 5, pp. 126-139. (in Russian).

Part of a book: Searle, J. (1986), *Indirect speech acts. Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], translated from English by N.V. Pertsov, Moscow, iss. XVII, pp. 195-222. (in Russian).

Conference proceedings: Kabakova, Yu.A. (2000), Ubezhdenie kak slozhnyi kompleksnyi rechevoi akt [Persuasion as a complex integrated speech act]. *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov* [Theory and practice of German and Romance Languages], Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98. (in Russian).

Electronic resource: Guseinov, G.Ch. (2000), Zametki k antropologii russkogo Interneta [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. *New Literary Observer*, no. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (accessed date: June 1, 2006).

Example of an article in Russian

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Петров В.В.

Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Подготовлено при поддержке гранта...

Аннотация:

Ключевые слова:

Сведения об авторе (авторах):

Петров Виктор Васильевич, профессор, доктор филологических наук.

Контактная информация:

Почтовый адрес:

E-mail:

Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [2]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи.

Список литературы

References

Name of the article

Petrov V.V.

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Abstract:

Key words:

About the author (authors):

Corresponding author (authors):

Postal address

E-mail:

Acknowledgements: (link to the grant if available)

Example of an article in English

Name of the article

Petrov V.V.

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Abstract:

Key words:

About the author (authors):

Corresponding author:

Postal address

E-mail:

Acknowledgements: (link to the grant if available)

Text of the article Text of the article Text of the article Text of the article
Text of the article [1]. Text of the article Text of the article Text of the article
Text of the article [2]. Text of the article Text of the article Text of the article
Text of the article [3].

References

References (in Russian)

Name of the article (in Russian)

Author (s) name, name of the organization (in Russian)

Abstract and key words (in Russian)

Please note: we will not accept the materials that do not meet the subject area of the Journal nor fit the above mentioned requirements.

Each submitted article is reviewed by two anonymous reviewers among Russian and foreign scientists with expertise in the article issues. The article is sent to the reviewers anonymously, that is without the name of the author of the article and its data. The reviewer should evaluate the article compliance with the subject area of the Journal, urgency and originality of the work, material and language analysis, write a brief justification / recommendations. Notes contained in the reviews (if any) are sent to the author (without the name of the reviewer). The Editorial Board makes a decision whether to publish the article or not, taking into account the opinion of the reviewer.

Contact information

Dostoevsky Omsk State University, Prospekt Mira 55A, Omsk, Russia
Faculty of Philology and Media Communications. Tel.: +7 (3812) 229-815
Chair of Theoretical and Applied Linguistics. Tel.: +7 (3812) 670-620

Editor-in-chief Oxana Sergeevna Issers

Executive editor Marina Viktorovna Terskikh (terskihm@mail.ru)